

март – апрель
2 (94) 2020 год
Научный журнал

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

Содержание

- ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ**
- 6 ТИХОНОВА В. А.**
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: ДУХОВНО-ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
- 13 ВОЗНЯК В. С.**
КАТЕГОРИЯ «ЦЕННОСТЬ»: ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
- 22 ПОЛЯКОВ Д. В.**
ПРОБЛЕМА ЭЛЛИНИЗАЦИИ ХРИСТИАНСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ С. Н. ТРУБЕЦКОГО
- 31 ЛИМОНЧЕНКО В. В.**
ФИЛОСОФСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ГЕНРИХА БАТИЩЕВА: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И АСКЕЗА КАК СУЩНОСТНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ПРАКТИКИ Я
- 44 МАРКОВ А. В.**
СЕМИОТИКА КУЛЬТУРЫ В. М. ЖИВОВА: СОЦИАЛЬНАЯ ДИСКУССИЯ В АРКАДИИ
- ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ**
- 54 БОЧАРОВА К. Н.**
КОНЦЕПЦИЯ «ПРИЗНАНИЯ» Ф. ФУКУЯМЫ, КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ТЕРРОРИЗМ
- 64 ЕФИМЕЦ М. А.**
«МИР» КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КОНЦЕПТ
- 74 СИНЯВИНА Н. В., МАХОВИЧ Е. В.**
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА
- 83 РАМЗИНА О. В.**
МИФОЛОГЕМА ЗМЕЕБОРЧЕСТВА: К ПРОБЛЕМЕ ПОЛИВАЛЕНТНОСТИ СИМВОЛИЗМА ДУАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ

- КУЛЬТУРНЫЕ
ЯВЛЕНИЯ
И ПРАКТИКИ
В СОВРЕМЕННОМ
ГУМАНИТАРНОМ
ДИСКУРСЕ**
- 92 СЫРКИНА Е. Г.**
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ:
ОПЫТ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ
- 103 ГЕРТНЕР С. Л., КИТОВ Ю. В.**
КУЛЬТУРА И COVID-19: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ
- 116 БУТОРОВ С. А.**
ПАНДЕМИЯ COVID-19 И ЕЁ ВЛИЯНИЕ
НА МИРОВУЮ ТУРИСТИЧЕСКУЮ ИНДУСТРИЮ
- 126 ШАРКОВСКАЯ Н. В.**
ИНДУСТРИЯ ДОСУГА КАК СОЦИАЛЬНО-
КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН
- 135 СУМИНОВА Т. Н.**
ПАРК В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ
- 143 КАРЦЕВА Е. А.**
РАЗВИТИЕ АРТ-ИНИЦИАТИВ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ
И ИХ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ
- 149 ЛЕБЕДЕВ В. Ю., ПЕРЕЛЫГИНА Е. М.**
КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЕ КАК ВЫЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНО-
ТЕМПОРАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ
- 157 ЛОПАТИНА Н. В.**
СОВРЕМЕННЫЕ БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЕ НАУКИ
– ОРГАНИЗАТОРАМ ДЕТСКОГО И ЮНОШЕСКОГО ЧТЕНИЯ
- 163 ФУРСОВА Д. А.**
К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ
«ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНАЯ СРЕДА»

March – April
2 (94) 2020
Scientific
Academic Journal

The Bulletin

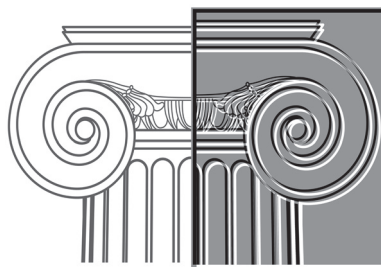
OF MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS

Content

- PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF CULTURE** **6 TIKHONOVA VALERIYA A.**
HISTORICAL MEMORY: SPIRITUAL AND ETHICAL ASPECT
- 13 VOZNYAK VLADIMIR S.**
"VALUE" CATEGORY: PHILOSOPHICAL-CULTURAL DIMENSION
- 22 POLYAKOV DENIS V.**
THE PROBLEM OF HELLENIZATION OF CHRISTIANITY
IN THE WORKS OF S. N. TRUBETSKOY
- 31 LIMONCHENKO VERA V.**
PHILOSOPHICAL EVOLUTION OF GENRIKH BATISHCHEV:
ACTIVITY AND ASCETICISM AS ESSENTIAL DIMENSIONS
OF THE PRACTICE OF I
- 44 MARKOV ALEXANDER V.**
THE SEMIOTICS OF CULTURE OF VIKTOR ZHIVOV:
TO THE SOCIAL DISCUSSION IN ARCADIA
-
- THEORY AND HISTORY OF CULTURES** **54 BOCHAROVA KSENIYA N.**
THE F. FUKUYAMA'S CONCEPT OF "RECOGNITION",
IDENTITY AND TERRORISM
- 64 EFIMETS MARYA A.**
"PEACE" AS AN UNIVERSAL CULTURAL
AND CIVILIZATIONAL CONCEPT
- 74 SINYAVINA NATALYA V., MAKHOVICH ELENA V.**
ART SPACE IN THE CONTEXT OF CULTURAL
AND PHILOSOPHICAL DISCOURSE
- 83 RAMZINA OLGA V.**
THE MYTHOLOGEME OF DRAGON-SLAYING:
THE PROBLEM OF MULTIVALENCE SYMBOLISM
OF DUALISTIC IMAGES

- CULTURAL PHENOMENA AND PRACTICES IN MODERN HUMANITARIAN DISCOURSE**
- 92 SYRKINA ELENA G.**
INSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF CULTURAL POLICY:
THE EXPERIENCE OF FUNCTIONAL DETERMINATION
- 103 GERTNER SVETLANA L., KITOV YURI V.**
CULTURE AND COVID-19: A VIEW FROM RUSSIA
- 116 BUTOROV SERGEY A.**
COVID-19 PANDEMIC AND ITS IMPACT
ON THE GLOBAL TOURISM INDUSTRY
- 126 SHARKOVSKAYA NATALIYA V.**
LEISURE INDUSTRY AS A SOCIAL AND
CULTURAL PHENOMENON
- 135 SUMINOVA TATYANA N.**
PARK IN THE SYSTEM OF MODERN CULTURE
- 143 KARTSEVA EKATERINA A.**
THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN REGIONAL ART PROJECTS
AND THEIR INSTITUTIONALIZATION
- 149 LEBEDEV VLADIMIR YU., PERELYGINA ELENA M.**
COLLECTIBLES AS AN ELICITATION OF THE PERSONAL
CULTURAL TEMPORAL ORIENTATIONS
- 157 LOPATINA NATALIYA V.**
MODERN LIBRARY AND INFORMATION SCIENCE-
ORGANIZERS OF CHILDREN'S AND YOUTH READING
- 163 FURSOVA DARYA A.**
TOWARDS THE PROBLEM OF THE DEFINITION
"INFORMATION AND COMMUNICATION ENVIRONMENT"

ФИЛОСОФСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ
КУЛЬТУРЫ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: ДУХОВНО-ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

УДК 304.4

DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10201

В. А. Тихонова

Московский государственный институт культуры

В статье ставится вопрос о единстве исторической и культурной памяти, когда вопрос об отношении к историческому прошлому оказывается на пересечении науки, политики и этики. Как в рамках исторической науки, так и в коллективном самосознании народа объективность знания о прошлом не сводима к простой констатации факта, но предполагает его интерпретацию. Автор указывает на субъективизм узкополитической интерпретации событий прошлого. Объективное знание о прошлом совпадает с правдой и справедливостью, когда оно сопряжено с нравственными основами национального самосознания. Проблема исторической памяти рассматривается в контексте современных фальсификаций победы СССР во Второй мировой войне, что нашло отражение в соответствующих поправках в Конституцию РФ. Противодействие фальсификации нашей памяти о войне определяет характер и возможности патриотического воспитания молодёжи.

Ключевые слова: историческая память, культурная память, этический аспект, исторический факт, истина, правда, справедливость, объективность, нравственный идеал, национальное самосознание, патриотизм.

Valeriya A. Tikhonova

Moscow State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultura),
Bibliotechnaya Str., 7, 141406, Khimki City, Moscow Region, Russian Federation

HISTORICAL MEMORY: SPIRITUAL AND ETHICAL ASPECT

The article raises the question of the unity of historical and cultural memory, when the question of attitude of the historical past is at the intersection of science, politics and ethics. Both within the framework of historical science, and in the collective consciousness of the people the objectivity of knowledge about the past is not reduced to a simple statement of fact, but suggests its interpretation. The author points to the subjectivism of narrow political interpretation of past events. Objective knowledge about the past coincides with truth and justice, when it's associated with the moral foundations of national consciousness. The problem of historical memory is considered in the context of modern falsifications of the USSR victory in World War II, which is reflected in the relevant amendments to the Constitution of the Russian Federation. Opposing the falsification of our memory of the war determines the nature and possibilities of patriotic education of youth.

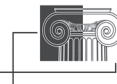
Keywords: historical memory, cultural memory, ethical aspect, historical fact, truth, justice, objectivity, moral ideal, national identity, patriotism.

ТИХОНОВА ВАЛЕРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – доктор философских наук, профессор, эксперт управления научной работой, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

TIKHONOVA VALERIYA ALEKSANDROVNA – DPhil, Full Professor, Expert in Scientific Work Office, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

e-mail: tikhonovava@mail.ru

© Тихонова В. А., 2020

Для цитирования: Тихонова В. А. Историческая память: духовно-этический аспект // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 2 (94). С. 6–12.
DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10201

75-летний юбилей Великой Победы над нацистской Германией обострил противостояния на поле исторической памяти. Проблема исторической памяти в наши дни делает более наглядным использование истории в политических целях. Пересмотр истории Второй мировой войны, «обновлённые» трактовки её итогов и вклада в победу нашего народа, по существу, выражают подлинные устремления противников укрепления суверенитета России и упрочения её позиций в международном пространстве.

Вопрос об отношении к историческому прошлому нашей страны всегда находился на пересечении науки, политики и этики. Это не только проблема достоверности исторических фактов, но также вопрос о духовных смыслах и идеалах, лежащих в основании жизни и истории народа. Потому мы должны рассматривать историческую память как духовную память, как память не только о событиях, но и о движущих силах и духовных мотивах тех, кто творил наше коллективное прошлое. Под исторической памятью сегодня имеют в виду не только данные исторической науки, но и всё то, что в культуре народа напоминает о прошлом, символизирует его. «Хранилище» исторической памяти – это музеи, архитектурные памятники, произведения литературы, документальные и художественные фильмы, народные предания. К «живой» исторической памяти можно отнести ежегодную акцию «Бессмертный полк» и звание «Участник Великой Отечественной войны». Но духовная сторона исторической памяти связана не только с прошлым, но и с будущим – воспитанием нашей молодёжи. Поэтому патристическое воспитание напрямую связано с

проблемой фальсификации истории и исторической памяти России.

Духовно-этический аспект исторической памяти предполагает уточнение понятий объективности и истинности. В связи с этим представляет интерес определение истины, данное Аристотелем, которое гласит: «Говорить о сущем, что его нет, или о не-сущем, что оно есть, – значит говорить ложное; а говорить, что сущее есть и не-сущее не есть, – значит говорить истинное» [3, с. 141]. Здесь Аристотель обозначил противоположность истинных и ложных суждений, когда истина является соответствием, а заблуждение – несоответствием сущему, то есть факту. Но ведь одни и те же исторические факты могут получить различное толкование, которое сегодня именуют «интерпретацией».

В попытке различать объективные и субъективные интерпретации европейская философская мысль углублялась в понимание истины и её объективного характера, что было связано с развитием представлений об особенностях индивидуального и общественного сознания. Выясняя эту диалектику, М. Е. Соболева подчёркивает, что «анализируя многочисленные теории познания можно заключить, что, как правило, возможность познания истины связывается с тем, что истина так или иначе дана сознанию» [11, с. 120]. Но в свете чего мы толкуем и интерпретируем исторические факты?

В связи с этим особое значение в исследованиях, обращённых к исторической памяти, обретают не только понятия истинности и достоверности, но и понятия правды, справедливости. И эти проблемы не

раз поднимали отечественные философы и историки, которые осознавали роль изучения русской истории для освоения духовного и политического опыта, воспитания нравственных и гражданских чувств на примере событий прошлого, культуры, обычаев народа.

Основные задачи своей деятельности как исследователя истории Российского государства Н. М. Карамзин сформулировал в следующем требовании: «Не позволять себе никакого изобретения, я искал выражений в уме своём, а мыслей единственно в памятниках; искал духа и жизни в тлеющих хартиях; желал преданное нам веками соединить в систему, ясную стройным сближением частей; изображал не только бедствия и славу войны, но и всё, что входит в состав гражданского бытия людей; успехи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность» [7, с. 24–25].

Обратим внимание на то, что Карамзин не позволяет себе «никакого изобретения», то есть выдумки, соединяя исторические данные в систему знаний об отечественной истории. Но научный характер его труда не отменяет поисков «духа и жизни в тлеющих хартиях». Историческое знание, согласно Карамзину, не отменяет, а предполагает руководство представлениями о гражданских доблестях и национальных идеалах. Отмечая особую заслугу Карамзина в превращении исторического знания в фактор общественного сознания, что способствовало преданию отечественной истории глубокого нравственного и гражданского смысла, О. А. Жукова пишет: «Эстетика, восходящая к классической идее идеального гражданина, усиленная просветительским пафосом, придала необычайный моральный вес историческим изысканиям Карамзина и превратила чтение и обсуждение многотомного труда («История государства Россий-

ского». – В. Т.) в общее дело – публичное событие духовно-нравственного и политического порядка» [6, с. 140].

Более конкретно об «этическом начале в науке» писал Н. Михайловский, который, как известно, не ограничивался в познании лишь поиском истины вне нравственных проблем человека, а полагал, что в отображении мира необходимо удовлетворять «запросы нравственного чувства». Исследователь его творчества В. К. Блохин подчёркивал, что созданное Михайловским учение о «системе правды» представляется как «учение о целостном восприятии науки», в котором «задача учёного сводилась не к изложению истины как таковой, а к гуманизации элементов мира, его этическому устройению. Познание явлений жизни не может быть иным, ибо только целостная истина могла быть только справедливой, а справедливость должна быть предварена установлением истины» [4, с. 13]. В этом, как отмечал С. Н. Южаков, был заключён смысл «субъективного метода» Михайловского, который «означал иную этико-социологическую доктрину», суть которой состояла в оценке относительной важности явлений на основании нравственного мировоззрения (идеала) исследователя и построения научной теории при помощи этого же критерия [12, с. 245]. Блохин в связи с этим замечал, что в основе социологии Михайловского были заложены «суждения ценностей, или, по меткому замечанию Бердяева, – этической категории» [4, с. 14].

Связь духовно-этической стороны исторической памяти с субъективными моментами, что прослеживается у Михайловского, выводит нас на проблему исторической памяти как самосознания личности и целого народа, тем более – в ситуации исторического перелома и сдвига идеологических парадигм. В связи с этим интересна по-

зияция академика РАН В. А. Лекторского, у которого историческая память представлена как неотъемлемая часть сознания и самосознания общества, в чём-то аналогичная «жизненной памяти» личности. Вместе с тем, подчёркивают И. Ю. и А. П. Алексеевы, «самосознание личности видится как включающее осознание принадлежности к стране, народу и неизбежно то или иное представление (пусть не полное, в чём-то неточное) об истории страны и народа» [2, с. 68–69]. Речь идёт о том, что самосознание отдельной личности невозможно без освоения коллективной памяти, которая становится составляющей нашего личного мировоззрения. И тогда особо важной представляется проблема механизмов интериоризации (освоения) индивидов коллективной исторической памяти, которые различны в разные эпохи.

Если раньше это было связано с восприятием эпоса, народной культуры или, наоборот, произведений высокой классики, то в современную эпоху индивид оказывается на пересечении многообразных воздействий, тем более – в переломные исторические моменты. Более того, в такие моменты высок соблазн освещения истории с явно выраженных идеологических позиций. Лекторский, в частности, в работе «Эпистемология классическая и неклассическая» отмечал, что подобная тенденция в освещении прошлого особенно ярко проявляется в эпохи крушения общественно-политических систем, в процессах ускоренного формирования новых «социополитических целостностей» при установлении «иных видов миропорядка» [8, с. 245–246]. И тогда индивид оказывается в ситуации противостояния противоположных исторических трактовок и картин прошлого, а в итоге его собственный взгляд на прошлое оказывается или предвзятым, или эклектичным.

Таким образом, проблема исторической памяти оказывается на острие дискуссий о методологии исторического анализа. Речь идёт не только о подлинности исторических фактов, но и о том, как понимать эту подлинность, о тех философских, культурологических, психологических подходах, которые составляют предпосылку адекватной взаимосвязи исторической памяти с этическим началом, оценки и учёта не только особенностей обстоятельств, места и времени, но и нравственно-духовных ценностей, которые соответствовали месту и времени данных исторических процессов.

Политика того или иного государства определяется особенностями ценностно-нормативных, культурно-нравственных систем, что, безусловно, оказывает воздействие на реконструкцию тех или иных фрагментов исторической памяти. В современных реалиях, связанных со стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий, возникают широкие возможности для прямого и косвенного влияния не только государств, но и отдельных организаций и лиц на историческую память в целях приспособления её к своим субъективным интересам. «Неудивительно, – читаем мы у И. Ю. и А. П. Алексеевых, – что “историческая память” представляет собой поле исследовательской и практической деятельности, где “встречаются” установки, стили мышления и нормативные системы, отношения между которыми характеризуются не только как “взаимодополнение” и “взаимообогащение”, но и как “неприятие”, “столкновение”, “борьба» [2, с. 68]. В условиях, когда информационные войны перемещаются из СМИ в социальные сети, методы манипуляции коллективным и индивидуальным сознанием становятся всё более сложными и изощрёнными. Идеологические столкновения приобретают видимость

ценностных расхождений, геополитическая борьба обретает вид борьбы за демократию и более прогрессивные культурные нормы, к которым относят и интерпретации давней и недавней истории. Этому сегодня в большой степени способствуют постмодернистские представления о плюрализме и относительности в области нравственных норм, что способствует распространению «фэйковых» новостей и сведений о России.

Историческая память неотделима от культуры народа. В связи с этим представляет интерес интерпретация понятия «историческая память», представленная С. Н. Мареевым, который акцентирует в исторической памяти как памяти духовной многочисленные виды культурной деятельности человека. Памятники героям, библиотеки, музеи и картинные галереи, пишет С. Н. Мареев в статье «Духовная память – это историческая память», хранят для нас историю, без которой мы – животные. «Но в животных, – продолжает он, – нас может превратить и сама история, если она перевирается в угоду идеологии» [9, с. 60]. Мареев обращает внимание на мысль Ф. Ницше о расхождении объективности и справедливости в изучении истории [10, с. 195], но не соглашается с ней. «Объективность не может быть несправедливой, как не может быть несправедливой сама история. Несправедливыми могут быть только люди, делающие историю. Но если мы изобразили эту несправедливость объективно, то это и будет справедливо» [9, с. 61].

Обращаясь к проблеме ответственности историков, Мареев отмечает, что их задача не только освещать события и показывать, что было, но и выявлять внутреннюю связь событий. «Историк, – утверждает он, – должен показать не только то, что было, но и почему это кончилось. А такие вещи не кончаются по недоразумению, в

силу стечения случайных обстоятельств. Они кончаются закономерно и с необходимостью» [9, с. 60]. Иными словами, выясняя внутреннюю логику истории, мы понимаем её смысл и помогаем людям учиться на примере собственной истории, превращаясь в сознательных граждан.

Люди, в отличие от животных, которые живут лишь насущной физиологической потребностью, становятся людьми, осознавая себя через собственную историю. Но так происходит не всегда. Обращаясь к работам Ницше, Мареев демонстрирует запросы обывателя XIX века, который живёт узкими материальными интересами. При этом, пишет Мареев, такие люди даже завидуют животному, его непосредственности и безыскусственности. Ведь «жизнь в истории – это бремя, она истощает человеческие силы» [9, с. 62]. XX–XXI века, упростив человеку удовлетворение материальных потребностей, не освободили нам время для становления потребностей духовных, для жизни «в истории». Современный человек, констатирует Мареев, «живёт в своём доме и время собственной жизни воспринимает как то, которое он прожил в быту, с женой, детьми, собаками и со своими удочками. Быт заедает человека, и его мало интересует история народа и государства, история культуры и т.п.» [9, с. 61].

Эта и другие работы С. Н. Мареева показывают, что в превращении обывателей в граждан, «живущих в истории», он отводил большую роль воспитательной функции государства, как это было в древнегреческом полисе, к опыту которого он часто обращался в своих работах. При этом им высоко ценилась наша собственная история с её бедами и героическими свершениями, на основе которой и формировалась гражданственность нашего национального самосознания.

Фактов целенаправленного искажения истории накопилось немало, а их преумножение подтверждает стремления ослабить Россию, не допустить укрепления её влияния в мире, использовать богатства её территории в своих интересах. Поэтому так важно изучение духовного, культурного, политического опыта России, что нашло отражение в проекте дополнения Конституции Российской Федерации соответствующей статьёй о защите исторической правды как важнейшей составляющей деятельности по патриотическому воспитанию молодого поколения.

Патриотизм – это основа менталитета народов, входящих в Российскую Федерацию. Патриотизм сделал Отечественную войну «народной, священной». О величии духа советского народа Г. К. Жуков в своих воспоминаниях написал проникновенные слова: «Наша победа в войне с фашизмом ... звёздный час в жизни советского народа. В те годы мы ещё больше закалились и скопили огромный моральный капитал ...

Где бы ни находился советский человек – на фронте, в тылу страны, в тылу врага, фашистских лагерях – всюду и везде он делал всё от него зависящее, чтобы приблизить час победы. И никому не удастся приуменьшить значение военного и трудового подвига советского народа в Великой Отечественной войне» [5, с. 243–244]. Празднование Победы – свидетельство консолидации нашего общества. Признательность героям «Бессмертного полка» выражают во многих странах миллионы людей, несмотря на все попытки искажения истории этой войны и нашей победы в ней.

Конституционное гарантирование защиты исторической правды акцентирует внимание на необходимости, учитывая и современные проблемы России, взвешенного, свободного от сиюминутных идеологических пристрастий анализа прошлого своей страны, обосновывая те или иные заявления, выводы достоверными, правдивыми фактами, что особенно важно в реализации задач патриотического воспитания.

Примечания

1. Алексеев А. П., Алексеева И. Ю. Информационная война в информационном обществе // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 5–14.
2. Алексеева И. Ю., Алексеев А. П. Философия исторической памяти // Вопросы философии. 2018. № 10. С. 67–77.
3. Аристотель. Сочинения : в 4 томах. Москва : Мысль, 1975-. (Философское наследие : ФН). [Том 65] : Том 1 / [ред. и авт. предисл. В. Ф. Асмус]. 1978. 549, [1] с., 1 л. портр.
4. Блохин В. К. Социология счастья // Михайловский Н. К. Избранные труды / сост., авт. вступ. ст. и коммент. В. В. Блохин ; Институт общественной мысли. Москва : РОССПЭН, 2010. 662, [1] с. (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времён до начала XX века).
5. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления : в 3 томах. 5-е издание. Москва : Издательство Агентства печати «Новости», 1983-.
6. Жукова О. А. Читая Карамзина: философские вопросы российской истории // Вопросы философии. 2016. № 12. С. 111–115.
7. Карамзин Н. М. История государства Российского : в 6 книгах. Москва : Книжный сад, 1993. Книга 1.
8. Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая / Российская академия наук, Институт философии. Москва : УРСС, 2001. 255 с.
9. Мареев С. Н. Духовная память как историческая память // Проблема культурной памяти: социально-философский аспект : сборник статей / науч. ред. А. Н. Ужанков, Е. В. Мареева. Москва : МГИК, 2018. С. 58–64.

10. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Сочинения : в 2 томах. Москва : Мысль, 1990. Том 1.
11. Соболева М. Е. Истина: свойство, оператор, событие? // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 117–124.
12. Южаков С. Н. Социологические этюды : в 2 томах. Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1891. Том 1.

References

1. Alekseev A. P., Alekseeva I. Yu. Information Warfare in the Information Society. *Voprosy Filosofii [Problems of philosophy]*. 2016, no. 11, pp. 5–14. (In Russian)
2. Alekseeva I. Yu., Alekseev A. P. Philosophy of Historical Memory. *Voprosy Filosofii [Problems of philosophy]*. 2018, no. 10, pp. 67–77. (In Russian)
3. Aristotle. *Sochineniya. V 4 tomakh, tom 1 [Works. In 4 volumes, vol. 1]*. Moscow, Mysl Publishers, 1978. 549 p. (In Russian)
4. Blokhin V. K. Sotsiologiya schast'ya [Sociology of Happiness]. In: Mikhailovsky N. K. *Izbrannye trudy [Selected Works]*. Moscow, ROSSPEN Publishers, 2010. (In Russian)
5. Zhukov G. K. *Vospominaniya i razmyshleniya. V 3 tomakh [Memories and Reflections. In 3 volumes]*. 5th edition. Moscow, "Novosti" Press Agency Publishing House, 1983. (In Russian)
6. Zhukova O. A. Reading Karamzin: Philosophical Problems of Russian History. *Voprosy Filosofii [Problems of philosophy]*. 2016, no. 12, pp. 111–115. (In Russian)
7. Karamzin N. M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo. V 6 knigakh, kniga 1 [History of the Russian State. In 6 books, book 1]*. Moscow, Publishing House "Knizhnyy sad", 1993. (In Russian)
8. Lektorsky V. A. *Epistemologiya klassicheskaya i neklassicheskaya [Classical and Non-classical Epistemology]*. Moscow, Editorial URSS, 2001. 255 p. (In Russian)
9. Mareev S. N. Dukhovnaya pamyat' kak istoricheskaya pamyat' [Spiritual memory as historical memory]. In: Uzhankov A. N., Mareeva E. V., eds. *Problema kul'turnoy pamyati: sotsial'no-filosofskiy aspekt [The problem of cultural memory: social and philosophical aspect]*. Moscow, Publishing House of Moscow State Institute of Culture, 2018. Pp. 58–64. (In Russian)
10. Nitshe F. [Nietzsche F.] *Sochineniya. V 2 tomakh. Tom 1: O pol'ze i vrede istorii dlya zhizni [Works. In 2 volumes. Vol. 1: On the benefits and harms of history for life]*. Moscow, Mysl Publishers, 1990. (In Russian)
11. Soboleva M. E. Istina: svoystvo, operator, sobytie? [True: property, operator, event?]. *Voprosy Filosofii [Problems of philosophy]*. 2008, no. 2, pp. 117–124. (In Russian)
12. Yuzhakov S. N. *Sotsiologicheskie etyudy. V 2 tomakh, tom 1 [Sociological studies. In 2 volumes, vol. 1]*. St. Petersburg, Printing House of M. M. Stasyulevich, 1891. (In Russian)

*

КАТЕГОРИЯ «ЦЕННОСТЬ»: ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

УДК 124.5

DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10202

В. С. Возняк

Дрогобычский государственный педагогический университет имени Ивана Франко (Украина)

Статья посвящена рассмотрению категории «ценность» в философско-культурологическом измерении, которое предполагает критическо-рефлексивную аналитику используемых в науках о культуре и культурологии понятий, а также в контексте различия рассудка и разума. Принято считать, что рассудочное мышление само по себе безразлично к ценностям, а вот именно разумному мышлению присуща обязательная ориентация на ценности. Однако в статье обосновывается тезис о том, что «ценностная ориентация» присуща именно рассудку. Диалектический разум, умеющий адекватно работать с категорией «идеальное», не нуждается в услугах ценностного мышления. Обосновывается идея, что определение сферы культуры через категорию «ценность» страдает некоторой односторонностью и не позволяет раскрыть её содержание как порождающего человеческое бытие основания.

Ключевые слова: ценности, культура, рассудок, разум, идеальное, порождающее основание.

Vladimir S. Voznyak

Drohobych Ivan Franko State Pedagogical University, Street Ivan Franko, 24, 82100, Drohobych, Lvov Region, Ukraine

“VALUE” CATEGORY: PHILOSOPHICAL-CULTURAL DIMENSION

The article is devoted to the consideration of the category of “value” in the philosophical and cultural dimension, which involves critical reflective analytics of concepts used in the sciences of culture and cultural studies, as well as the context of the distinction between mind and reason. It is generally accepted that rational thinking in itself is indifferent to values, but that rational thinking is inherent in the obligatory orientation to values. However, the article substantiates the thesis that “value orientation” is inherent in the mind. The dialectical reason, able to work adequately with the category of “ideal”, does not need the services of value thinking. The idea is substantiated that the definition of the sphere of culture through the category of “value” suffers from some one-sidedness and does not allow revealing its content as a basis that generates human being.

Keywords: values, culture, mind, reason, ideal, generative basis.

Для цитирования: Возняк В. С. Категория «ценность»: философско-культурологическое измерение // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 2 (94). С. 13–21. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10202

ВОЗНЯК ВЛАДИМИР СТЕПАНОВИЧ – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии имени профессора Валерия Григорьевича Скотного Дрогобычского государственного педагогического университета имени Ивана Франко (Украина)

VOZNYAK VLADIMIR STEPANOVICH – DPhil, Full Professor, Head of the Department of Philosophy named after Valeriy Skotnyi, Drohobych Ivan Franko State Pedagogical University (Ukraine)

e-mail: volodimir.voznyak@gmail.com

© Возняк В. С., 2020

Одной из существенных задач философско-культурологического дискурса является критическая аналитика тех понятий, которые используются в науках о культуре и в самой культурологии. К таким понятиям относится категория «ценность», интенсивно присутствующая в отмеченных дисциплинах.

Мартин Хайдеггер отмечает: «В XIX веке говорить о ценностях, мыслить ценностями становится делом привычным. Но лишь вследствие распространения сочинений Ницше ценности вошли в обиход. Говорят о жизненных ценностях, о культурных, о вечных ценностях, об иерархии ценностей, о духовных ценностях, каковые надеются обрести, например, в античности. Учёные занятия философией, реформа неокантианства приводят к философии ценностей. Тут строят системы ценностей, в этике прослеживают наслоения ценностей» [15, с. 151]. Понятие «ценность» впервые появляется у Канта в контексте противопоставления *мира природы* и *мира свободы* (мира зависимого и независимого, по словам М. К. Мамардашвили). Кант ценностями называет то, что мотивирует человеческие поступки – общезначимые принципы. А посему они относятся к этической сфере, они нечто значат и предписывают воле человека определённую направленность. А далее в неокантианстве мир ценностей предстаёт фундаментом *мира культуры*.

Однако категория «ценность» является историческим продуктом ещё в ином смысле – не по времени своего появления в науке, а как отражение и выражение некоторых изменений в собственно общественном бытии человека и в способах его осознания. Её появление и интенсивное использование в философском «обороте» с времён неокантианства свидетельствует о капитальном факте дезонтологизации и субъекти-

зации бытия, отрыва объективной *истины* от субъекта, и тогда наука чисто внешне вынуждена дополняться *ценностями*, отображение мира – внешней «активностью». Именно так и появляется «аксиология». Нам сложно не согласиться с М. А. Лифшицем: «<...> своим успехом так называемая аксиология обязана прежде всего растущему опустошению реального мира, противостоящего человеку с его поисками смысла жизни <...> Отсюда понятен весь тот бум “ценностной ориентации”, конструирующей и реконструирующей условные ценности на новый лад в соответствии с жизненной активностью субъекта, его потребностями, его волей к власти. Где бытие, познаваемое наукой, лишено собственного смысла и всякой объективной связи с внутренним миром субъекта, тем неизбежно явление особой “ценностно-ориентационной деятельности” самого широкого спектра – от ухода в религию до возрождения социальной утопии» [7, с. 185].

О том, что появление «ценностей» как какой-то особой ориентации связано с опустошением реальности и предельной субъективацией, говорит и Мартин Хайдеггер. Он полагает, что мысль, *идущая наперекор* «ценностям», не объявляет никчёмными те реалии, которые характеризуются как «ценности», однако следует понимать, что именно характеристика чего-то как «ценности» лишает так оценённое его достоинства. Объявить Бога «ценностью» – значит принизить божественное существо. «Мышление в ценностях здесь и во всём остальном – *высшее святотатство, какое только возможно по отношению к бытию*» [14, с. 343–344] (выделено курсивом нами. – В. В.).

Итак, ценностное мышление есть «высшее святотатство», оно реально *уценивает* то, что объявляется «ценностью». Правда, при этом немецкий мыслитель настаивает

вает на *исключительно субъективном* характере ценностей, поскольку сущность ценности покоится в том, что она – точка зрения [15, с. 152].

Об основах «ценностного мышления» – рассудок или разум

Для того чтобы представление о ценности довести до собственно *понятия*, необходимо обратить внимание на то, что М. А. Лифшиц, не будучи никоим образом сторонником «ценностного мышления», в полемике с М. С. Каганом утверждает принципиально *объективный* характер ценностей [см.: 7, с. 109–188]. О том же речь идёт и у Г. С. Батищева [см.: 1; 2], который призывает не путать ценности с «*ценимостями*»¹. При этом и М. А. Лифшиц, и Г. С. Батищев не являются сторонниками противопоставления истины и ценности: ведь существуют истинные и ложные ценности.

Достаточно распространённым является такой взгляд: *рассудок* в силу своей техничности и инструментальности безразличен к ценностям, к ценностному измерению действительности, а вот *разум*, в отличие от рассудка, ориентируется на ценности. Однако можно обосновать тезис о том, что *ориентация на ценности характерна именно для рассудка* и обыденного мышления. О. Г. Дробницкий утверждает, что нормативно-оценочные представления (ценности сознания) содержат в себе «готовое решение», «жизненное пристрастие», «формулу жизни» для воли и чувств, но при этом они не расшифровывают индивиду социально-исторического содержания его деятельности и его места в мире, чего, собственно, и не требуется в каждом отдельном случае;

¹ А ведь именно некие «ценимости» и называют «ценностями», равно, как говорит Ф. Т. Михайлов, ценностями зовут определённые предпочтения, приоритеты [9].

обозначить ту или иную житейскую проблему и получить на неё готовый ответ чаще всего бывает вполне достаточно. «А потому и сохраняют своё значение морально-эстетические ценности, “формулы”, в которых социально-историческое содержание “зашифровано” в виде “условного знака”. В них укрыт и не проступает явно громадный исторический опыт, логика последовательного “размышления” поколений, и они позволяют человеку ориентироваться в общественном и природном мире “без излишних рассуждений”» [5, с. 287]. Иными словами, простая «*ориентация на ценности*» делает совершенно необязательным проникновение в их смысл, в их общественно-культурное происхождение. Именно это и характерно для рассудочного сознания.

«Мышление в ценностях», ценностно ориентированное мышление является попыткой рассудка каким-то образом преодолеть свою голую техничность и служебность, но в пределах и средствами самого рассудка. Чистую объектность, к которой было сведено сущее волевым напором «фаустовского человека», надо было украсить, прикрывая стыд дезонтологизованного предмета фиговым листком «ценности». Превратив реальность в сплошной *объект*, сам субъект милостиво, с барского плеча время от времени дарит этому объекту право «считаться» чем-то значимым. Здесь – как и во всём – проступает «воля к власти». Одни объекты получают статус «ценности», другие – нет, оставаясь чем-то малоценным. Итак: разделяй и властвуй.

Это только внешне «стоимость» противоположна «ценности». Такую оппозицию выгодно проповедовать, создавая иллюзию возвышенности и непродажности. Стерилизация реальности к голому объекту новоевропейским рассудком, провозгласившим себя «разумом» и узурпировавшим его

права (и требующим отношения к себе как к ценности достаточно высокого порядка), в качестве компенсации требует «ценностного подхода». Ведь невозможно полностью избавиться от *смыслового измерения* реальности: выброшенное за дверь контрабандой влетает через окно в виде «ценностей». Противопоставление истины и ценности создаёт видимость равновесия, некоторой полноты и почти – гармонии, скрывая при этом онтологическую потерю, повреждённость, «забвение бытия». Если истина лишилась былого величия и выродилась в «правильность», то, разумеется, необходимо какое-то особое «ценностное видение», некое «ценностное измерение».

Разум как смысловой антипод рассудка не отличается от своего протагониста какой-то особой, *другой* «ценностной ориентацией». Он по самой своей природе не является «ценностным». Разум не подчиняется извне заданной цели, он не работает в режиме внешней целесообразности (это – дело и удел рассудка). Разум сам способен продуцировать цели, определяясь предельными основаниями человеческого бытия в мире, будучи причастным к определению самих этих оснований. Разум основывает своё целеполагание на **понимании** как *содержания* той реальности, в рамках которой человек осуществляет свою деятельность, так и *содержания* задач и средств, которые человек реализует и применяет на практике. «Ориентация на ценности» – пусть на высокие, лучшие, самые гуманные – ещё не гарантирует *содержательности* (то есть собственно духовности) человеческого отношения.

Рассудочный уровень практически повседневного поведения характеризуется ориентацией на «ценности» без предварительного (и тем более последующего) их *осмысления*, без освоения той **общественно-культурной предметности**, которая в дан-

ном случае предстаёт значимой для субъекта. Сам по себе рассудок равнодушен к собственно человеческому смыслу, нечувствителен к собственно человеческому измерению бытия (следовательно – к **культуре**). И тем не менее на уровне рассудочного сознания человек так или иначе живёт в человеческом (пусть и бесчеловечном) мире, в определённой системе социально-экономических и политических отношений, среди других людей и поэтому вынужден, так сказать, «считаться» с различными параметрами общественной жизни, в том числе – моральными и художественно-эстетическими. Специфика собственно рассудочной ориентации заключается в том, что человек руководствуется этими параметрами как *готовыми решениями, формулами* жизненного поведения и оценки. Поэтому рассудочное сознание часто разделяет предрассудки своего времени, так как относится к ним как к «ценностям». Здесь мы видим склонность рассудка к всеобъемлющему *использованию*: рассудок существует не вне морали, он использует мораль, пользуется моралью как системой определённых норм и оценок.

Диалектический разум направлен на предметность, но при этом она не ссыхается к объектно-вещественным измерениям. Его отношение является **субъект-субъектным**. Причём последнее не сводится только к межличностным отношениям, а имеет глубокий, онтологический, универсальный смысл. Нравственность, духовность, **культура** существуют, живут, бытийствуют именно в контексте «субъект-субъект».

Может сложиться впечатление, что автор вообще отвергает аксиологию и само понятие «ценность». Однако всё не так: ценности – очень *серьёзная* вещь. Здесь надо мыслить *конкретно*. Как считает В. С. Библер, вне идеи сакральности, надысторичности ценностного мира, освящённого ре-

лигией или, скажем, платоновской теорией идей, аксиологический подход не имеет смысла, и полемика с ним является *неинтересной* [3, с. 214]. В. С. Библер прав. Обычный взгляд на «ценность» как некую значимость чего-то для человека и на что человек должен «ориентироваться» – рассудочный «конструкт», но не только: это и рассудочная обыденно-повседневная практика. Но и к сакральным (абсолютным!) ценностям рассудок относится так же – «ориентируясь» на них в том же духе, как и на «ценности» социальной жизни, повседневного бытия, путая ценность и стоимость.

В. С. Библер пытается полемизировать именно с *серьёзной* аксиологией. К нему стоит прислушаться: «Прекрасное – не ценность для тех, кто продуцирует произведения искусства, не эталон, не норма; красота как ценность – это отстранённый от произведения и иссохший схематизм его создания и жизни» [3, с. 215]. В каждом произведении каждый раз заново создаётся красота. То же самое происходит и с добром. «Добро – не внешняя ценность (для поступка, который якобы на него «ориентирован»), но это – сам *поступок* (произведение) как некий *субъект* добра, заново творимый и по-новому понимаемый; это – поступок, в его уникальности, неповторимости, неотделимости от данной перипетии, от данного индивида» [3, с. 215–216]. Здесь решается логическая проблема соотношения *всеобщего* и *индивидуального (уникального)*, и решается чисто диалектически. Речь идёт каждый раз об **уникальной универсальности, уникализированной универсальности**, индивидуализированной всеобщности; но и сама всеобщность берётся сугубо **конкретно**.

На уровне «ценностной ориентации» отдельное чисто рассудочно *подводится* под некоторую (пусть – самую высокую) «ценность», которая выступает в виде

абстрактно-всеобщего. На уровне аксиологической посвящённости высшему (а это – собственно *разумное* отношение, но не просто умственное) человек в уникальном, индивидуально неповторимом действии, отношении, произведении *реализует это высшее, воплощает его, продолжает его жизнь*. Рассудок же только **ориентируется** на «ценности». Разум способен к самоопределению в горизонте ценностей, определять себя ими, осуществляя их *содержание* в себе и собой.

Относительно истины как ценности В. С. Библер замечает, что если взять проблему истины *во всей полноте*, то ценностный подход здесь *не работает* (он не является основоположным, а лишь производным): «**истина** здесь – это не нависшая над нашим мышлением однозначная “ценность” для ума, для человека, но <...> – напряжение самого понимания, неотделимое **от этого** (моего) личностного бытия» [3, с. 218]. И буквально тут же В. С. Библер конструирует блестящую метафору, которая может быть точным «эйдосом» для понимания способа вхождения того, что называют «ценностью», в самые недра субъектного бытия, или – способа осуществления ценностей: «Это – не вязка сена перед мордой осла, но – это сам “осел”, стремящийся не к “сену”, но к “**насыщению**”, то есть к самому себе» [3, с. 218].

Природа ценностей и проблема идеального

Размышляя над статьёй, мы обратили внимание на интересный факт: те авторы, которые активно употребляют термин «ценность», никоим образом не «работают» с категорией «идеальное». И наоборот: исследователи, которые адекватно понимают смысл и содержание сложнейшего в философии понятия «идеальное», не работают в преде-

лах «ценностного мышления». Случайно ли это?

Идеалы – это не просто то, что выражает человеческие потребности, желания или устремления. Э. В. Ильенков утверждал: «<...> контуры идеала как образа необходимо наступающего будущего есть не что иное, как вывод из анализа существующих противоречий, разрушающих наличное состояние. В этом – вся суть диалектико-материалистического понимания идеала <...> Это – сама действительность в полном теоретическом синтезе её имманентных противоречий, то есть с точки зрения тех перспектив, которые ей же самой имманентны» [6]. Иными словами, идеал как таковой имеет, безусловно, *объективное* содержание.

Смысл понятия «идеал» не раскрыть без адекватного понимания природы *идеального* как такового. Г. В. Лобастов справедливо полагает, что идеальное предстаёт единством, точнее – конкретным тождеством идеи и идеала, которые сопряжены именно по линии *истины*: «Бытие предмета как бы замкнуто между его идеей (его предпосылками, в противоречивости которых идеально таится его реальная определённость) и его идеалом (*совершенной формой его объективного, действительного* существования, в котором моменты, выражающие его целостность, представлены в чистоте их всеобщих определений)» [8, с. 273–274]. Таким образом, идея и идеал принадлежат *самой действительности*, хотя сторонникам «ценностного мышления» может показаться, что за пределами социально-исторического бытия такое невозможно, поскольку эти определения характеризуют лишь сознание и сознательную деятельность. Идеал как «всесторонне развитая, внутренне совершенная форма конкретной действительности принадлежит самой природе и определяется по её законам, выступая вну-

тренним *пределом* ... качественно определённого бытия, самоотжественностью его. В сознании идеал определяется внутренней логикой развития самого предмета – идеал как форма сознания есть отражение предмета в его тождестве, соответствии самому себе. Иначе говоря, он есть отражение истины бытия» [8, с. 274].

Разве подобное *понимание идеала* не имеет существеннейшего значения для всего корпуса наук о культуре? Увидеть и удержать объективные основания в субъективном способен исключительно *разум диалектический*. Теперь становится ясным, отчего мыслители, адекватно работающие с категорией «идеальное», не пользуются услугами «ценностного мышления»: разум не нуждается в услугах почтенного рассудка в тех сферах, которые явно выходят за пределы его, рассудка, компетенции.

Когда мы называем те или иные предметы, явления, формы *культуры ценностями*, мы никоим образом не ошибаемся, однако при этом упускается из виду очень важный момент. А именно: в *ценности самой по себе* не явлено в достаточной мере *способ её презентации* субъекту. Говоря терминологией Мартина Бубера, здесь нет различия на «**Оно**-образное бытие» и «**Ты**-образное бытие». Однако **культура** как собственно культура не дана человеку в виде «Оно». Она всегда принципиально иная, она *обращена к человеку* и тем самым имеет «Ты-образную» природу. Культура не может представлять для человека простым *объектом*, она всегда **субъектна**.

Предметное поле культуры – это не наличное бытие анонимных продуктов труда или предметов потребления, а поле *произведений*. Культура является сферой произведений как феноменов. Тем самым культура – это форма самодетерминации индивида в горизонте личности, форма самодетерми-

нации нашей жизни, сознания, мышления. «Бытие в культуре, – пишет В. С. Библер, концепцию культуры которого мы только что воспроизвели в последних констатациях, – общение в культуре является общением и бытием на основе произведения, в идее произведения» [4, с. 291].

Характеристика культуры в пределах «ценностного мышления» очень затрудняет понимание её *как порождающего основания человека*. Здесь следует вспомнить «концепцию обращения» Ф. Т. Михайлова. Философ разделяет тезис К. Маркса о сущности человека как ансамбля общественных отношений, однако при этом различает *социальное и общественное*, считая первое превращённой формой собственно общественного. Общественное как таковое автор выводит из *общения*, а его – радикально *углубляет до обращения* как субъективно мотивированного, эмоционально насыщенного отношения изнутри субъективности человеческого индивида к субъективности других и тем самым – к себе. Именно здесь надо искать *онтологию культуры*. **Культура** является «исторически всеобщей категорией бытия – бытия человеческого» [10, с. 258]. Дело в том, что «своим происхождением, расселением, выживанием и развитием люди обязаны постоянному поиску со-мыслия и со-чувствия в общем деле преобразования условий и средств жизни (только потому, к стати сказать, и целесообразного, осознаваемого преобразования)» [10, с. 259–260]. *Культура* есть то, что порождает и сохраняет человека, ибо порождающим человека отношением является отношение (обращение) к субъективности других в поисках со-чувствия, со-мыслия, со-гласия, со-действия [13, с. 500]. Ф. Т. Михайлов понимает обращение и как механизм порождения культуры, и как механизм её развития, и как механизм её освоения в онтогенезе. Все *уни-*

версалии культуры так или иначе ориентированы на внутренний, субъективный мир человека, который понимается как «я», расширенное в культурно-исторической перспективе. Все *формы культуры* приобретают свою действительность только в актах живого обращения людей друг к другу (и тем самым – к самим себе). При этом они (формы культуры) сами становятся средствами осмысленного, эмоционально насыщенного и выразительного обращения, которое всегда адресно и предполагает отзыв и ответ. При этом утверждается и аргументируется принципиальная тождественность интер- и интрасубъективности культуры людей, тождественность всегда индивидуальных и всегда надындивидуальных сил их общей истории.

Ф. Т. Михайлов определяет **культуру** (без обращения к термину «ценность») как предпосылку, процесс и результат творения людьми жизненно необходимых им обращений друг к другу и к себе самим. Тем самым культура является процессом постоянного творения внешней обращённости беспокойной души человеческой к субъективности других людей, столь же настойчиво ищущих сочувствия в осмысленном освоении своего трагически одинокого и всегда общественного (лишь в общении, через обращение к другим возможного) бытия» [12, с. 266].

Различение *культуры и цивилизации* предельно значимо именно в философско-образовательном ракурсе. При этом традиционный (отчуждённый, овещнённый) педагогический процесс предельно нечувствителен к подобному различению (равно как и к различению рассудка и разума, морали и нравственности), **культура** в нём вытеснена на периферию, а всё внимание сосредоточено на *цивилизационной* стороне дела – педагогические (обязательно передовые, инновационные) «технологии», обо-

гашение и изощрение инструментария и форм контроля. *Сила вещей* подавляет *живую связь людей*. Нормальный же образовательный процесс (то есть соответствующий своему понятию) отдаёт предпочтение *культуре*, которая должна становиться «третьим субъектом» учения и воспитания, *подлинным субъектом*. Если культура – порождающее основание, то именно она и должна учить и воспитывать, порождать и бережно хранить, оберегать человеческое в индивидах.

С чего начинается человек? С другого человека. «Нерасчленимый атом духовно-практического бытия людей – это не что иное, как сохраняющее и изменяющее их жизнь обращение друг к другу и к себе самим. Субъективно целеустремлённое обращение к субъективности друг друга» [11, с. 116]. Именно в таких обращениях происходит «акт рождения в человеке осознаваемого объективного мира, а главное – это акт рождения реально-идеальной сути его тождества со своим родом – с человечеством» [11, с. 116]. Именно в сплошности по-

добных обращений и зарождается способность «ухода внутрь», впускания в себя других, рода, человечества. Кстати, способность к подобному «впусканию вовнутрь», принятию и есть, собственно, душа, душевность.

Как видим, Ф. Т. Михайлов прекрасно обходится без термина «ценность» при раскрытии **сущности культуры**: он владеет на категориальном уровне понятием «идеальное».

В качестве выводов можно сказать следующее: мы никоим образом не ставили своей целью «изъять» *понятие ценности* из корпуса *наук про культуру*. Речь идёт об определённом *коварстве* этой категории, что необходимо учитывать при её употреблении: она присуща именно рассудочному мышлению. При характеристике культуры как «ценности» остаётся в тени тот принципиальный факт, что культура порождает, хранит, воспроизводит и развивает собственно человеческое в человеке. Вот почему понятие ценности не раскрывает подлинную сущность культуры.

Примечания

1. Батищев Г. С. Истина и безусловные ценности. К критике аксиологического антропоцентризма с точки зрения диалектики междусубъектности // *Философско-педагогические произведения* : собрание сочинений в 2 томах. Бийск : ФГБОУ ВПО «АГАО», 2015. Том 2. С. 321–328.
2. Батищев Г. С. Ценности – больше, чем человеческое // *Философско-педагогические произведения* : собрание сочинений в 2 томах. Бийск : ФГБОУ ВПО «АГАО», 2015. Том 2. С. 458–461.
3. Библер В. С. Из «заметок впрок» // *Новый круг*. Киев, 1992. С. 210–220.
4. Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры : Два философских введения в двадцать первый век. Москва : Политиздат, 1991. 413 с.
5. Дробницкий О. Г. Мир оживших предметов. Проблема ценности и марксистская философия. Москва : Политиздат, 1967. 351 с.
6. Ильенков Э. В. Идеал [Электронный ресурс]. URL: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/enc/idealf.html>
7. Лифшиц М. А. В мире эстетики : статьи 1969–1981 гг. Москва : Изобразительное искусство, 1985. 318 с.
8. Лобастов Г. В. Идеальное как конкретное тождество идеи и идеала // *Идеальное*: Ильенков и Лифшиц. Москва : Микрон-принт, 2004. С. 259–279.
9. Михайлов Ф. Т. Карл Маркс и проблема тождества бытия и сознания [Электронный ресурс] // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. URL: <http://philosophy.ru/iphras/library/marx/marx2.html>
10. Михайлов Ф. Т. Культурология как основание общего человековедения // *Избранное*. Москва : Индрик, 2001. С. 257–390.

11. Михайлов Ф. Т. Диалектика как логика рефлексивного мышления // Избранное. Москва : Индрик, 2001. С. 110–118.
12. Михайлов Ф. Т. Самоопределение культуры. Философский поиск. Москва : Индрик, 2003. 272 с.
13. Михайлов Ф. Т. Философия образования: её возможности и перспективы // Избранное. Москва : Индрик, 2001. С. 452–512.
14. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии : сборник пер. с англ., нем., фр. / сост. и послесл. П. С. Гуревича ; общ. ред. Ю. Н. Попова. Москва : Прогресс, 1988. С. 314–356.
15. Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мёртв» // Вопросы философии. 1990. № 7. С. 143–176.

References

1. Batishchev G. S. Istina i bezuslovnye tsennosti. K kritike aksiologicheskogo antropotsentrizma s tochki zreniya dialektiki mezhdusub"ektnosti [Truth and Unconditional Values. To the Criticism of Axiological Anthropocentrism From the Point of View of the Dialectic of Intersubjectivity]. In: *Filosofsko-pedagogicheskie proizvedeniya. Sobranie sochineniy v 2 tomakh. Tom 2 [Philosophical and Pedagogical Works. Collected Works. In 2 volumes. Volume 2]*. Biysk, Publishing House of the Altai State Academy of Education, 2015. Pp. 321–328. (In Russian)
- 2 Batishchev G. S. Tsennosti – bol'she, chem chelovecheskoe [Values are More Than Human. In: *Filosofsko-pedagogicheskie proizvedeniya. Sobranie sochineniy v 2 tomakh. Tom 2 [Philosophical and Pedagogical Works. Collected Works. In 2 volumes. Volume 2]*. Biysk, Publishing House of the Altai State Academy of Education, 2015. Pp. 458–461. (In Russian)
3. Bibler V. S. Iz "zametok vprok" [From "Notes for Future Use"]. *Novyy krug*. Kiev, 1992. Pp. 210–220. (In Russian)
4. Bibler V. S. *Ot naukoucheniya – k logike kul'tury: Dva filosofskikh vvedeniya v dvadtsat' pervyy vek [From Science to the Logic of Culture: Two Philosophical Introductions to the Twenty-First Century]*. Moscow, Political Literature Publishing House, 1991. 413 p. (In Russian)
5. Drobnitsky O. G. *Mir ozhivshikh predmetov. Problema tsennosti i marksistskaya filosofiya [The World of Living Things. The Problem of Value and Marxist Philosophy]*. Moscow, Political Literature Publishing House, 1967. 351 p. (In Russian)
6. Ilyenkov E. V. *Ideal*. Available at: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/enc/idealfe.html> (In Russian)
7. Lifshits M. A. *V mire estetiki: stat'i 1969–1981 gg. [In the World of Aesthetics: Articles 1969–1981]*. Moscow, Fine Arts Publishing House, 1985. 318 p. (In Russian)
8. Lobastov G. V. *Ideal'noe kak konkretnoe tozhdestvo idei i ideala [Ideal as a Specific Identity of Idea and Ideal]*. *Ideal'noe: Ilyenkov i Lifshits [Ideal: Ilyenkov and Lifshits]*. Moscow, 2004. Pp. 259–279. (In Russian)
9. Mikhaylov F. T. *Karl Marks i problema tozhdestva bytiya i soznaniya [Karl Marx and the Problem of the Identity of Being and Consciousness]*. Available at: <http://philosophy.ru/iphras/library/marx/marx2.html>
10. Mikhaylov F. T. *Kul'turologiya kak osnovanie obshchego chelovekovedeniya [Culturology as the Basis of General Humanity]*. *Izbrannoe [Selected Works]*. Moscow, Publishing House "Indrik", 2001. Pp. 257–390. (In Russian)
11. Mikhaylov F. T. *Dialektika kak logika refleksivnogo myshleniya [Dialectics as the Logic of Reflexive Thinking]*. *Izbrannoe [Selected Works]*. Moscow, Publishing House "Indrik", 2001. Pp. 110–118. (In Russian)
12. Mikhaylov F. T. *Samoopredelenie kul'tury. Filosofskiy poisk [Self-Determination of Culture. Philosophical Search]*. Moscow, Publishing House "Indrik", 2003. 272 p. (In Russian)
13. Mikhaylov F. T. *Filosofiya obrazovaniya: ee vozmozhnosti i perspektivy [Philosophy of Education: Its Opportunities and Prospects]*. *Izbrannoe [Selected Works]*. Moscow, Publishing House "Indrik", 2001. Pp. 452–512. (In Russian)
14. Khaydegger M. [Heidegger Martin] *Pis'mo o gumanizme [A Letter on Humanism]*. In: Gurevich P. S., comp., Popov Yu. N., ed. *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii [The Problem of Human in Western Philosophy]*. Moscow, Progress Publishers, 1988. Pp. 314–356. (In Russian)
15. Khaydegger M. [Heidegger Martin] *Slova Nitsshe "Bog mertv" [Nietzsche's words "God is dead"]*. *Voprosy Filosofii [Problems of philosophy]*. 1990, no. 7, pp. 143–176. (In Russian)

ПРОБЛЕМА ЭЛЛИНИЗАЦИИ ХРИСТИАНСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ С. Н. ТРУБЕЦКОГО

УДК 14

DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10203

Д. В. Поляков

Южный Федеральный Университет

В статье обсуждается проблема эллинизации христианства с той точки зрения, какой она представлена в творчестве русского мыслителя С. Н. Трубецкого, который вступил в полемику, начавшуюся в немецкой протестантской литературе XIX века. Автор отмечает роль А. Гарнака, который одним из первых стал исследовать влияние греческой метафизики на христианскую керигму. В статье проанализирована работа «Учение о Логосе в его истории», в которой С. Н. Трубецкой, во многом полемизируя с Гарнаком, разбирает два истока христианского учения о Логосе: греческий и ветхозаветный. Однако, как отмечает автор, анализ ветхозаветного учения о премудрости Божией у Трубецкого имеет недостатки, связанные с его отказом рассматривать достижения библейской критики и истоки развития ветхозаветных книг мудрости.

Ключевые слова: эллинизация, христианство, С. Н. Трубецкой, Логос, премудрость, греческая культура.

Denis V. Polyakov

Southern Federal University, the Ministry of Education and Science of the Russian Federation,
Bolshaya Sadovaya Str., 105/42, 344006, Rostov-on-Don, Rostov Region, Russian Federation

THE PROBLEM OF HELLENIZATION OF CHRISTIANITY IN THE WORKS OF S. N. TRUBETSKOY

This article discusses the problem of the Hellenization of Christianity as presented in the work of the Russian thinker S. N. Trubetskoy, who entered into the controversy that began in German Protestant literature, of the 19th century. The author notes the role of A. V. Harnack, who was one of the first to research the influence of Greek metaphysics, on Christian kerigma. The article analyzes the work “The Doctrine of the Logos in Its History”, in which Trubetskoy, largely polemicizing with Harnack, takes apart two sources of the Christian doctrine of the Logos: the Greek and the Old Testament. However, as the author notes, Trubetskoy’s analysis of the Old Testament doctrine of the Wisdom of God has drawbacks related to his refusal to consider the achievements of biblical criticism, and the origins of the Old Testament books about the Wisdom of God.

Keywords: hellenization, Christianity, S. N. Trubetskoy, Logos, Wisdom, Greek culture.

ПОЛЯКОВ ДЕНИС ВЛАДИМИРОВИЧ – аспирант Института философии и социально-политических наук Южного Федерального Университета

POLYAKOV DENIS VLADIMIROVICH – PhD student, the Institute of Philosophy and Social and Political Sciences, the Southern Federal University

e-mail: DenisPb@spartak.ru

© Поляков Д. В., 2020

Для цитирования: Поляков Д. В. Проблема эллинизации христианства в творчестве С. Н. Трубецкого // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 2 (94). С. 22–30. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10203

Проблема эллинизации христианства является одной из самых интересных культурологических проблем. Это связано с тем, что современная западная цивилизация имеет христианские корни, исследование подлинных оснований которых может пролить свет на процессы, которые проходили в течение двух тысячелетий на территории Европы. Довольно часто мы встречаем противопоставление двух начал в европейской культуре – христианского и эллинского. Однако противоречат ли они друг другу по существу? Имеется и другое представление, согласно которому греческая культура, как более развитая, поглотила христианское благовестие, изменив сущность христианского вероучения. Отечественные мыслители начала XX века также искали ответ на этот вопрос, и наиболее серьёзной работой в этом ряду является «Учение о Логосе в его истории» С. Н. Трубецкого.

В современной российской исследовательской литературе на данный момент не имеется значительных работ, которые были бы посвящены анализу отечественными мыслителями конца XIX – начала XX века полемики, которая началась в Германии в XIX веке и символом которой стал А. Гарнак. Речь идёт о проблеме влияния античной культуры на формирование христианского вероучения и культа.

Что такое эллинизация христианства? Невозможно отрицать влияние греческой культуры на христианство. Эллинизм стал той культурой, в которой обнаружила себя ранняя церковь. Исследователями, в частности П. Б. Михайловым [6, с. 51], выделяются три уровня влияния Античности на христианство. Первый – это греческий язык, вто-

рой – это античная метафизика, третий – классическая пайдейя. Коротко охарактеризуем каждый из них.

Первый уровень является самым очевидным. Корпус текстов, которые вошли в Новый Завет и ранние апокрифы, которые не вошли в канон, были написаны в большинстве своём на греческом языке (возможно, кроме Евангелия от Матфея). Более того, уже для этих авторов существовал перевод Ветхого Завета на греческом языке. Процесс перевода с иврита на греческий начался в III веке до н.э. в Александрии, он получил название «Септуагинта». Именно цитаты из него мы встречаем в новозаветных текстах при отсылке на Ветхий Завет. Кроме того, уже во втором и третьем поколении Церковь в общении и богослужении почти полностью перешла на греческий язык. Апостольские мужи, которые жили во второй половине I и начале II века, писали свои послания на греческом языке (Игнатий Богоносец, Климент Римский, Папий Иерапольский, Поликарп Смирнский).

На втором уровне мы видим усвоение и принятие греческой философии, а именно – наблюдаем это в принятии философских категорий, метафизических концептов при разработке собственных богословских доктрин. В частности, догматические определения о триадологии и христологии были выработаны при широком привлечении античной философии и творческой переработке современного для того времени философского знания. Невозможно представить христианское богословие без таких терминов, как природа, ипостась, лицо, форма, единосущие, а также такого важного понятия для христианства, как Логос. Имен-

но на этом уровне акцентируют внимание русские философы, когда пишут о взаимодействии греческого и иудейского начал в христианстве.

Третий уровень показывает восприятие церковью античного представления об образовании и добродетели. Пайдейя стала наукой о спасении и подлинной философией, которой обучали людей, находящихся на этапе оглашения. Исследователь античной пайдейи Вернер Йегер писал: «христианство стало новой пайдейей, источником которой был сам божественный Логос – Слово, сотворившее мир» [5, с. 99]. В пайдейе христианство получило формы для реализации практической жизни: «... христианство было не простым набором догм, но совершенной жизнью, основанной на созерцании ... Бога и на ещё более совершенном единении с Ним» [5, с. 99].

Как мы видим, влияние античной культуры на христианство нельзя отрицать. Однако вопрос об их соотношении простой констатацией этого факта не снимается. Первым, кто по-настоящему основательно заявил о соотношении первоначальной керигмы и эллинской культуры, стал историк церкви Адольф Гарнак. В «Истории догматов» [4] и лекциях по «Сущности христианства» [3] он поднял вопрос о том, каково влияние античной культуры на сущностное содержание христианского вероучения и практики. Тем самым он бросил вызов, на который вынуждены были отвечать богословы, философы, культурологи. Отечественные исследователи не могли обойти стороной эту дискуссию. В частности, в своих фундаментальных лекциях по истории древней церкви В. В. Болотов полемизирует с А. Гарнаком. Кроме него заочно полемизирует с ним и С. Н. Трубецкой, который пишет в начале своей книги «Учение о Логосе в его истории»: «В наши дни в новейшей

протестантской историографии постоянно приходится встречаться с мнением, что раннее христианское богословие с его учением о Логосе есть продукт эллинизации христианства, его замутнения языческой стихией, продукт своего рода православного греческого гностицизма. Это мнение высказывается в связи с отрицательным отношением к греческой философии, в связи с отрицательным отношением к умозрению вообще» [11, с. 44]. Очевидно, под новейшей протестантской историографией имеется в виду А. Гарнак, с чьими взглядами на христианское богословие Трубецкой был не согласен.

Переходя непосредственно к размышлениям С. Н. Трубецкого о проблеме эллинизации христианства, стоит отметить, что мы остановимся на втором уровне, который касается влияния античной метафизики на формирование учения о Логосе. Свой взгляд на античную философию Трубецкой раскрывает в работах «Метафизика в Древней Греции» [10] и «История древней философии» [9]. А непосредственно про встречу и взаимодействие античной культуры и христианства он пишет в работе «Учение о Логосе в его истории» [11].

Для Трубецкого учение о Логосе связано с греческим миром, в котором оно возникло, а также с христианством, в котором оно приобрело свои черты. И вопрос, который ставит Трубецкой, заключается в следующем: «Каким образом христианство усвоило это понятие для выражения своей религиозной идеи и насколько оно в действительности ей соответствует – вот исторический и философский вопрос величайшей важности ...» [11, с. 12]. Учение о Логосе как о Божественном Разуме он рассматривает в исторической динамике античного мирозерцания, желая показать, что на развитие учения о Логосе не оказала влияние другая традиция. Вместе с этим он хочет по-

казать всю своеобразность христианского учения о слове Божием в Ветхом и Новом Завете, его отличия от иудейского верования и античной философии, что позволило ему стать новой ступенью в богопознании.

Таким образом, у Трубецкого можно выделить две линии развития учения о слове. Первая именуется Логосом, она развивается в Греции, вторая называется Премудростью Божией, которая развивается на почве ветхозаветной религии.

В дальнейшем эти две линии соединятся в христианстве.

Трубецкой пишет, что появление учения о Логосе происходит на фоне борьбы с мифом, который постепенно превращается из «сказа» в «сказку» и противопоставляется истинному знанию – Логосу, которое является разумным словом о природе вещей. Для досократического периода Логос – это внутренний закон, который либо противопоставляется существующему, однако являясь одновременно его «каркасом», как у Гераклита, либо совпадает с тем, что существует, как у Парменида.

На следующем этапе развития античной философии большое значение приобрела риторика, что совпадает с появлением софистов, которые настаивали на том, что достигнуть истинного знания нельзя, а поэтому вместо Логоса как объективного закона о сущем на первый план выдвинулось искусство слова. Это помогло обратить внимание на проблему языка и логики. В дальнейшем уже Сократ, который преодолел софистику, сделал следующий шаг. Трубецкой пишет о том, что «учение Сократа есть философия слова – учение о мысли, о понятии как содержании слова» [11, с. 59], «Сократ первый положил основание логике, науке о мысленном слове, о понятии, в котором лежит закон истинной, разумной человеческой речи» [11, с. 60]. Задача Сократа

– понять высшее благо. Именно через слово, речь достигается понятие блага, в этом для Трубецкого заслуга Сократа. Он вернулся к созерцанию объективного Логоса, который теперь исходит не только из окружающей природы, но и из человека.

Ученик Сократа – Платон – в своей теории об идеях придал им объективный характер. По Платону, они обладают высшим бытием. Как отмечает Трубецкой: «Платон признаёт единство бытия и познания в высшем идеале, обуславливающем всё сущее и всё познаваемое. Но этому идеалу противостоит действительность, как вечное, непримиренное отрицание» [11, с. 72]. Для Трубецкого важно показать в учении Платона то, что космос, материя проникнуты идеями, которые, с одной стороны, делают мир познаваемым, а с другой – являются причиной его существования. Цель мира, его причина и возможность познания существуют благодаря его причастности к миру идей.

В свою очередь, ученик Платона – Аристотель – интересен Трубецкому тем, что он разработал «учение о всеобъемлющем разуме, как метафизическом начале мира» [11, с. 72]. Трубецкой отмечает, что «... ничто не познаваемо и не мыслимо, кроме мысли; ничто не мыслимо иначе, как в форме мысли» [11, с. 73]. Разница между Аристотелем и Платоном, согласно Трубецкому, состоит в том, что вся природа является живым воплощением мысли, которая является формой материи.

Особо отмечает Трубецкой у Аристотеля учение о душе и разуме. Благодаря чему возможно знание вообще? Благодаря тому, что началом знания является знание в чистом виде, ещё до его разделения на субъект и объект, мысль, которая имеет самое себя до всяких разделений. Наш разум онтологически причастен к разуму до всякого разделения, благодаря чему происходит по-

знание. Аристотель логически развил идею универсального разума, подготовив тем самым место для концепта, который мог бы объять разные культуры, а с другой стороны, связать универсальный разум и конкретного человека.

Вместе с Аристотелем для Трубецкого заканчивается период творческого теоретического поиска. Греческая мысль стала тяготеть к такому знанию, которое было бы цельным и не ограничивалось только теорией, но и выходило бы к практике, а точнее – к религии: «Эллинское просвещение покорило мир, оно становилось социальной, политической силой ... Она сделалась учением, обратилась в догму» [11, с. 80].

Следующим шагом в развитии учения о Логосе, который приблизил эллинский мир к Логосу христианства, стала философия стоицизма. Именно это течение подняло на свои знамена разум, который объединил в себе разрозненные миры духа и материи. Для Трубецкого особенно ценно в стоицизме то, что «у них впервые термин “логос” получает неизменный смысл универсального, вселенского разума» [11, с. 81]. Стоики смогли распространить эти идеи по всей Римской империи, превратив философию из достояния узкой группы мудрецов в популярное мировоззрение, отвечающее на основные жизненные вопросы человека.

Ещё раз необходимо подчеркнуть, что у стоиков понятие Логоса начинает приобретать религиозное значение. Трубецкой пишет: «философское учение о Логосе как внутреннем божественно-разумном законе ... было впервые разработано стоиками и популяризовано ими в самых широких кругах. Не мудрено, что ранние христианские апологеты примыкают здесь к стоицизму» [11, с. 87]. Благодаря стоикам философия приобрела большое практическое значение, она стала находить выражение не только

в словах и концептах, но и в повседневной жизни и поведении. Под влиянием стоицизма, отмечает Трубецкой, появился тип общественного проповедника, призывающего к тому, чтобы обратиться к своей душе для спасения и жизни в гармонии с миром. Многие богатые люди стали держать при своих домах философов именно для того, чтобы они их наставляли.

Роль стоицизма во всемирной истории для Трубецкого состоит в том, что представители этого течения смогли собрать всё полезное, что было в греческой философии, и в дальнейшем перевели это в нравственно-практическую плоскость. Они распространили учение по Римской империи как цельное мировоззрение, в котором было место и для промысла Божьего, и для высокого нравственного идеала, а также для метафизики. Отталкиваясь именно от философии стоицизма, в дальнейшем христианство осмысляло себя и распространялось. Более того, первые апологеты пытались показать, что всё лучшее, что есть в античной культуре, – это всё христианское, включая идею Логоса.

Изложение Трубецким первой линии развития учения о Логосе в Греции лично нам представляется наиболее творческой и оригинальной частью книги. Она показывает, что в высоких образцах стоицизма и христианства было нечто, что смогло резонировать и сделать христианство (вышедшее из иной культуры) приемлемым для жителей Римской империи второго и третьего века. Однако этим вопрос о том, что именно в христианстве дало резонанс и откуда оно взялось, не снимается.

После рассмотрения развития идеи о Логосе Трубецкой переходит к рассмотрению ветхозаветной религии. Для этого она пересказывает историю Израиля, которая представляется малополезной. Интересна

та часть, где он производит анализ переходного мостика между двумя культурами, а именно – анализ достижений и влияния Александрийской иудейской общины.

Как уже выше отмечалось, в Александрии был создан первый перевод книг Ветхого Завета на греческий язык. Именно в этом городе родным языком для евреев стал греческий, и именно по этой причине у них остро стоял вопрос, как в таких условиях сохранить веру, что из окружающего влияния можно принять, а что следует отвергнуть? Трубецкой пишет, что иудеи пытались показать, что божественная мудрость – из книг премудрости: «божественная мудрость ветхозаветного откровения показывается в её универсальном нравственном значении как общий источник человеческой мудрости – самый древний по времени и вечный по существу» [11, с. 126]. Иудейская религия, по Трубецкому, содержала два противоположных направления. Первое было связано с особым положением народа Израиля среди других народов, оно было национальным и узким, другое же начало было вселенским и универсальным. Поэтому та мудрость, что открывается в Писании, является универсальной мудростью и посредствующим звеном между Богом и миром. В своём универсальном значении мудрость Божия находит параллели с универсальной мудростью стоиков и платоников, которая выражается в Логосе.

Отдельно подчёркивается роль Филона Александрийского в сближении премудрости Божией и Логоса. Говоря о Филоне, Трубецкой отмечает, что «Филон в своём соединении стоицизма с платонизмом и пифагорейством, в своём отождествлении идеи Платона с Логосом стоиков, пронизающим и зиждущим мир, также идёт по следам Посидония» [11, с. 107]. Трубецкой показывает, что на Филона оказала влияние эклек-

тичная философия его времени, куда входил стоицизм с его универсальным Логосом, неопифагорейство и платонизм. Особо подчёркивается влияние на Филона философии Посидония. «Сочинения Филона Александрийского в значительной степени отражают этот эклектический платонизм частью Посидониевой, частью Антиоховой школы» [11, с. 110]. Естественно, что и сам Филон в своём творчестве показывал мудрость Божию как универсальный Логос, посредствующий тварь и Творца: «Понятие Логоса составляет средний термин всей философии Филона ... Логос связывает собою решительно всё – Бога с миром и человеком, точно так же, как и отдельные части мира между собою» [11, с. 199]. Понятно желание Филона показать в своих книгах, что Логос, о котором говорят философы, это изначальная божественная мудрость, которая уже была открыта в Писании. Можно согласиться с мыслью Трубецкого о том, что универсальное начало, заложенное в «Книге Премудрости Соломона», через которую сотворён мир, имеет параллели с таким же универсальным Логосом греков.

Однако вслед за этой идеей Трубецкой делает абсолютно бездоказательное заявление: «Он есть едиnorodный Сын Божий, отблеск божественного света, образ Отца, в котором и для которого всё создано» [11, с. 199]. Трубецкой, таким образом, совершает мысленный прыжок, объединяя Иисуса и Логос, при этом – в контексте философии Филона и ветхозаветной мудрости, где нет ни одного намёка на то, что персонифицированная мудрость является грядущим мессией. Трубецкой автоматически связывает премудрость и Христа, будто бы это само собой разумеется, хотя на самом деле это требует отдельного доказательства. Трубецкой пишет: «Не учение о Логосе повело к признанию божественного содержа-

ния ... сознание этого божественного содержания, признание Бога во Христе повело к необходимости формулировать такое учение о Его божестве» [11, с. 201]. Трубецкой автоматически связывает две разные ветхозаветные фигуры, первая из которых это фигура премудрости из Ветхого Завета. Но что мы о ней знаем? Информацию о ней мы находим в трёх книгах: «Книге Премудрости Соломона»; «Книге притчей Соломоновых»; «Книге премудрости Иисуса, сына Сирахова».

Канонической из них является лишь одна книга, остальные относятся к апокрифам. Сможем ли мы найти в них слова о том, что премудрость воплотится или что она станет мессией? Нет, таких мест в этих книгах не существует. Кроме этого, что мы можем сказать об этих книгах? Не испытывали ли они сами влияние других культур? Возьмём единственную каноническую из этих книг – «Книгу притчей Соломона». Начнём с датировки. В «Электронной еврейской энциклопедии» мы можем прочитать: «Некоторые различия в порядке разделов масоретского текста книги Притчей Соломоновых и Септуагинты позволяют заключить, что в 1 веке н.э. текст ещё не был окончательно фиксирован» [7]. Если верить содержанию текста, «стих 25:1 утверждает, что притчи, связанные с именем Соломона, были собраны в царствование Хизкияху (727/6–698/7 годы до н.э.)» [7]. Для иудейской литературы является обыкновённым явлением подписываться именами более ранних авторов, также неоднородная структура и компилятивный характер книги затрудняют датировку. Кроме этого, данная книга имеет на себе отпечаток египетского влияния. Исследователь Фридрих Тибергер пишет: «Основываясь только на лингвистических свидетельствах, не учитывая более поздние дополнения, мы можем отметить

несомненное египетское влияние» [8, с. 271]. Как видим, сама книга притчей Соломона могла иметь на себе влияние других культур и не выражала чисто еврейское начало. Кроме этого, она могла нести на себе опосредованное греческое влияние. Книга обрела свой окончательный облик примерно в V веке до н.э.: «Пролог, гл. 1–9, наверняка написан позднее ... его можно отнести к V веку до Р.Х. В это же время вся книга, очевидно, и обрела свой окончательный облик» [2]. Отметим, что «Книга притчей Соломона» является самой еврейской из книг, где говорится о премудрости, однако и она несёт на себе влияние других культур.

Перейдём к «Книге Премудрости Соломона». В кембриджском комментарии к этой книге [12] отмечается, что, согласно большинству исследований, книга была написана во II–I веках до н.э. александрийским евреем. Это книга, которая, несомненно, несёт на себе эллинское влияние. В ней описывается премудрость Божия, которая некогда восседала с Богом, однако она является поздней книгой, написанной первоначально на греческом языке в стилистике древнееврейского языка. Представления о премудрости Божией из этой книги нельзя отнести к чистому ветхозаветному началу еврейской религии.

Третья книга – «Книга премудрости Иисуса». В «Электронной еврейской энциклопедии» о датировке книги мы читаем: «Сочинение было написано на иврите около 170 года до н.э. ... В то же время в ней ощущается некоторое влияние греческой литературы, следы греческого гностицизма и, возможно, греческой философии» [1]. Всё это наталкивает на мысль о том, что на представление о премудрости Божией могла оказать влияние греческая культура.

Самая главная цитата, которая наиболее достоверна, это цитата из «Книги прит-

чей Соломоновых»: «Г-сподь создал меня в начале пути Своего, прежде созданий Своих, искони. От века я избрана княжить, от начала, прежде бытия земли. Я родилась, когда не было (ещё) бездн, и источников, полных воды. Я родилась прежде, чем погружены среди вод были горы, прежде холмов; когда ещё Он не сотворил ни земли, ни полей, ни начальных пылинок вселенной» (8:22-30). Именно эти стихи являются ключевыми для ветхозаветного учения о премудрости Божией. Книга притч принадлежит к поэтической литературе, и здесь мы видим персонификацию мудрости Божией. Однако становится ли она по этой причине самостоятельной личностью? Например, в книги Исаии, 35 главе 1 стихе мы читаем слова: «Возрадуются пустыня и безводная земля, и возвеселится степь, и расцветёт, как лилия. Пышно расцветёт и веселиться будет, радуясь и ликуя». Но само по себе наделение чего-либо личностными свойствами не говорит о том, что мы имеем дело с личностью. В контексте всего Ветхого завета, говорящего, что есть один Бог, логично предположить, что персонификация премудрости – это поэтический приём, свойственный иудейской литературе.

Но даже если признать, что премудрость – это личность, то возникает вопрос: где в ветхозаветных пророчествах говорится о том, что премудрость Божия, которая ясно отделяет себя от Бога, станет мессией? Для Трубецкого такая проблема решается прологом Евангелия от Иоанна («В начале было Слово, Слово было с Богом, Слово было Бог»). Трубецкой не ставит перед собой вопроса, почему нигде в Ветхом завете нет ассоциации премудрости и мессии,

а в Евангелии от Иоанна появляется? Где её истоки? Оставляя незатронутыми инвариативность перевода первых слов из этого евангелия, скажем, что проблема ассоциации Христа с Логосом является самым слабым местом в книге Трубецкого «Учение о Логосе в его истории».

Подводя итог нашим размышлениям, отметим, что для С. Н. Трубецкого существовали две линии развития учения о Логосе. Первая – в рамках греческой культуры с помощью естественного богопознания, доступного разуму человека. Постепенно учение о Логосе оформляется во всемирный универсальный разум, идею, закон, пронизывающий весь космос, подготавливающий тем самым Римскую империю к принятию благой вести о воплотившемся Логосе.

Вторая линия развития о слове связана с иудейским началом. С помощью сверхъестественного откровения Бог открывает людям премудрость, которая была до создания мира. С помощью неё мир был создан, она воплотилась, став человеком. При этом Трубецкой отмечает посредствующую роль Александрийской еврейской диаспоры в налаживании культурных мостов между двумя мирами.

Наиболее слабым моментом, по нашему мнению, у Трубецкого является излишнее доверие традиции, которая свидетельствовала об авторстве и датировке книг, в которых говорится о премудрости, а также то, что им не объясняется, каким образом фигура премудрости стала ассоциироваться с мессией в ранней христианской общине. Впервые ассоциация премудрости и мессии мы находим в самом позднем из канонических евангелий, а именно – в Евангелии от Иоанна.

Примечания

1. Бен-Сиры Премудрость [Электронный ресурс] // Электронная еврейская библиотека: [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: <https://eleven.co.il/bible/apocrypha-pseudepigrapha/10516/>

2. Введение в Ветхий Завет. Новая Иерусалимская Библия [Электронный ресурс]. URL: <https://predanie.ru/book/67519-vvedenie-v-vethiy-zavet-novaya-ierusalimskaya-bibliya/>
3. Гарнак А. Сущность христианства // Раннее христианство : в 2 томах / худож.-офор. Б. Ф. Бублик. Москва : АСТ ; Харьков : Фолио, 2001. Том 1. С. 8–178.
4. Гарнак А. История догматов // Раннее христианство : в 2 томах / худож.-офор. Б. Ф. Бублик. Москва : АСТ ; Харьков : Фолио, 2001. Том 2. С. 86–508.
5. Йегер В. Раннее христианство и греческая пайдейя. Москва : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2014. 216 с.
6. Михайлов П. Б. Концепция эллинизации христианства в истории теологии // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2017. Вып. 71. С. 50–68. DOI: 10.15382/sturI201771.50-68
7. Притчей Соломоновых книга [Электронный ресурс] // Электронная еврейская библиотека: [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: <https://eleven.co.il/bible/hagiographa/13321/>
8. Тибергер Ф. Царь Соломон. Мудрейший из мудрых / [пер. с англ. С. Фёдорова]. Москва : Центрполиграф, 2009. 285, [2] с. (Владыки мира).
9. Трубецкой С. Н. Курс истории древней философии. Москва : ВЛАДОС, 1997. 576 с.
10. Трубецкой С. Н. Метафизика в Древней Греции. Москва : Мысль, 2010. 589 с.
11. Трубецкой С. Н. Учение о Логосе в его истории. Москва : Мысль, 1994. 816 с.
12. The Wisdom of Solomon [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.ru/books?id=u7prZLD-BXIC&printsec=copyright&hl=ru#v=onepage&q&f=false>

References

1. *Ben-siry premudrost' [Wisdom of Ben Sira]*. Available at: <https://eleven.co.il/bible/apocrypha-pseudepigrapha/10516/> (In Russian)
2. *Vvedenie v Vetkhiiy Zavet. Novaya Ierusalimskaya Bibliya [Introduction to the Old Testament. The New Jerusalem Bible]*. Available at: <https://predanie.ru/book/67519-vvedenie-v-vethiy-zavet-novaya-ierusalimskaya-bibliya/> (In Russian)
3. Garnak A. [Harnack Adolf von] Sushchnost' khristianstva [What is Christianity?]. *Rannee khristianstvo. V 2 tomakh, tom 1 [Early Christianity. In 2 volumes, volume 1]*. Moscow, Kiev, Ast Press Publishing House, Publishing House "FOLIO", 2001. Pp. 8–178. (In Russian)
4. Garnak A. [Harnack Adolf von] Istoriya dogmatov [The History of Dogma. *Rannee khristianstvo. V 2 tomakh, tom 2 [Early Christianity. In 2 volumes, volume 2]*. Moscow, Kiev, Ast Press Publishing House, Publishing House "FOLIO", 2001. Pp. 86–508. (In Russian)
5. Yeger V. [Jaeger Werner Wilhelm] *Rannee khristianstvo i grecheskaya paydeyya [Early Christianity and Greek Paideia]*. Moscow, Published by Yury Shichalin's Museum Graeco-Latinum, 2014. 216 p. (In Russian)
6. Mikhaylov P. B. A Conception of Hellenisation of Christianity in the History of Theology. *St. Tikhons University Review. Series I: Theology. Philosophy*. 2017, issue 71, pp. 50–68. DOI: 10.15382/sturI201771.50-68 (In Russian)
7. *Pritchey Solomonovykh kniga [Book of Proverbs]*. Available at: <https://eleven.co.il/bible/hagiographa/13321/> (In Russian)
8. Tiberger F. [Thieberger Frederic] *Tsar' Solomon. Mudreyshiy iz mudrykh [King Solomon. The Wisest of the Wise]*. Moscow, Publishing House "Centropoligraf", 2010. 287 p. (In Russian)
9. Trubetskoy S. N. *Kurs istorii drevney filosofii [History Course of Ancient Philosophy]*. Moscow, Humanities Publishing Center "VLADOS", 1997. 576 p. (In Russian)
10. Trubetskoy S. N. *Metafizika v Drevney Gretsii [Metaphysics in Ancient Greece]*. Moscow, Mysl Publishers, 2010. 589 p. (In Russian)
11. Trubetskoy S. N. *Uchenie o Logose v ego istorii [The dDoctrine of the Logos in Its History]*. Moscow, Mysl Publishers, 1994. 816 p. (In Russian)
12. *The Wisdom of Solomon*. Available at: <https://books.google.ru/books?id=u7prZLD-BXIC&printsec=copyright&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (In English)

Ф ИЛОСОФСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ГЕНРИХА БАТИЩЕВА: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И АСКЕЗА КАК СУЩНОСТНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ПРАКТИКИ Я

УДК 1(470)(092):14

DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10204

В. В. Лимонченко

Дрогобычский государственный педагогический университет имени Ивана Франко (Украина)

В статье рассмотрено изменение философских взглядов Генриха Батищева, что поставлено в связь с разработанной им проблематикой деятельности. Утверждается, что в его знаменитой статье реализовано продумывание революционного социально-исторического опыта XX века, и сделано это при повороте в антропологическую проблематику: принцип деятельности давал возможность в условиях идеологической закрытости и обязательности марксизма обосновывать свободу и открытость человеческого бытия. Любая философская позиция может рассматриваться в свете тех отношений, которые устанавливаются с Абсолютом как данностью первичного всеобъемлющего основания. Всеобъемлющим абсолютным для деятельностной концепции есть общество, культура, деяние, предметность, чем задаётся «верхняя граница» возможностей человека, и это угрожает подчинением человека сложившимся социальным структурам и институтам, если культурно-историческое деяние понимается утилитаристски. Дальнейшее уточнение деятельностного подхода связано с преодолением закрытости горизонта деятельности. Фокус внимания перемещается на такое самоизменение субъекта, которое не может быть эпифеноменом активности по преобразованию мира, но предполагает внедеятельностные слои бытия субъекта. Прослеживается смыкание философии и аскезы: предназначение обеих практик – делать нечто с самим человеком. Особенно выразительно это происходит в направленности на работу с «внутренним строем ума». Если аскетика называется христианскими подвижниками «наша философия», то в системе мирских научных знаний философия есть «мирская аскетика», желающая быть в миру, но быть свободной от мира.

Ключевые слова: деятельность, глубинное общение, практика себя, аскеза, философия.

Vera V. Limonchenko

Drohobych Ivan Franko State Pedagogical University, Street Ivan Franko, 24, 82100, Drohobych, Lvov Region, Ukraine

PHILOSOPHICAL EVOLUTION OF GENRIKH BATISHCHEV: ACTIVITY AND ASCETICISM AS ESSENTIAL DIMENSIONS OF THE PRACTICE OF I

The article examines the change in the philosophical views of Genrikh Batishchev, which is connected with the problems of activity he developed. It is argued that in his famous article, the thinking through

ЛИМОНЧЕНКО ВЕРА ВЛАДИМИРОВНА – доктор философских наук, профессор кафедры философии имени профессора Валерия Григорьевича Скотного Дрогобычского государственного педагогического университета имени Ивана Франко (Украина)

LIMONCHENKO VERA VLADIMIROVNA – DPhil, Full Professor at the Department of Philosophy named after Valeriy Skotnyi, Drohobych Ivan Franko State Pedagogical University (Ukraine)

e-mail: volim_s@ukr.net
© Лимонченко В. В., 2020

of the revolutionary social-historical experience of the twentieth century was realized and this was done with a turn into anthropological problems: the principle of activity made it possible, in the conditions of ideological secrecy and the obligatory nature of Marxism, to substantiate the freedom and openness of human existence. Any philosophical position can be viewed in the light of the relationship that is established with the Absolute as a given of the primary all-embracing foundation. The all-encompassing absolute for the activity concept is society, culture, action, objectivity, which sets the “upper limit” of a person’s capabilities and this threatens the subordination of a person to established social structures and institutions, if the cultural-historical act is understood utilitarian. Further refinement of the activity approach is associated with overcoming the closed horizon of activity. The focus of attention is shifted to such a self-change of the subject, which would not be an epiphenomenon of activity to transform the world, but presupposes non-activity layers of the subject’s being. The closeness of philosophy and asceticism is traced: the purpose of both practices is to do something with the person himself. This happens especially expressively in the focus on working with the “inner” structure of the mind. If asceticism is called “our philosophy” by Christian ascetics, then in the system of worldly scientific knowledge philosophy is “worldly asceticism” that wants to be in the world, but be free from the world.

Keywords: activity, deep communication, practice of oneself, asceticism, philosophy.

Для цитирования: Лимонченко В. В. Философская эволюция Генриха Батищева: деятельность и аскеза как сущностные измерения практики Я // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 2 (94). С. 31–43. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10204

Многим памятен спор 70–90 годов XX века по поводу сущности и места категории «деятельность». По нашему мнению, не будет большим преувеличением считать иницирующими этот спор взгляды Г. С. Батищева – столь радикально изменившиеся к этому времени. При том, что сейчас этот спор хотя и стал менее активным, но вовсе не утратил актуальности, сущностные параметры его сдвинулись в дискурс культурно-исторической психологии, что связано с именем Л. С. Выготского, в форме философского дискурса эта проблематика актуализируется мыслителями, разрабатывающими проблематику деятельности при опоре на наследие Эвальда Ильенкова и Феликса Михайлова, и эти два русла мысли давно уже вышли за пределы российского и постсоветского пространства.

Однако то измерение деятельности, осмысление которого привело к сдвигу в мировоззрении Г. С. Батищева, практически оставлено без внимания: его обращение к православию и в связи с этим к феномену общения упоминается достаточно часто, но

это связывается с *неприятием* проблематики деятельности, хотя, на наш взгляд, взаимосвязи этих двух, на первый взгляд, противоположных установок намного сложнее. Именно поэтому мы не говорим о *радикальном* изменении в его мировоззрении – хотя марксизм и православие могут рассматриваться как коренным образом несовместимые, но при углублении в дискурс русской философии (и религиозной, и секулярной) они предстают во внутренней взаимодополнительности, к чему и отсылает заглавие статьи. К сожалению, известные нам варианты углублённо-нюансированного понимания теории культурно-исторической деятельности не сопряжены с таким же утончённым видением специфики христианского сознания. Остаётся позиция, движимая искренним интересом и к первой, и ко второй формам мысли. Показательно, что в истории русской философии наиболее яркие и выразительные по своей логичности и глубине философские концепции представлены мыслителями, творческий путь которых кратко име-

ную «от марксизма к идеализму». Назовём наиболее известных, хотя в целом это далеко не исчерпывающий перечень. С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк сводят воедино проблематику активности человека в историческом пространстве культуры и религиозную тему преобразования человека. В. В. Зеньковский отмечает философскую работу представляющих социально-политический радикализм западников, которые по-новому продумывают и углубляют религиозный дискурс «теургического беспокойства» – чувством ответственности за историю и исканием путей к активному вмешательству в ход истории [7, с. 245]. Авторы «Вех» продельывают дальнейшую работу по осмыслению оснований человеческой активности, это же характерно и для изменения акцентов во взглядах советского философа Г. С. Батищева.

**Субстанциальность человека
в деятельности: обоснование
открытости человеческого бытия**

В 1960-е годы выходит статья Г. С. Батищева, в которой реализовано продумывание революционного социально-исторического опыта XX века, и сделано это было при повороте в антропологическую проблематику. Основные её идеи предстают экспликацией мировоззрения «оттепели»: принцип деятельности давал возможность в условиях идеологической закрытости, обязательности марксизма обосновывать свободу и открытость человеческого бытия. Ставшее смысловым штампом различие К. Поппером открытых и закрытых обществ имеет выраженный идеолого-политизированный характер, что характерно для либерализма, проблематика деятельности, раскрытая Г. С. Батищевым, углубляет постановку проблемы до антрополого-метафизических оснований.

Интеллектуальная работа шестидесятников связана с осмыслением русской Гражданской войны, причём календарная дата окончания её, на наш взгляд, обозначает переход Гражданской войны в новую фазу, а не действительное прекращение, гораздо более убедительна для нас иная дата – 1956 год, от которой и исходит импульс осмысления некоторого завершившегося исторического этапа. Исходно-первичным смысловым центром деятельности как философского принципа есть характеристика деятельности как способности человека «вести себя не в соответствии с организацией своего тела, не в качестве раба “специфики” своего организма, а в соответствии со специфической логикой каждого специфического предмета; <...> быть не телом наряду с прочими телами, не конечной вещью среди прочих конечных вещей, а предметно-деятельностным “существом”, деятелем» [2, с. 82]. И отсюда – дух проблемно-критического отношения к миру, отбрасывание таких решений, которые претендуют быть окончательными. Поэтому, как только логика осмысления деятельности выявляет субстанциалистские притязания такого подхода, мера универсальности деятельностного принципа снижается. Как субстанциализм с его отождествлением собственного, достаточно земного голоса «с голосом самой по себе Субстанции, так что она будто бы не только до конца ему прозрачна и ясна насквозь, но и вещает через него как через своего земного представителя» [3, с. 172], так и анти-субстанциализм, чреватый самодовлеющим активизмом, что, по сути, есть субстанциализирование своецентричности человека, не могут быть приняты в своей однолинейной последовательности. Как первая, так и вторая позиция урезает, ограничивает человека, по-видимому наделяя его в первом слу-

чае преодолением конечности и частичности своего особенного бытия, во втором – преодолением страдательной вторичности человека. Принцип деятельности выводит за пределы одномерных заблуждений, утверждая, что «человек живёт миром» – человек своей деятельностью продолжает природное становление, присваивая природную субстанциальность. Одновременно происходит преодоление вещно-принудительной формы необходимости через созидание принципиально новых возможностей в мире культуры, и тем самым человек созидает самого себя, есть сам «свой собственный продукт и результат». Диалектика деятельности выявляется через три уровня, «последовательно отрицаемые и снимаемые друг другом». Синтезирующим, разрешающим противоположную двойственность есть вывод: «Истина заключается не в выборе между ничтожностью субстанции объективного мира и ничтожностью человека, а в постижении субстанциальности человека в деятельности» [2, с. 81]. Человек «постигает себя как *всецело общественно-го, культурой образованного и деянием живущего наследника-творца, как субъекта предметной деятельности*» [2, с. 81]. Погружение в идеи ранней статьи Г. С. Батищева имело целью последовательное выведение антропологической формулы, характерной для определённой формы самоосуществления человека.

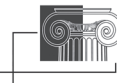
«Переход от марксизма к идеализму»: отход от философии или движение внутри философии?

У С. С. Хоружего есть зоркое замечание: «... всякая состоятельная и состоявшаяся антропологическая стратегия или модель имеет своим порождающим ядром некоторый мистический опыт» [17, с. 6]. Принимая тот факт, что понимание «мистическо-

го опыта» слишком многообразно, обратим внимание на тот вариант понимания мистики, который в истории философии реализован славянофилами, В. С. Соловьёвым, С. Н. Трубецким, С. Л. Франком, П. А. Флоренским, Л. П. Карсавиным, а наиболее всесторонне и целостно обоснован В. Н. Лосским. Имеется в виду традиция такого понимания, когда мистический опыт – не нечто парадоксально-таинственное, редко встречающееся и потому тяготеющее к патологической видимости, а первичное основание любого сознательного акта. И понятийное, и чувственное вторичны от первичной погружённости во всеобъемлющее бытие, что имеет и другую формулировку – и понятийное, и чувственное производны от способа данности Абсолюта.

Большинство исследователей связывают с мистикой религиозную практику, имеющую цель непосредственного слияния с Абсолютом, однако и секулярные формы мысли в её измерениях всеобщности и необходимости содержат в себе предельную меру, заданную Абсолютом, для светской традиции размышления его принято называть идеалом. Характер отнесённости к нему определяет тип мысли. Мистический опыт есть выражение первичной бытийственной установки и указывает на способ отношений с Абсолютом. Увлечённость в конце XIX века русскими мыслителями марксизмом не раз обосновывалась и тем, что марксизм утоляет жажду абсолютного, раскрывая горизонты относительной условности, и это говорит о существенном отличии марксизма от узкого горизонта позитивизма.

Всеобъемлющим абсолютным для деятельностной концепции есть общество, культура, деяние, предметность [2, с. 81], то есть общественное культурно-историческое деяние задаёт «верхнюю границу» воз-

возможностям человека. Признание исходной и порождающей основой человека именно деятельности в её предметной целесообразности угрожает подчинением человека сложившимся социальным структурам и институтам, если культурно-историческое деяние понимается утилитаристски. Деятельностный подход таит в себе опасность мистифицирования социально-революционной установки, когда социальное благо наделяется параметрами Абсолюта, то есть именно социально-государственное служение задаёт горизонт для всей сферы осуществления человека. Можно отметить правовой тупик Нюрнбергского процесса, когда нацистские преступники не признавали собственной вины, поскольку они не нарушали законов своего государства. Нашумевший и преданный остракизму сборник «Вехи» и есть продумывание оснований мистифицирования социального блага (легитимизированного общественного блага) как Абсолютного горизонта и неминуемо наступающих следствий, но предупреждение услышано не было.

А. А. Хамидов, тщательно анализируя вехи философского пути Г. С. Батищева, отмечает особенную роль понятийной работы, произведённой Батищевым, – заметим, что благодаря осмыслению распредмечивания углубляется понимание сущности человеческой деятельности в её *антропологическом* аспекте: «человек находит себя в предметном мире и только в нём одном, но отнюдь не в качестве одного из предметов или их совокупности» (цитата Батищева приведена А. А. Хамидовым [16, с. 21]). Для А. А. Хамидова при этом важно показать, что при этом сохраняется верность субстанциалистскому подходу, это он и демонстрирует. Однако дальнейшее движение Батищева он считает отходом от философии, с чем нельзя согласиться.

Дальнейшие шаги Г. С. Батищева, приведшие к решительному отходу от прежних взглядов, получают странно упрощённое объяснение: знакомство с учением Агни-Йоги и письмами А. А. Ухтомского поколебало «уверенность Г. С. Батищева в том, что предметная деятельность является единственным и универсальным способом бытия человека в мире» [16, с. 23]. Знакомство с какими бы то ни было идеями может быть действительно лишь в случае «заполнения ими пустот» в собственных воззрениях – крещение и принятие православия не начинается новый период его творческих поисков, но обозначает видимую точку уже происшедшего выбора. Причём показательно то, что учение Агни-Йоги не стало точкой выбора, что можно объяснить неприятием возможного растворения субъектности, когда происходит прямолинейное отбрасывание антропоцентричной активности деятельности, в то время как христианское сознание содержит два полюса: человек как предельная мера даёт своеволие активизма, Бог как предельная мера сводит активность в ничто и благословляет недеяние, но ситуация Христа как центрального события христианства выводит за пределы формальной противоречивости – сохраняя центральную роль человеческого измерения, вводит вектор преобразования человека, возвращая предельную активность человеку, но вектор волевого напряжения изменён. Проблематика глубинного общения содержит эти два полюса: хотя её и возможно прочитать в «конспиративном» ключе переименования религиозного отношения [16, с. 31], однако вводится она философским (мыслительным) движением углубления оснований, поэтому, на наш взгляд, говорить об отходе от философии неточно, это выраженный философский дискурс поиска и обоснования истинных форм человеческого бытия.

Нам приходилось обращаться к созвучности двух привычно несовпадающих формообразований мысли – гегелевской феноменологии сознания и лестницы аскетического восхождения, проработанной в восточном мистическом христианстве [9]. Обе формы размышления не позиционируют себя антропологией, но тем не менее обе удерживаются смысловым средоточием, которым является человек. Данная аналогия тем более интересна, что и Гегелю, и христианскому аскетическому монашеству ставится в вину пренебрежение индивидуальным волением и подчинение индивида всеобщему (что видится ситуацией закрытости), в то время как можно утверждать, что и гегелевский, и христианский варианты осмысления человеческого бытия есть способы преодоления конечности и ограниченности индивида, а значит, это пути открытости.

На наш взгляд, уже в работе Г. С. Батищева 1960-х годов можно увидеть те болезненные точки, которые открывают пути для дальнейшего движения. Эти болезненные точки сформулированы в виде антиномий, не предполагающих логического разрешения, но создающих особенное напряжение сопряжения двух логик – это то измерение деятельности, которое В. С. Соловьёв обозначил как «внутренняя работа самого деятеля» [13, с. 309] (у Гегеля, по Куно Фишеру, это годы учения сознания), и возможности выхода из неразрешимой ситуации выбора между двумя логиками появляются именно здесь.

Дальнейшее уточнение деятельностного подхода связано с преодолением закрытости горизонта деятельности. Практически всегда признаётся, что деятельность как определённая форма активности не ограничивается извне заданными рамками и способна к «перепрограммированию» путём преобразования наличной данности бытия.

Эта проблема формулируется как проблема творчества, которой посвящено необъятное количество литературы. Для Г. С. Батищева оправданным и убедительным есть такой подход к проблеме творчества, который уходит от понимания его и как механической перекombинации исходно данных элементов, и как детерминации психологически особенным характером, и как последовательного разворачивания спрятанных возможностей. Искомая спецификация творчества выявляется через понятие «порог» – творчество есть «прогрессивное сдвигание самих порогов распределённости, ограничивающих деятельность и замыкающих её в её собственной сфере», «креативность отнюдь не “монологична”, не моносубъектна, как бы социально и исторически ни был опосредован сам субъект, но по сути своей междусубъектна. Последнее отсылает нас к проблематике глубинного общения» [4, с. 29]. Трудно ошибиться, угадывая за этим то, что религиозное сознание называет проблемой спасения, – преодоление неистинного и неадекватного существования. Посмертная публикация Г. С. Батищева так и называется – «Найти и обрести себя». Если деятельностный подход ограничивает деяние человека внутримировым «допороговым» отношением, то глубинное общение есть путь прорыва к устраняющему отчуждённые формы существованию.

Проблематика глубинного общения в центр внимания ставит онтологический статус общения, противопоставляя ему «коммуникативные соприкосновения и контакты, взаимодействия и обмена», которые имеют отношение к сущему (онтическому горизонту). Глубинное общение противостоит подмене «самокритичного *искания* неким антропоморфным или социоморфным образом абсолютного, исключаящим всякую ещё не открытую нами воз-

можность, запредельность, таинственность <...> Печальна подмена диалектики встречи, бесконечной встречи с действительностью – самозамыканием в логическом преформизме» [3, с. 172]. Если вспомнить проблематику размышлений М. Хайдеггера и его формулировки, то деятельностному подходу соответствует ситуация «забвения бытия», которая ставит человека в позицию «господина сущего» и отдаёт его во власть «диктатуры публичности», когда человек «вывернут в мир и ограничение иными вещами конституирует» его. При всём том, что деятельностный подход в понимании человека предполагает формы общения внутри себя, но это такое общение, которое своим внутренним «механизмом», способом осуществления имеет опредмечивание-распредмечивание, и, следовательно, неизбежна редукция многоуровневого к одноуровневому, разнородного к органической однородности. В этом смысле деятельность своемерна – «своё развитие она допускает лишь как укрепление и обогащение себя и как торжество над снятым ею инородным содержанием. Она накладывает на мир “заранее данный масштаб”» [4, с. 31]. Особое качество деятельности – детерминация предметом, в то время как в предметности уже присутствуют «метки» и цели, категориальные узлы и структуры самого субъекта. Чтобы разорвать эту замкнутость, *необходима более радикальная открытость*, выход за пределы наличной категориальности субъекта. Фокус внимания перемещается на такое самоизменение субъекта, которое не было бы эпифеноменом активности по преобразованию мира, но предполагает особенное, как бы «наддеятельностное», отношение субъекта к миру и к самому себе как могущим быть Иным, то есть предполагает внедеятельностные слои бытия субъекта.

Аскеза как вариант активности инаковой деятельности

Этот особенный тип активности издавна знаком человечеству как опыт аскезы, рассмотрение которого углубляет понимание и проливает новый свет на проблематику деятельности. Если обыденно-секулярное понимание видит аскезу установкой на закрытость и подчинение человека жёстким рамкам, то даже первое ознакомление открывает иное. Уже греческое понимание аскезы кроме аспекта методичного повторения, закалки, физических упражнений дополняется духовно-нравственным воспитанием духа и воли. В дальнейшем эти два момента становятся центрирующими на себя суть аскезы, в силу чего возможны варианты от умерщвления плоти до очищения души.

Христианская трактовка аскезы реализуется в опыте монашества. Христианская аскетическая литература содержит своеобразную метафизику человеческого бытия. Внешние параметры жизни аскета – жизнь замкнутая и отрешённая, уходящая от мира. Но в этом удалении от мира есть своя парадоксальная особенность – оно начинается тогда, когда мир принял для себя христианство. Переселение в пустыню начинается, когда империя становится христианской. В этом можно видеть бегство не от житейских невзгод, но от благополучия, усыпляющего и умиротворяющего. Г. Флоровский бегство из воцерковляемого мира связывает не столько с воздержанием или отказом от излишеств, но и с отказом от наличных социальных связей – «не столько от Космоса, сколько именно от Империи» [15, с. 488]. Исход из мира есть разрыв натуральных связей родства и гражданственности ради Иного Отечества – авва Арсений в заострённой форме указывает на это: «Не могу быть сразу и с Богом, и с людьми» [15, с. 493]. Мироненавистнические и крайние формы аске-

тизма не становятся каноничными – они имеют место как особенные и личные. Аскетическое изуверство, чаще всего поминаемое светской либеральной мыслью, наиболее распространено в сектантских движениях, склонных к ересьям. В то время как уже у Антония Великого, положившего начало уединённо-пустынному подвижничеству, среди его наставлений находим предупреждение против чрезмерности – как лук от натяжения сверх меры переломится, «так и в деле Божьем: если мы сверх меры будем напрягать силы братий, то они скоро расстроятся» [6, с. 65]. Утверждение «внутренний строй ума превосходнее телесных подвигов» [6, с. 183] чётко указывает на иерархию усилий – телесные подвиги есть способ и путь восхождения человека. Первая черта образа человека – удобоизменяемость его природы, способной уподобляться и низшему, и высшему. Разрыв с миром и безусловность монашеского отречения есть «выход из городской или политической» жизни. Подвижничество изменяет фокус внимания – творческое становление человека и есть то единое на потребу, к которому прилагается всё остальное.

У позднего Г. С. Батищева формула «не деянием единым жив человек» есть прямое выражение монашеской уединённой созерцательности, и невозможно понять коррективы, вносимые в деятельностное понимание человека через введение проблематики творчества и глубинного общения без осмысления опыта аскезы. Именно аскеза преодолевает власть социоморфизма, когда образ человека обретаем через уподобление социальным структурам, безличному массовидному Ман, публичности, и вводит иное измерение. Упоминаемый ранее правовой тупик Нюрнбергского процесса устранён С. Кьеркегором: человек находится в абсолютном отношении к абсолютно-

му [8, с. 109], разрывая горизонт относительности социальных структур.

«Исходный элемент установки – именно Спасение: это, по сути, просто – открытые глаза на ситуацию человека, глаза и уши, отверстые к реальности; пробуждение к бытию, осознание себя в мире» [17, с. 73]. Путь к такой открытости – воздержание, целомудрие, послушание, что в обыденной установке соответствует закрытости и ограничению. Но это – отказ от мира и от всего, что в мире преодолевает горизонт обыденного мышления. Привычное слово «покаяние» как необходимое условие Спасения и есть «умопремена», перерождение ума, который начинает работать в ином режиме, с иными горизонтами. И опять-таки: если покаяние и имеет форму «памяти о своих грехах и о своей низости», то смысл его иной – преодолеть тотальное господство мирского, открыв видение Иного. «Видение своих грехов лучшее из видений, ещё лучше видеть чужие добродетели» [15, с. 493]. Осознание нахождения себя в низинах происходит через видение высшего света – покаяние не может быть реализованным через «дурную бесконечность падений-сожалений», но через открытость перспективы восхождения.

Особенное место занимает послушание, в котором можно видеть парадоксальный способ преодоления власти социоморфизма. Как помним, предметный характер деятельности предполагает погружение в предмет, схождение сознания и предмета, растворение в предмете до самозабвения, чтобы дать возможность проявиться самому предмету. Такое состояние устранения себя (антропоцентризма) может видеться полной пассивностью, но достигается оно действием всецелой активности – поскольку не происходит само по себе, а предполагает серьёзную работу укрощения самовластия. Послушание предполагает минимальное привнесе-

ние себя при максимальной присутствия себя. Это не пассивность, скорее, независимость от внутренних и внешних впечатлений, отсечение преходящего и случайного, выход из самозабвения и потому – нахождение самого себя. Смысловое пространство послушания – очищение и предельное бодрствование, противостоящие пленённости миром, сонливости и рассеянности.

Послушание имеет два центра – отсечение своеволия и способность слышать. Если отсечение своеволия освобождает от случайности и частичности собственного мнения и опыта, вводя выверенное соборным опытом измерение (можно вспомнить П. А. Флоренского – «в канонических формах дышится легко» [14, с. 455]), то способность слышать противостоит безволюности подчинения.

Возвращаясь к смыслам грамматических форм, заметим, что в русском языке пассивный залог именуется страдательным, причём терминологическое упоминание страдательности обращает внимание на один момент – претерпевание действия, а не совершение его, что соответствует субъект-объектной различённости. Однако освобождённое от терминологической узости слово «страдание» перестаёт быть обозначением действия извне, превращающего его в объект: претерпевающий страдание остаётся субъектом, то есть ему самому принадлежит способность ответа – под воздействием активного деяния объект обретает такие изменения, которые заранее однозначно установлены, чего не происходит в ситуации человеческого страдания. Если и называть христианство пассивным антропоцентризмом (А. А. Хамидов [16, с. 23]), то надо учесть нетерминологическую широту «пассивности», открываемую при употреблении слова «страдание»: именно уязвлённая страданиями душа Радищева обрета-

ет импульс творчества – творческая активность человека рождается из способности быть открытым тому, что не есть изначально данным, но по восприятию и приятию чего происходит становление человека как природы творящей. Поэтому человек не может быть исчерпывающе понят через активность: «Пассивность есть приятие иных форм извне. Если бы не это приятие иных форм, пронизывающее собой свою противоположность – активность, – последняя перестала бы вообще соприкасаться с чем-либо инородным и замкнулась в своих собственных формах. Именно пассивность обогащает, активность же сама по себе лишь утверждает и упрочивает, структурирует внутри себя и распространяет вовне себя одни лишь внутренние, уже имевшиеся у вещи формы» [1, с. 168].

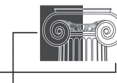
Итак, послушание дарует зоркость и свободу – нельзя не заметить, что философия ищет того же. Очень распространено именование монашества философией – есть философия на словах, но монашество совершает на деле то, чему учат греческие мудрецы. Хотя, пожалуй, есть более глубокая и сущностная близость. Предметное поле определения философии задано самим словом «философия» – как «любящее применение мудрости» (по формулировке В. Библина [5, с. 85]). С первых своих шагов в истории дело философии – различение того, что принадлежит нам как внешнее дополнительное благо (имение), и того, что есть мы сами (бытие). Знаменитое «Познай самого себя» относится к этой сущности «самого самого». Именно вхождение в пространство «самого самого» дарует самоочевидность и самодостоверность, искомых в последующей истории человеческой мысли. Это то неспящее бодрствующее состояние, о котором говорит и Декарт, и Паскаль, и Гёте. Однако вхождение в пространство «самого

самое» болезненно, лишено усладительной непосредственности. Не случайно для первичного философского акта чаще всего употребляется метафора пробуждения от сна, спадения пелены мрака или даже философской смерти. У Сократа это так: «... вы, как люди, которых будят во время сна, ударите меня и с лёгкостью убьёте, послушавшись Анита, и тогда всю остальную вашу жизнь проведёте во сне» [12, с. 85]. Сложно отделаться от чувства, что современное неприятие философии представителями практичной результативности исходит именно от непереносимости жалющих совесть укоров философии, не устающей напоминать нестареющие, хоть и старые доводы: «От смерти уйти нетрудно, о мужи, а вот что гораздо труднее – уйти от нравственной порчи, потому что она идёт скорее, чем смерть. И вот я, человек тихий и старый, достигнут тем, что идёт тише, а мои обвинители, люди сильные и проворные, – тем, что идёт проворнее, – нравственную порчею. И вот я, осуждённый вами, ухожу на смерть, а они, осуждённые истиною, уходят на зло и неправду» [12, с. 93]. После этих слов особенно отчётливо воспринимается тезис М. Хайдеггера о забвении бытия (то есть выдвигении на первый план «имения», а не «самого самого») в новоевропейской философии. Неужели то, о чём предупреждал Сократ, говоря, что защищается не ради себя, а ради тех, кто, осудив его на смерть, проглядят дар, который дарует бог от имени философии, произошло? Привлекательность суетливой озабоченности результативностью и полезностью никнет и бледнеет в свете направленности на «самое значительное» (Плотин), на поиски того средоточия, чему принадлежит всё остальное. В диалоге «Алкивиад II» Платон устами Сократа формулирует это же так: «... обладание всевозможными знаниями без знания того, что является

наилучшим, редко приносит пользу и, наоборот, большею частью вредит своему владельцу» [11, с. 133]. Не в бровь, а в глаз современному миру звучат слова: «... государства для своего благополучия, мой Алкивиад, не нуждаются ни в стенах, ни в триерах, ни в корабельных верфях, ни в многонаселённости, ни в огромных размерах, если они лишены добродетели» [10, с. 264]. Итак, смысл и предназначение философии – делать нечто с самим человеком, открывая ему его особенное служение Богу. Уместно вспомнить предупреждение В. Библихина, что не стоит доверяться карикатурному образу философа, который всё разъедает своими рассуждениями и для которого нет ничего святого. Благоговейный трепет и бережное хранение направлены в философии не на обслуживание хороших условий жизни, но на сохранение смысла жизни [5, с. 38]. Начало и цель философии – очищение.

Смыкание философии и аскетического подвижничества происходит именно в направленности на работу с «внутренним строем ума» (св. Антоний Великий). Похвальны пост и бдение, так как они упорядочивают помыслы, тонким делают ум и облегчают человеку приближение к Богу, заповедана нищета и презрение вещей земных, потому что через это ум становится спокойнее, чище и свободнее, благодатно милосердие как наследование Божией природе, но «царским прямым путём», охраняющим и от чрезмерного воздержания, и от нерадения, беспечности и разленения, есть добродетель рассуждения. «Рассуждение есть око души и её светильник, как глаз есть светильник тела <...> Рассуждением человек разбирает свои желания, слова и дела и отступает от всех тех, которые удаляют его от Бога. Рассуждением он расстраивает и уничтожает все направленные против него козни врага, верно различая, что хорошо и

что худо» [6, с. 152–153]. Кормчий сердца – ум, «он впрягает колесницу души, сдерживая бразды помыслов, и устремляется против сатанинской колесницы» [6, с. 304]. Это не ум, «остающийся в голове», но сошедший в сердце. Анатомическое строение человека в данном случае искажает видение – как будто бы ум из верховного положения «опускается» в сердце. Было бы глубоким искажением считать сведение ума в сердце подчинением его эмоциям и чувствам. «Логика сердца», противопоставленная «логике ума», становится обоснованием предвзятости, но «пристрастие незорко, а отвращение слепо» (Исидор Пелусиот), в то время как сведение ума в сердце – основание осо-

бой зоркости, зоркости не разделённых отдельных сил человека, но зоркость собранных в единый фокус всех устремлений человека. Здесь уместно вспомнить бытийственно-онтологическую направленность аскетики, её стремление к «превосхождению естества». Взаимное хранение ума и сердца направлено к хранению (или обретению) цельности человека, раскрытию образа, данного в его разуме и самовластии, в подобии Богу. Если аскетика называется христианскими подвижниками «наша философия», то в системе мирских научных знаний философия есть «мирская аскетика», желающая быть в миру, но быть свободной от всевластия мира.

Примечания

1. *Батищев Г. С.* Введение в диалектику творчества / [вступ. ст. В. А. Лекторского, с. 5–20 ; послесл. В. Н. Шердакова]. Санкт-Петербург : Русский христианский гуманитарный институт, 1997. 463 с.
2. *Батищев Г. С.* Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии / ред. коллегия : И. Ф. Балакина [и др.] ; АН СССР. Институт философии. Москва : Наука, 1969. С. 73–45.
3. *Батищев Г. С.* Деятельностный подход в плену субстанциализма // Деятельность: теории, методология, проблемы : [сборник / сост. И. Т. Касавин]. Москва : Политиздат, 1990. С. 169–176.
4. *Батищев Г. С.* Неисчерпанные возможности и границы применения категории деятельности // Деятельность: теории, методология, проблемы : [сборник / сост. И. Т. Касавин]. Москва : Политиздат, 1990. С. 21–34.
5. *Бибихин В. В.* Язык философии. Москва : Прогресс, 1993. 416 с.
6. Добротолюбие : [сборник переводов]. Том I. Москва : АНО «Развитие духовности, культуры и науки», 2004. 784 с.
7. *Зеньковский В. В., прот.* История русской философии : в 2 томах. 2-е издание. Париж : YMCA-PRESS, 1989. Том I. 470 с.
8. *Кьеркегор С.* Страх и трепет : [этические трактаты] / [пер. с дат., коммент. Н. В. Исаевой, С. А. Исаева ; общ. ред., сост. и предисл. С. А. Исаева]. Москва : Республика, 1993. 382, [1] с. (Библиотека этической мысли).
9. *Лимонченко В. В.* «Феноменология духа» Гегеля как способ реального духовного движения // Философия Гегеля: новые переводы, исследования, комментарии / под общ. ред. Е. В. Мареевой. Москва : Изд-во СГУ, 2014. С. 387–402.
10. *Платон.* Алкивиад I // Собрание сочинений : в 4 томах / [общ. ред. А. Ф. Лосева и др. ; примеч. А. А. Тахо-Годи]. Москва : Мысль, 1990–1994. (Философское наследие : ФН). Том 112 : Том 1 / [пер. с древнегреческого Вл. С. Соловьёва и др.]. 1990. С. 220–268.
11. *Платон.* Алкивиад II // Собрание сочинений : в 4 томах / [общ. ред. А. Ф. Лосева и др. ; примеч. А. А. Тахо-Годи]. Москва : Мысль, 1990–1994. (Философское наследие : ФН). Том 112 : Том 1 / [пер. с древнегреческого Вл. С. Соловьёва и др.]. 1990. С. 125–141.
12. *Платон.* Апология Сократа // Собрание сочинений : в 4 томах / [общ. ред. А. Ф. Лосева и др. ; примеч. А. А. Тахо-Годи]. Москва : Мысль, 1990–1994. (Философское наследие : ФН). Том 112 : Том 1 / [пер. с древнегреческого Вл. С. Соловьёва и др.]. 1990. С. 70–96.

13. Соловьёв В. С. Три речи в память Достоевского // Сочинения : в двух томах / [общ. ред. и сост. А. Ф. Лосева и А. В. Гулыги ; примеч. С. Л. Кравца и др.]. Москва : Мысль, 1988. Том 2. С. 289–323.
14. Флоренский П. А. Иконостас // Сочинения : в 4 томах / [сост. и общ. ред. игумена Андроника (А. С. Трубачева) и др.]. Москва : Мысль, 1994–1999. (Философское наследие : ФН). Том 124 : Том 2. 1996. С. 419–526.
15. Флоровский Г. Восточные отцы Церкви. Москва : АСТ, 2003. 633 с.
16. Хамидов А. А. Философская одиссея Г. С. Батищева // Батищев Г. С. Избранные произведения / [под общей редакцией З. К. Шаукеновой] ; Институт философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. Алматы : Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2015. С. 6–44.
17. Хоружий С. С. К феноменологии аскезы. Москва : Издательство гуманитарной литературы, 1998. 352 с.

References

1. Batishchev G. S. *Vvedenie v dialektiku tvorchestva [Introduction to the Dialectic of Creativity]*. St. Petersburg, Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Institute, 1997. 463 p. (In Russian)
2. Batishchev G. S. Deyatel'nostnaya sushchnost' cheloveka kak filosofskiy printsip [The Active Essence of Man as a Philosophical Principle]. In: *Problema cheloveka v sovremennoy filosofii [The Problem of Man in Modern Philosophy]*. Moscow, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1969. Pp. 73–45. (In Russian)
3. Batishchev G. S. Deyatel'nostnyy podkhod v plenu substantzializma [An Active Approach Captured by Substantialism]. In: *Deyatel'nost': teorii, metodologiya, problemy [Activity: Theory, Methodology, Problems]*. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1990. Pp. 169–176. (In Russian)
4. Batishchev G. S. Neischerpannye vozmozhnosti i granitsy primeneniya kategorii deyatelnosti [Inexhaustible Possibilities and Limits of Application of the Category of Activity]. In: *Deyatel'nost': teorii, metodologiya, problemy [Activity: Theory, Methodology, Problems]*. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1990. Pp. 21–34. (In Russian)
5. Bibikhin V. V. *Yazyk filosofii [The Language of Philosophy]*. Moscow, Progress Publishers, 1993. 416 p. (In Russian)
6. *Dobrotolyubie. Tom I [Ambition. Volume I]*. Moscow, Published by ANO "Development of spirituality, culture and science", 2004. 784 p. (In Russian)
7. Zen'kovskiy V. V., prot. *Istoriya russkoy filosofii. V 2 tomakh, tom 1 [The History of Russian Philosophy. In 2 volumes, vol. 1]*. 2nd edition. Paris, YMCA-PRESS, 1989. 470 p. (In Russian)
8. K'erkegor S. [Kierkegaard Søren Aabye] *Strakh i trepet [Fear and Awe]*. Moscow, Publishing House "Republik", 1993. 382 p. (In Russian)
9. Limonchenko V. V. "Fenomenologiya dukha" Gegelya kak sposob real'nogo dukhovnogo dvizheniya [Hegel's "Phenomenology of the Spirit" as a Way of Real Spiritual Movement]. In: Mareeva E. V., ed. *Filosofiya Gegelya: novye perevody, issledovaniya, kommentarii [Hegel's Philosophy: New Translations, Studies, Comments]*. Moscow, Publishing House of the Modern Humanitarian Academy, 2014. Pp. 387–402. (In Russian)
10. Platon. Alkiviad I [Alcibiades I]. *Sobranie sochineniy. V 4 tomakh, tom 1 [Collected Works. In 4 volumes, vol. 1]*. Moscow, Mysl Publishers, 1990. Pp. 220–268. (In Russian)
11. Platon. Alkiviad II [Alcibiades II]. *Sobranie sochineniy. V 4 tomakh, tom 1 [Collected Works. In 4 volumes, vol. 1]*. Moscow, Mysl Publishers, 1990. Pp. 125–141. (In Russian)
12. Platon. Apologiya Sokrata [Apology of Socrates]. *Sobranie sochineniy. V 4 tomakh, tom 1 [Collected Works. In 4 volumes, vol. 1]*. Moscow, Mysl Publishers, 1990. Pp. 70–96. (In Russian)
13. Solovyev V. S. Tri rechi v pamyat' Dostoevskogo [Three Speeches in Memory of Dostoevsky]. In: Solovyev V. S. *Sochineniya v dvukh tomah. Tom 2 [Works in Two Volumes. Vol. 2]*. Moscow, Mysl Publishers, 1988. Pp. 289–323. (In Russian)

14. Florensky P. A. Ikonostas [Iconostasis]. In: Florensky P. A. *Sochineniya. V 4 tomakh, tom 2 [Works. In 4 volumes, vol. 2]*. Moscow, Mysl Publishers, 1996. Pp. 419–526. (In Russian)
15. Florovsky G. *Vostochnye ottsy Tserkvi [Eastern Fathers of the Church]*. Moscow, Ast Press Publishing House, 2003. 633 p. (In Russian)
16. Khamidov A. A. Filosofskaya odisseya G. S. Batishcheva [Philosophical Odyssey of G. S. Batishchev]. In: Batishchev G. S. *Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]*. Almaty, Published by Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, 2015. Pp. 6–44. (In Russian)
17. Khoruzhy S. S. *K fenomenologii askezy [To the Phenomenology of Austerities]*. Moscow, Humanitarian Literature Publishing House, 1998. 352 p. (In Russian)

*

СЕМИОТИКА КУЛЬТУРЫ В. М. ЖИВОВА: СОЦИАЛЬНАЯ ДИСКУССИЯ В АРКАДИИ

УДК 130.2

DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10205

А. В. Марков

Российский государственный гуманитарный университет

Предлагается анализ семиотики культуры В. М. Живова, который критиковал структурализм изнутри, требуя более гибкого подхода к изучению культуры, учитывающего достижения социологии и философии культуры XX века. В статье доказывается, что подход Живова был цельным, и входившие в него элементы новейшей философии и социологии сами подвергались критике. Живов выступал не как адепт, а как собеседник Гуссерля, Хайдеггера, Фуко и Бурдьё, указывающий не только на возможности, но и на ограничения их подходов. В статье анализируется, как такой диалог с идеями стал возможен при сохранении тех моделей интерпретации текстов, которые были созданы тартуско-московским структурализмом. Живов использовал отдельные ключевые образы, как образ Аркадии, соединявший в себе культурную ностальгию и экзистенциальную рефлексию, и отдельные ключевые проблемы, такие как «баланс сил» и «литургический образ», объясняющие, как в культуре возможно не только последовательное, семиотически продуманное переживание, но и последовательное действие. Поэтому Живов находит общие принципы семиотизации действия, например, в эпоху иконоборческих споров и в русском Просвещении. Семиотика культуры Живова продуктивна при изучении семиотики эмоций и философии права.

Ключевые слова: Виктор Живов, семиотика, структурализм, постструктурализм, семиотика культуры, критическая теория, феноменология, аргументация в гуманитарных науках.

Alexander V. Markov

Russian State University for the Humanities, The Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Miusskaya Sq. 6, 125993, Moscow, Russian Federation

THE SEMIOTICS OF CULTURE OF VIKTOR ZHIVOV: TO THE SOCIAL DISCUSSION IN ARCADIA

An analysis of the semiotics of culture of Viktor Zhivov is proposed. Viktor Zhivov criticized structuralism from the inside, demanding a more flexible approach to the study of culture, that takes into account the achievements of sociology and philosophy of culture of the 20th century. The article proves that Zhivov's approach was integral, and the elements of modern philosophy and

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры кино и современного искусства Российского государственного гуманитарного университета, ORCID ID: 0000-0001-6874-1073

MARKOV ALEXANDER VIKTOROVICH – D.Sc. in Philology, Professor at the Department of the Cinema and Contemporary Art, the Russian State University for the Humanities, ORCID ID: 0000-0001-6874-1073

e-mail: markovius@gmail.com

© Марков А. В., 2020

sociology that were part of it were themselves criticized. Zhivov did not act as an adept, but as an interlocutor of Husserl, Heidegger, Foucault and Bourdieu, indicating not only the possibilities, but also the limitations of their approaches. The article analyzes how such a dialogue with ideas became possible while maintaining the models of text interpretation that were created by Tartu-Moscow structuralism. Zhivov used separate key images, like the image of Arcadia, combining cultural nostalgia and existential reflection, and certain key problems, such as “balance of power” and “liturgical image”, explaining how not only a consistently semiotically thought out experience is possible in culture, but and sequential action. Therefore, Zhivov finds the general principles of semiotization of action, for example, in the era of iconoclastic disputes and in the Russian Enlightenment. The semiotics of Zhivov’s culture is productive in the study of the semiotics of emotions and the philosophy of law.

Keywords: Viktor Zhivov, semiotics, structuralism, poststructuralism, semiotics of culture, critical theory, phenomenology, argumentation in the humanities.

Для цитирования: Марков А. В. Семиотика культуры В. М. Живова: социальная дискуссия в Аркадии // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 2 (94). С. 44–52. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10205

Виктор Маркович Живов (1945–2013), лингвист и историк русской культуры, уделял немало внимания теоретическим и методологическим вопросам. Будучи признан как один из ведущих специалистов по русской духовной культуре и по семиотике культуры и одновременно до самой своей смерти участвуя в дискуссиях, показывая свои методологические притяжения и отталкивания, он не объявлял своей последовательной программы, точнее, её чаще всего формулировал отрицательно, в критических замечаниях показывая ограничения и подхода Лотмана, и подхода Фуко. В настоящей статье мы, исходя из реконструкции философской позиции В. М. Живова, из его восприятия вклада философии XX века в более сложное понимание культуры, реконструируем его метод и покажем его актуальность для современных дискуссий о культуре.

Живов часто критиковал семиотику с позиций философии. Так, в попытках Якобсона опираться на Гуссерля он увидел пример философской ограниченности семиотики, не обладающей инструментами по-настоящему проблематизировать свои модели коммуникации [9]. При отсутствии философской дискуссии проблематизация этих

моделей, согласно Живову, потребовала просто введения фактора радикального непонимания или радикального сбоя системы, как у позднего Лотмана, который пришёл к выводу, что в основе успешной коммуникации должно лежать ядро непереводимости. Но без обращения к философским достижениям Гуссерля, Хайдеггера или Витгенштейна такое утверждение непереводимости как условия коммуникации не работало, точнее, просто вело к признанию уникальности каждого семиозиса: сопротивление редукции оборачивалось просто вниманием к любым, даже самым эксцентричным моделям культуры – Живов обратил внимание, что в Тарту умеренно одобряли и, на его взгляд, тенденциозные построения Л. Н. Гумилёва, и уже выходявшие за пределы научной аргументации эксперименты А. Т. Фоменко. В этом он видел не столько стремление расширить дискуссию, сколько попытки заменить философский эксперимент окологилософским, интеллектуальные головокружительные построения некоторой, скорее – горизонтальной, экспансией.

При этом как раз те российские исследователи, которые были пионерами освоения французской теории и её проблемати-

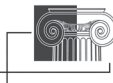
ки дискурсивных границ знания, прежде всего переводчики «Слов и вещей» Фуко В. П. Визгин и Н. С. Автономова, отказывали Живову в собственной философской позиции. Визгин заметил, что культурологические модели Живова могут обходиться без какого-либо философского аппарата [2, с. 8–9], а Автономова усмотрела в критике Живовым структурализма Лотмана и старшего поколения Тартуско-московской семиотической школы скорее выражение его личных пожеланий, чем историко-философский анализ [1, с. 18]. Живов, считает она, хотел, чтобы сциентистский, индустриальный принцип порождения инвариантом вариантов был поскорее преодолен, а исследование языка было встроено в изучение социологии культуры, и поэтому он несколько пренебрежительно относился к усилиям Лотмана разрабатывать открытые семиотические модели: «Фактически то, что Лотман при этом говорил или мог бы сказать о поиске структурной динамики, а затем и об открытых моделях, Живова не убеждает» [1, с. 18]. Заметим попутно, что сам Лотман в работах последних двадцати лет критиковал кибернетические модели и расширял число субъектов диалога, в котором и осуществляется семиозис, и в этом смысле Лотман желал того же, что и Живов, и был столь же «поспешен».

Итак, Живов, конечно, поддерживает проект Лотмана, думая исключительно о недостатке феноменологической перспективы, как именно культура явлена нам, как она сама являет нам себя, в том числе и раскрывая собственные законы, тогда как для Визгина и Автономовой феноменологическая перспектива само собой разумеется, поэтому никаких заслуг Живова в диалоге с философией они не видят, а разве некоторую поспешность в культурно-исторических заключениях, в сравнении со скрупу-

лёзностью Лотмана. Поэтому мы должны обратиться к тому, как Живов понимает семиозис как часть феноменологического проекта, расширяя не столько поле семиотики, сколько поле феноменологии.

В предисловии к своей книге Живов заметил: «Деятельность сознания есть деятельность осмысления, длящегося наделения смыслом первичных переживаний, процесс, в котором из пены морской возникает и Сусанна, и созерцающие её старцы, предмет сознания и его временный собственник» [7, с. 9]. Мы легко узнаём в этой фразе гуссерлевскую терминологию, такую как «наделение смыслом первичных переживаний», с некоторыми намёками на Макса Штирнера – «единственный и его собственник», вполне в рамках историзма феноменологии [12]. Но образом эйдетического отношения оказывается Сусанна и старцы, что не может нас не удивить: старцы действительно подглядывали за Сусанной и специфицировали её красоту, но при этом вовсе не показали деятельность сознания. Ведь их показания расходились, они поддались соблазну и, выступая как люди с намерением насилия, показали себя не теми, кто наделяет смыслом, но теми, кто попирает любые смыслы. Тем самым сознание оказывается вовсе не ддящимся, мы можем говорить только о длительности желания. Получается, что в центре внимания Живова стоит история эмоций. Но значит ли это, что проект Гуссерля и Хайдеггера состоит только в этом, что представления Лотмана о семиозисе дополняются только некоторыми моментами философии Гуссерля и Хайдеггера, например, «расположенностью» сознания, которая понимается как устойчивое эмоциональное отношение к фактам культуры?

Мы доказываем, что Живов обращался к Гуссерлю, Хайдеггеру или Фуко не для того, чтобы обогатить структурализм ещё

и историей эмоций, противопоставив непереваемости Лотмана открытость эмоциональной жизни. Культурология Живова была сложнее, включала в себя как философскую метакритику структурализма, так и пересборку того подхода к культуре, в котором и интеллектуальное, и эмоциональное оказываются моментами по-новому прочитанных Гуссерля и Хайдеггера.

Итак, Живов печально заметил, что семиотическая школа в СССР «окончательно распадается» уже в середине 1980-х [9, с. 24]. Бесспорно, перед нами взгляд инсайдера, потому что обычный читатель тартуской «Семиотики» в те же годы видел, скорее, новые горизонты, такие как исследование текста в тексте, семиосферы, семиотики истории и культуры, при сохранении общих правил работы. Но далее Живов говорит замечательную фразу, которая и будет ключом к нашему рассуждению: «Хотя некоторые её члены продолжают ощущать свою принадлежность к некоему идейному единству и обижаться на тех, кто от этого единства отпадает, само единство оказывается не общностью направления и пространством исследовательского взаимодействия, а общностью памяти – памяти разбредшихся в разные стороны учёных об оставленной в прошлом интеллектуальной Аркадии» [9, с. 24].

Образ Аркадии как ключевой, ностальгический для истории тартуской семиотики не принадлежит только Живову. Он главенствует, например, в мемуаре Сегала [10], который имел в виду, что в этом кругу мёртвых было не меньше, чем живых. Все замолкшие, убитые или забытые учёные, наследие которых собиралось по крупичкам и публиковалось, формалисты, историки литературы, историки мифа, многие невидимые и незаметные – они и населяли Аркадию. Дать голос всем уничтоженным и было тогда за-

дачей новой Аркадии в Тарту. Сегал следует традиционному пониманию Аркадии как места, где тоже есть смерть (*Et in Arcadia ego*), где даже прекрасная дикая природа напоминает о всеобщей смертности, а значит, о необходимости какой-то позиции.

Но если для Сегала Аркадия – вдохновляющий образ, то для Живова, наоборот, всегда проблема, которую культура в различные эпохи решает по-разному. По сути, Живов говорит о той ситуации, которую Кант в «Предполагаемом начале человеческой истории» описывал как изгнание из рая: в библейском рассказе Кант видел важную проблему, что мы не можем представить состояние человечества до начала истории, но это представление должно существовать как то, которое движет нами в работе нашего сознания, которое уже исторично, уже попало в историю и уже направлено на историю [11, с. 116–120]. Кант здесь выступает как предшественник Гуссерля, учения о направленности сознания на предмет, и поразительно, насколько Живов, всякий раз обращаясь к Аркадиям разных эпох и пытаясь раскрыть начальную установку сознания эпохи, проблематизирует самого Гуссерля на фоне Канта.

Так, Живов, решая вопрос, в какой мере русские летописи могли брать за образец «Хронику Георгия Амартола», замечает, что у Амартола описание некоего кроткого народа, сохранившего природное благочестие, отождествляемое с райским, связано «с мифологическими аномалиями» [7, с. 77]. Тогда как русский летописец сразу поставлен перед исторической реальностью, а не перед топосами, и поэтому должен воспроизвести общее место о райском народе, не имея при этом мифологической риторической матрицы, способствующей запоминанию различных фактов. Ведь, как постоянно подчёркивал сам Живов, на Руси «обра-

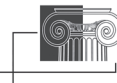
зование носило исключительно катехитический характер», не выросло из античной традиции, но определялось целями и задачами миссии [7, с. 81].

Итак, летописец не мог приписать изображаемому им племени полян никаких аномалий, которые были допустимы в риторически употребляемой мифологической географии, где с разными, часто, на наш вкус, фантазийными качествами племён связывались и разные технологии запоминания географического строения мироздания и распределения историко-политических смыслов. Поэтому неясным оставался «статус их природного благочестия» [7, с. 177–178], что превращало любое полагание их благочестия в искусственное построение. Тем самым Живов проблематизирует гуссерлевское полагание, действие сознания: там, где Аркадия не поддерживается унаследованной от Античности мнемоникой и мифологией, такая интенция всегда будет провалом. Таким образом Живов вскрыл ограничения метода Гуссерля, но не противоречит Канту, для которого образ Аркадии, как образ библейского рая, был только поводом для обсуждения законности, юридической правомочности высказываний об истории и её составляющих.

Именно эта рамка, Аркадия как вопрос правового отношения не к отдельным коллизиям, а к самому факту истории, становится главной для Живова. Так, говоря о екатерининской эпохе, Живов заметил, что в воспеваемой поэтами екатерининской Аркадии живут «дикие народы». Мы бы хотели сказать, что и настоящая Аркадия была довольно дикой в сравнении с Афинами, но Живов подошёл к вопросу не как этнограф, а как историк идей. Он утверждал, что образы диких народов «олицетворяют те концы вселенной ... которые охватывает собой созданная императрицей Аркадия. Имен-

но у концов вселенной располагаются многочисленные утопии, описанные авторами XVII века» [7, с. 452]. Получается, что сама конструкция екатерининского просвещения, направленного на снижение насилия среди диких народов, представляет собой утопическую попытку увести обратно в Аркадию мир, в котором любые правовые или политические решения грозят насилием: «всестороннее преобразование общества под действием нового откровения» и было утопией ненасилия – построить школу означало остановить и интеллектуальный раскол, и церковный раскол, и любые расколы как социальные конфликты. При этом Живов говорит, почему такая Аркадия оказалась невозможна: для неё не было своей мнемонической, точнее, уже в последнее десятилетие века никто не вспоминал эту мифологию. Каждый автор уже строил свой мир поэзии, свою технику и даже свою философию: «Философская тема государства в русской историко-культурной мысли данного периода была исчерпана» [7, с. 454]. В результате сохранение полагания и просвещённой интенции ещё не делало познание устойчивым и способным открывать новые качества предмета. Таким образом, Живов продолжает метакритику Гуссерля, ссылаясь на простые факты из истории русской литературы.

Наконец, третья попытка Аркадии, мифологической утопии, тоже потерпевшей провал, выделяется для советского времени. В одной из немногих статей о советской культуре Живов писал, что одного декларируемого политического равенства было недостаточно не только для советского народа, понимавшего, что никакого равенства не будет достигнуто, но и для элиты. При этом если народ был движим простыми притязаниями, то элиты – соперничеством за место в Аркадии, в мире чистого культурно-

го потребления, никак не связанного с нуждой. Живов писал, что партийные функционеры, получив материальные блага, как соперники относились не к народу, который жил хуже, а к другим элитам, которые могли жить беднее (или богаче, если идёт речь о звёздах сцены или экрана), но интереснее, и потому составляли угрожающую альтернативу. Партийный функционер мог поэтому показывать «оказавшимся у них по случаю лицам другого круга свои собрания русских зарубежных изданий или новинок западного дизайна, русских икон или французских модных картинок» [4, с. 53]. Тем самым, по мнению Живова, здесь достигалось сразу две цели: партиец получал репутацию просвещённого человека (насколько искренне или нет со стороны гостя – другой вопрос), а достигнутое равенство в культуре «служило риторической приватизацией накопленного культурного богатства; вместе с тем партийная карьера хозяина как бы убиралась из фокуса, риторически аннигилировалась» [4, с. 53]. Тем самым достигался тот же эффект, что и у екатерининских чиновников: декларировалось утопическое просвещение, способное изменить всех и исключить любые конфликты, до тех пор, пока реальные социальные конфликты и реальная приватизация уже не образа поэта, как в конце XVIII века, а самих средств производства в конце XX века не отменили весь этот мир привилегий. Отчасти эту же коллизию Живов рассматривал и в работе «Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности» [5].

Итак, получается, что настоящая Аркадия в истории западной культуры поддерживалась мнемотехникой, и Кант показал ограничения этой мнемотехники, тогда как современный исследователь культуры, как Живов, показывает ограничения под-

хода Канта и Гуссерля: из-за замены мнемотехники каким-либо философским методом вовсе не следует, что сознание будет поддерживать своё действие непрерывно и не будет приватизировано. Чтобы разобраться с этим, надо обратиться к тому, что Живов писал об ограничениях самой мнемотехники.

Для Живова эти ограничения вскрылись в Византии в споре иконоборцев и иконопочитателей [7, с. 56]: мнемотехника, исходящая из условной связи между напоминанием и напоминаемым предметом, вроде бы была на руку иконопочитателям: можно было указать, что грубость иконы как материального предмета не исключает того, что она указывает на духовное и непостижимое. Но, как замечает Живов, для иконоборцев этот вроде бы неоспоримый в традиции античной философии аргумент не работал: они просто могли обвинить своих критиков в том, что они следуют техникам античной интеллектуальной культуры, которые до этого постоянно подвергались критике в церковной традиции как неспособные проникнуть в тайну христианских догматов. Поэтому даже позиция Псевдо-Дионисия Ареопагита, вобравшая в себя достижения неоплатонизма и античной мнемоники, переставала работать: для иконоборцев она выглядит издевательской – если иконы – это такие далёкие от обозначаемой их реальности символы, то зачем им вообще уделять внимание, не проще ли от них отказаться [7, с. 53–54]. Следовательно, чтобы показать, что иконоборчество представляет собой гносеологический тупик, требовалась особая метакритика.

Настоящая аргументация была предложена Максимом Исповедником, который понял богочеловечество как событие, встраивающее в себя материю. В таком случае иконоборцы оказались плохими феноме-

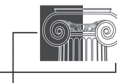
нологами, не способными выстроить правильно ноэтико-ноэматическую корреляцию [7, с. 52], а Максим Исповедник – предшественником Канта и Гуссерля. Но при этом, как мы говорили, Живов презирал философские усилия Якобсона, хотя в теории коммуникации Якобсона, и особенно в его поэтике, ноэтико-ноэматическая корреляция вполне достигается. Якобсон, наоборот, всё время пишет о том, как, например, авангардная поэзия становится неотъемлемым фактом социального сознания. Значит, в чём же на самом деле, по Живову, заключается слабость Якобсона?

Ключом здесь оказывается понятие литургического образа от Максима Исповедника и Иоанна Дамаскина, понимание икон как одной из принадлежностей евхаристического действия, где таким образом византийская мысль оказывается ближе Хайдеггеру с его пониманием вещи как основания как познавательного, так и поэтического действия. Тем самым Якобсон расчленяет познавательное и поэтическое действие, тогда как Максим Исповедник и Хайдеггер их объединяют, что и позволяет им создавать новую технику аргументации, технику монтажа, а не ностальгического воспоминания. Проект Якобсона и проект Тарту тогда – это ностальгия, это постоянное обращение сознания к Аркадии как единственному предмету, что не выдерживает проверки, когда поэты начинают создавать свои собственные проекты. Тогда как проект Живова – это проект индивидуального усилия, которое и позволяет пересобрать историю как монтаж, на чём основана апология Живовым «Красного колеса» Солженицына от тех критиков, которые его разбирают, скорее, по упрощённому Лотману – как не-полифонический роман [3].

Здесь замечательна рецензия Живова на книгу А. Л. Зорина [8], в которой он одоб-

ряет вывод Зорина о том, что представление о раскритикованном Руссо «балансе сил», которое для Просвещения, заметим, было не просто юридической реальностью, но осуществлялось самими законами циркуляции литературы, равным доступом политических субъектов к сведениям о происходящем, казалось в официальной России опасным, потому что рассматривалось как основа геополитического унижения в России – мир в Европе грозил косвенными совместными действиями против России. Но замечательно, что Живов говорит здесь не о политизации культуры, не о большом насилии всего екатерининского проекта, а о малом насилии, о тех структурах цензуры, самоограничения литературы и её локализации, в виде отдельных литературных занятий, при описании которого он вдохновляется Фуко, прямо заявляя, что Фуко полезен для изучения русской культуры только этим [6]. Тем самым Живов опять говорит о том, что важной оказывается не политическая интерпретация семиозиса как производящего некоторую гражданскую реальность, а скорее исследование того, как интенциональность сама оказывается только одной из форм отношения к происходящему, тогда как освободительный потенциал идей Фуко и Хайдеггера только предстоит оценить.

Таким образом, подход В. М. Живова может быть обозначен так: старая семиотика оказывалась слишком аллегоричной, в духе античной мнемоники, поэтому она могла проследить как возможен кризис культуры изнутри, но не могла объяснить, как возможен культурный перелом благодаря деятельности поэтов и появлению новых поэтик. Живов интересовался не тем, как можно продуктивно «употреблять» Гуссерля или Лотмана для обсуждения строения и функций культуры, но тем, каковы ограничения самого их подхода, связанного с тем,

что интенциональность и условия познания понимаются как некое единое движение, некая единая «Аркадия», а не как только часть поэтик познания культуры. Поэтому то, что кажется у Живова его не-философским проектом, творческой разработкой помимо философии, на самом деле оказывается метакритикой кантианства и феноменологии, основанной на простом наблюдении над теми тупиками, в которые входит интеллектуальная культура в различные периоды.

Размышление над тем, почему ресурса философии не хватило, чтобы преодолеть этот тупик, а потребовалось обновление и поэзии, и философии, нельзя считать равнодушием к философии в пользу истории культуры, как думают критики Живова. Напротив, это понимание того, что философия

не просто развивается, а что сама структура философии включает в себя метакритику, и если эта метакритика не реализуется до конца, то лишь потому, что философские концепции слишком быстро встраиваются в культуру эпохи. Достаточно посмотреть на идеализированную эпоху, на эту «Аркадию», со стороны, и будет видно, с чего начать новую философию. Тогда и критика Живовым Якобсона и Лотмана – это не критика схематизаций, но критика той идеализации культуры, которая соблюдала философские требования, вполне могла быть кантианской или гуссерлианской, но не заключала в себе преобразующего действия философии в культуре. Это дело делается, как показывает опыт Живова, когда о нём говорят немного, без громких слов, но не сомневаются в нём.

Примечания

1. Автономова Н. С. Лотман и Якобсон: романтизм, сциентизм и этос науки // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 3 (29). С. 13–22.
2. Визгин В. П. Ещё раз об энтелехии культуры // Философский журнал. 2017. Т. 10, № 1. С. 5–22.
3. Живов В. М. Как вращается «Красное Колесо» // Новый мир. 1992. № 3. С. 246–249.
4. Живов В. М. Об оглядывании назад и частично по поводу сборника «Семидесятые как предмет истории русской культуры» // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 1999. № 2. С. 48–55.
5. Живов В. М. Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // Новое литературное обозрение. 2008. Т. 91, № 3. С. 114–140.
6. Живов В. М. Что делать с Фуко, занимаясь русской историей? // Новое литературное обозрение. 2001. Т. 49. С. 85–88.
7. Живов В. М. Разыскания в области истории и предистории русской культуры. Москва : Языки славянской культуры, 2002. 758 с.
8. Живов В. М. Двуглавый орёл в диалоге с литературой // Новый мир. 2002. № 2. С. 174–179.
9. Живов В. М. Московско-тартуская семиотика: её достижения и её ограничения // Новое литературное обозрение. 2009. № 98. С. 17–27.
10. Сегал Д. «Et in Arcadia Ego» вернулся: наследие московско-тартуской семиотики сегодня // Новое литературное обозрение. 1993. № 3. С. 31–32.
11. Файбышенко В. Ю. Власть слов: теология политическая и теология поэтическая в анализе одного сюжетного паттерна // Артикульт. 2018. № 3 (31). С. 105–124. DOI: 10.28995/2227-6165-2018-3-105-124
12. Ямпольская А. В. Аффективность как историческое измерение субъекта // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 155–164.

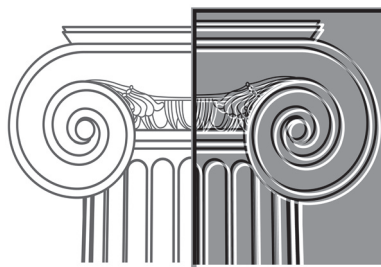
References

1. Avtonomova N. S. Lotman and Jakobson: Romanticism, Scientism and the Ethos of Science. *Humanities Researches in the Russian Far East*. 2014, no. 3 (29), pp. 13–22. (In Russian)
2. Vizgin V. P. Entelechy of Culture Revisited. *Philosophy Journal*. 2017, vol. 10, no. 1, pp. 5–22. (In Russian)

3. Zhivov V. M. Kak vrashchaetsya “Krasnoye Koleso” [How does “The Red Wheel” Rotate]. *Novyy mir [New World]*. 1992, no. 3, pp. 246–249. (In Russian)
4. Zhivov V. M. Ob oglyadyvanii nazad i chastichno po povodu sbornika “Semidesyatye kak predmet istorii russkoy kul’tury” [Looking back and partly about the collection “The Seventies as a Subject of the History of Russian Culture”]. *NZ*. 1999, no. 2, pp. 48–55. (In Russian)
5. Zhivov V. M. Chuvstvitel’nyy natsionalizm: Karamzin, Rostopchin, natsional’nyy suverenitet i poiski natsional’noy identichnosti [Sensitive Nationalism: Karamzin, Rostopchin, National Sovereignty and the Search for National Identity]. *New Literary Observer*. 2008, vol. 91, pp. 114–140. (In Russian)
6. Zhivov V. M. Chto delat’ s Fuko, zanimayas’ russkoy istoriey? [What to do with Foucault, Studying Russian History?]. *New Literary Observer*. 2001, vol. 49, pp. 85–88. (In Russian)
7. Zhivov V. M. *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoy kul’tur [Investigations in the Field of History and Prehistory of Russian Cultures]*. Moscow, LRC Publishing House, 2002. 758 p. (In Russian)
8. Zhivov V. M. Dvuglavyy orel v dialoge s literaturoy [Double-headed Eagle in Dialogue with Literature]. *Novyy mir [New World]*. 2002, no. 2, pp. 174–179. (In Russian)
9. Zhivov V. M. Moskovsko-tartuskaya semiotika: ee dostizheniya i ee ogranicheniya [Moscow-Tartu Semiotics: Its Achievements and Its Limitations]. *New Literary Observer*. 2009, no. 98, pp. 17–27. (In Russian)
10. Segal D. “Et in Arcadia Ego” vernulsya: nasledie moskovsko-tartuskoy semiotiki segodnya [“Et in Arcadia Ego” is back: the legacy of Moscow-Tartu semiotics today]. *New Literary Observer*. 1993, no. 3, pp. 31–32. (In Russian)
11. Faybyshenko V. Yu. The Power of Words: Political Theology and the Theology of Poetry in the Analysis of One Plot Pattern. *Articult*. 2018, no. 3 (31), pp. 105–124. DOI: 10.28995/2227-6165-2018-3-105-124 (In Russian)
12. Yampolskaya A. V. Affektivnost’ kak istoricheskoe izmerenie sub”ekta [Affectivity as a Historical Dimension of the Subject]. *Voprosy Filosofii [Problems of Philosophy]*. 2013, no. 3, pp. 155–164. (In Russian)

*

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРЫ

КОНЦЕПЦИЯ «ПРИЗНАНИЯ» Ф. ФУКУЯМЫ, КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ТЕРРОРИЗМ

УДК 130.2

DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10206

К. Н. Бочарова

Московский государственный институт культуры

Статья посвящена концепции «признания» американского философа Ф. Фукуямы в её связи с проблематикой современного националистического экстремизма и терроризма. За последнее десятилетие мир сделал резкий поворот от мультикультурализма к национализму и агрессии, что выразилось в росте локального экстремизма, имеющего этнокультурную окраску. В контексте этих изменений автором предпринята попытка проследить эволюцию взглядов Фукуямы от постулирования торжества либеральной демократии в работе «Конец истории и последний человек» до глубинного переосмысления изначальных идей в последней книге «Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия». Феномен терроризма рассматривается в статье как радикальное средство борьбы за признание, с опорой на исследуемые Фукуямой в современной социокультурной ситуации понятия «тимос», «мегалотимия», «изотимия», введённые Платоном в диалоге «Государство».

Ключевые слова: терроризм, тимос, мегалотимия, изотимия, национализм, концепция «признания», Ф. Фукуяма, этнокультурные ценности.

Kseniya N. Bocharova

Moscow State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotechnaya Str., 7, 141406, Khimki City, Moscow Region, Russian Federation

THE F. FUKUYAMA'S CONCEPT OF "RECOGNITION", IDENTITY AND TERRORISM

The article is devoted to the concept of "recognition" of the American philosopher F. Fukuyama in its connection with the problems of contemporary nationalist extremism and terrorism. Over the past decade, the world has made a sharp turn from multiculturalism to nationalism and aggression, which is reflected in the growth of local extremism, which has an ethnocultural coloring. In the context of these changes, the author made an attempt to trace the evolution of the views of Fukuyama from the postulation of the triumph of liberal democracy in the work "The End of History and the Last Man" to a deep rethinking of the original ideas in the last book "Identity. The desire for recognition and the policy of rejection". The phenomenon of terrorism is considered in the article as a radical means of struggle for recognition based on the concepts of "timos", "megalothymia", "isothymia" introduced by Plato in the "State" dialogue explored by Fukuyama in the current sociocultural situation.

Keywords: terrorism, thymos, megalothymia, isothymia, nationalism, the concept of "recognition", F. Fukuyama, ethnocultural values.

БОЧАРОВА КСЕНИЯ НИКОЛАЕВНА – аспирантка кафедры культурологии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

BOCHAROVA KSENIYA NIKOLAEVNA – PhD student at the Department of Culturology, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

Для цитирования: Бочарова К. Н. Концепция «признания» Ф. Фукуямы, культурная идентичность и терроризм // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 2 (94). С. 54–63. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10206

В августе 2017 года в тихом университетском городе Шарлоттсвилле (США) в результате действий «белых» экстремистов погиб один человек, пострадали несколько десятков. 10 ноября 2018 года в метро Барселоны каталонские националисты сбросили с эскалатора человека с испанским флагом в руках. Весной 2019 года в Лондондерри (Северная Ирландия) во время вооружённого нападения на полицию убили известную журналистку Лиру Макки. Это перечисление можно продолжать до бесконечности. XXI век щедро отмечен частыми локальными проявлениями экстремизма и терроризма с ярко выраженной правой националистической и этнокультурной окраской в странах Европы, в США и других, достаточно благополучных регионах мира. На этом фоне возникает вполне уместный вопрос: как возможен в наше время «открытого мира» такой феномен?

Современный терроризм – чрезвычайно сложное, гибкое и динамичное явление, которое невозможно поместить в жёсткие рамки тенденций и подходов. Он не только не остаётся в прошлом (хотя некоторое время терроризм, за исключением исламского, считали «достоянием» XX столетия), но и подвергается многочисленным преобразованиям сущностно идеологического и формального характера. Сложность и порой быстрота и незаметность трансформаций этого явления говорят о необходимости его теоретического осмысления, а также – о необходимости рефлексии самой истории и философии экстремизма во всём спектре их изменений.

С выходом в прошлом году русского перевода (и в 2018 году оригинала) новой кни-

ги американского философа Фрэнсиса Фукуямы «Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия» мы получили возможность в полной мере рассмотреть и оценить 30-летнюю эволюцию взглядов учёного, которую мы можем наблюдать начиная с 1989 года, когда на пике распада биполярного мира журнал «National Interest» опубликовал статью сотрудника некоммерческого исследовательского центра RAND Ф. Фукуямы «Конец истории?». Текст представлял собой достаточно радикальный с точки зрения месседжа и характера тезис об эволюции социальных систем. Автор заявлял, что социальная эволюция подошла к своему завершению, поскольку либеральная демократия, которая безоговорочно победила предшествующие формы государственной организации, такие как монархия, коммунизм и фашизм, являет собой «конечную точку идеологической революции человечества» и финальную форму правления, которую следует признать лучшей из всех возможных систем, в которых может жить человек.

Конечно, такой подход не мог остаться без ответа. Тезис о «конце истории», вероятно, стал самой критикуемой политической и культурфилософской концепцией последнего десятилетия. Именно её чаще всего обвиняли в утопизме, наивной близорукости или проявлении западного эгоизма. По сей день многие исследователи, политики и представители СМИ используют термин «конец истории» стереотипно, в качестве примера эйфории и недалёкого легкомыслия, вызванных крахом биполярной системы. Между тем концепция Фукуямы является гораздо более сложной интел-

лектуальной конструкцией, чем принято считать. Это вполне подтверждается внимательным прочтением опубликованной в 1992 году книги «Конец истории и последний человек» [10], которая стала развитием соответствующей статьи.

В своей работе американский мыслитель среди прочего обращается к платоновскому образу человеческой личности и гегелевскому видению истории, акцентируя концепцию «потребности в признании» как основу мотивации человеческих действий. Согласно Фукуяме, объяснение конфликтов и противоречий, которые преследуют цивилизации с незапамятных времён, следует искать не в борьбе за выживание и материальные ресурсы, а в естественной «потребности в признании». В подтверждение своих мыслей автор ссылается на платоновскую типологию души, изложенную в «Государстве», где выделяются разумное начало, вожделеющее начало и, наконец, третья часть – тимос (θυμός – букв. 'гнев'; в русском переводе диалога – 'ярость духа', 'яростный дух') [8, с. 213 и далее]. Тимос, который можно интерпретировать и как обострённое чувство достоинства и амбиций, требующих признания, напрямую связан с аксиологической проблематикой и чрезвычайно важен в политической жизни (причём, отметим сразу, в её этнокультурном сегменте).

Для Фукуямы (с опорой на Гегеля) это своего рода триггер изменений исторического процесса. Пока потребность в признании всех людей не будет удовлетворена, человечество будет переживать всевозможные цивилизационные потрясения. Как пишет Фукуяма: «Понимание важности борьбы за признание как двигателя истории позволяет по-новому взглянуть на многие явления, знакомые нам в других аспектах, такие как культура, религия, работа, национализм и война» [10, с. 19].

По мнению автора «Конца истории», либеральная демократия должна была разрешить основной конфликт, связанный с необходимостью доказывать и отстаивать своё достоинство в глазах других. Очевидно, что Фукуяма вдохновлялся рассуждениями И. Канта, который пытался зафиксировать исторический процесс в чётких интеллектуальных рамках [3]. Демократия трактуется как система, гарантирующая и обеспечивающая полное и универсальное признание всех людей. Что это значит? Во-первых, прекращение вооружённых конфликтов, потому что «национализм, эта современная, но не до конца рациональная форма признания, был двигателем борьбы за признание ... источником наиболее яростных конфликтов ... либеральная демократия заменяет иррациональное желание быть признанным выше других рациональным желанием быть признанным равным другим» [10, с. 20–21]. Во-вторых, согласно Фукуяме, универсальность признания делает либеральную демократию единственной системой, в которой внутренние противоречия подвержены эволюционному смягчению и не накапливаются с угрозой взрыва, как в других политических системах. Фундаментализм и национализм, таким образом, утрачивают свой радикализм и пыл. И пусть это ещё не «вечный мир» Канта, но всё же максимально возможное приближение к этой идее.

Фукуяма считает, что человеческая история фактически реализует определённый «план» в гегелевском понимании (а скорее, в интерпретации Гегеля А. Кожевным [4, с. 361–362]), стремясь завершить первую стадию развития, которая является всеобщей победой идеи либеральной демократии и универсального принципа признания. «История – не слепая цепь событий, а осмысленное целое ... если сейчас мы пережи-

ваем такой момент, когда нам трудно представить себе мир, существенно отличный от нашего, где нет очевидного или естественного пути, на котором будущее даст фундаментальное улучшение существующего сейчас порядка, то мы должны допустить возможность, что сама по себе История могла подойти к концу» [10, с. 96–97].

Развивая свою мысль, философ оперирует двумя представляющимися весьма важными терминами, производными от понятия «тимос»: *мегалотимия* и *изотимия*. Первое – это желание быть лучше других, а второе – желание быть равным другим. Эволюция социальных систем к либеральной демократии должна вести от первого ко второму, то есть к универсальному однородному состоянию, которое равно признаёт всех людей и все социальные группы. Таким образом, стремление к признанию, которое движет человеческой историей, получает своё удовлетворение, наступает «конец истории», и вечное деление человеческих обществ на лучшие и худшие, развитые и неразвитые и т.п. устраняется.

Каким образом в эту концепцию можно поместить феномен терроризма? Есть несколько интересных объяснений. Фукуяма моделирует возможные аргументы своих противников. Он видит самого опасного из этих противников в лице Ф. Ницше, который с достаточным презрением относился ко всем концепциям гарантированного социального и культурного равенства, видя в их реализации угрозу уничтожения человеческого величия, творческих способностей и возможностей развития¹. (Собственно, к Ницше и отсылает понятие «по-

¹ По Ницше, демократия наряду с христианством способствует «рабскому менталитету», resentmentу как проявлению зависти и мести слабых по отношению к сильным. «Восстание рабов в морали начинается с того, что resentment сам становится творческим и порождает ценности» [5, с. 254].

следний человек», используемое автором «Конец истории»²). Отчасти соглашаясь с Ницше, Фукуяма признаёт, что определённая доза мегалотимии действительно необходима для общества. Но он (некоторым образом перекликаясь в этом с Й. Хейзингой [12, с. 271–294]) видит решение противоречия в новых, «суррогатных» формах реализации этой глубоко человеческой потребности – формальной деятельности (такой как спорт или искусство), соперничестве в соответствии с принятыми правилами бизнеса, политики, науки (понимаемой как особая форма противостояния природе и материи) [10, с. 472–480].

Но откуда тогда такой вид политического насилия, как терроризм, появляется в демократических и вполне стабильных западных странах, которые в достаточной мере обеспечивают реализацию тимотических притязаний?

Следует отметить, что левые террористы, действовавшие на Западе в период господства биполярной системы, исповедовали идею радикальной изотимии³ в соответствии со своими социально-политическими концепциями. На тот момент путь коммунизма, соприкасающийся с либеральной демократией и наследующий философии Просвещения, ещё не оказался ловушкой или, как минимум, оказался не для всех. Падение Восточного блока и растущий кризис, а также изоляция сохранившихся анахрони-

² См., например: «Земля стала маленькой, и по ней прыгает последний человек, делающий всё маленьким. Его род неистребим, как земляная блоха; последний человек живёт дольше всех. “Мы нашли счастье”, – говорят последние люди и моргают» [6, с. 18].

³ Как это ни парадоксально, но попытки установления абсолютного равенства между людьми оказались в реальности самыми страшными проявлениями мегалотимии и жестокости в истории человечества.

ческих государств «реального социализма» стали окончательным доказательством того, что утопия всеобщего равенства в коммунистическом смысле не может быть реализована. Оказались тупиковыми и такие формы, как монархическое государство и фашизм¹. Только либеральная демократия, согласно «Концу истории», смогла преодолеть неразрешимые противоречия предшествующих социальных систем. Левый терроризм потерпел преимущественный крах в Европе (и других частях света) не только и не столько из-за снижения и отсутствия рекрутизации adeptов, но в большей степени из-за смерти поддерживавшей его на плаву изотимической утопии.

Остаётся проблема правого терроризма. И необходимо понять, какой подход работает в отношении терроризма на основе религиозной и этнической (этнокультурной, этноисторической) мотивации. Фукуяма считает, что эти виды также связаны с борьбой за признание. Религиозные и национальные, архаизирующие этнокультурные движения являются в какой-то степени иррациональным проявлением стремления к признанию, ресентиментными формами. Он также полагает, что эти формы могут сосуществовать с рациональным признанием. «Культуры, в некотором смысле, возникают из способности оценивать ... тимос, или жажда признания есть фундамент для того, что социологи называют “ценностями” ... я не хочу сказать, что религия и национализм могут быть сведены к жажде признания, но именно корни этих страстей, лежа-

¹ При этом особенностью фашизма, если смотреть на него в аспекте концепции «признания», была сложная комбинация распространяемой государством мегалотимии и изотимии. Создание «массового общества сверхлюдей» и гибридное скрещивание коллективизма с ницшеанским духом героической и агрессивной личности оказались нежизнеспособными.

щие в тимосе, и придают им столь великую силу. Верующий присваивает достоинство всему, что его религия считает священным, – набору моральных законов, образу жизни или конкретным предметам поклонения. И он впадает в гнев, если унижают достоинство того, что для него священно. Националист верит в достоинство своей национальной или этнической группы, а потому – в собственное достоинство ... Он ищет признания этого своего конкретного достоинства у других и, подобно верующему религиозному, впадает в гнев при унижении этого достоинства ... Тимотические корни религии и национализма объясняют, почему конфликты вокруг “ценностей” потенциально куда более смертоносны, чем конфликты на почве имущества и богатства» [10, с. 324–325].

Фукуяма утверждает, что религия и национализм, связанное с представлениями о национальном, этническом, будут постепенно исчезать по мере ослабления чувств и эмоций, которые их порождают. В качестве примера автор приводит европейское общество конца XX века. Оно не устранило национальных различий, но «испытал на себе страшную иррациональность, латентно скрытую в националистической форме признания, население Европы постепенно стало воспринимать как альтернативу всеобщее и равное взаимное признание» [10, с. 407].

Поэтому националистический терроризм, практикуемый в Северной Ирландии или Стране Басков, с точки зрения автора «Конца истории», не имеет будущего в Европе, для мыслителя конца XX века он всего лишь некий анахронизм, гротескное выражение тимотических желаний. По мере того как национальное разделение теряет своё значение, этот тип насилия также должен потерять свою значимость, хотя и не может быть быстро ликвидирован. По мнению Фу-

куямы, разрушительная сила национализма исчезнет аналогично силам религии, и он отойдет в сферу частной жизни, сохранившись там в качестве сентиментальных воспоминаний и семейной истории. Фукуяма делит мир на страны постисторической реальности (то есть либеральной демократии), где, по его мнению, экстремизм на момент написания книги был практически изжит, и государства, продолжающие жить в исторической реальности, где процессы эволюции ещё не закончились. По этой причине философ не отрицает, что этнические конфликты и террор будут какое-то время иметь место, но только в «исторических» областях, таких как Восточная Европа, территория бывшего СССР, страны третьего мира. Следовательно, с точки зрения Фукуямы 1990-х годов, национализм и определяемые им формы насилия представлялись своего рода инкубационным периодом нового порядка, а этническая мотивация терроризма выглядела не очень серьёзной.

Исламский фундаментализм и терроризм, в представлении Фукуямы, также не представлял уже угрозы расширению влияния либеральной демократии, так как не мог оказать долговременного влияния за пределами традиционно мусульманских регионов, где сосредоточена его культурная сила: «... в долгосрочной перспективе исламский мир представляется более подверженным влиянию либеральных идей, нежели западный мир – исламским идеям ... Частичной причиной современного фундаменталистского возрождения ислама является сила той угрозы, которую несут либеральные, западные ценности традиционным исламским обществам» [10, с. 90]. Даже с позиции человека рубежа веков это утверждение выглядит несколько странным. Фукуяма заявляет о победе западных ценностей над мусульманскими в тот момент, когда Соеди-

нённые Штаты и Западная Европа уже вполне осознают опасность исламизации собственного пространства и устойчивый рост влияния идеологии исламизма. Впрочем, многим ещё тогда казалось, что универсализм секуляризованной либеральной демократии, вооружённой привлекательной массовой культурой и реальными технологическими, экономическими и научными достижениями так или иначе победит, убедит и адаптирует непокорные сообщества¹.

Конец истории понимался Фукуямой, конечно, не в том смысле, что больше ничего не случится и мир остановился в начале 1990-х годов на пороге вечного процветания и кантианского образа мира. Он определяет его как конец развития политических систем и доктрин². Мир человеческих обществ был запрограммирован с самого начала для этого типа эволюции. Утопия подошла к концу, потому что было доказано, что на практике все эти системы и доктрины не работают. Конечно, исторический мир некоторое время будет сосуществовать с постисторическим миром, пытаясь сохранить свои анахроничные поли-

¹ Б. Р. Барбер, который во многих отношениях был не согласен с цивилизационным видением Фукуямы, тем не менее разделял мнение о том, что Макмир (уничжительный термин для полностью коммерциализованной и прагматичной глобальной цивилизации) в конечном счёте победит в противостоянии силам джихада (собираемый термин для всех дезинтеграционных, сепаратистских, националистических и фундаменталистских тенденций в мире) [см.: 12].

² Р. Дарендорф объясняет эту трансформацию несколько иначе: «Под впечатлением от революции 1989 года ... не только страны ОЭСР, но и бывшие страны СЭВ находятся на пути к лучшему из возможных миров. А поскольку разочарование в реальном социализме не ограничилось Восточной Европой, а охватило значительную часть третьего мира, то в этот раз о конце идеологии заговорили по всему свету» [1, с. 66–67].

тические, экономические и социальные решения, но эволюцию не остановить. Даже терроризм может активизировать на какое-то время свою деятельность, но его место в истории, а история уже закончилась: «мы не можем представить себе мир, отличный от нашего *по существу* и в то же самое время – лучше нашего» [10, с. 91].

Таким образом, предельно ясно, что прогноз Фукуямы, изложенный в «Конце истории», почти не оставляет в будущем места для национализма и терроризма, по крайней мере в долгосрочной перспективе. Национализм и религиозный фундаментализм скорее потеряют, чем приобретут влияние и значение. Современный терроризм станет своеобразным признаком агонии истории и в качестве элемента социальной жизни сохранится только как крайне редкое выражение потребности в признании у людей, которых (по какой-либо исключительной причине) не устраивают институциональные и «цивилизованные» механизмы удовлетворения тимотического начала. Возможно, это будет голос протеста против мира «последнего человека».

Пробелы и уязвимые места в концепции Фукуямы были через некоторое время замечены самим автором. Заманчивая идея «конца истории», как и все тяготеющие к целостности, законченности и непротиворечивости нарративные концепции, чрезвычайно обманчива. Идейный мир Фукуямы строится на тех же иллюзиях, которые подпитывали «конец истории» Гегеля и «призрак коммунизма» Маркса. Уже спустя десять лет после написания своей самой известной книги Фукуяма признался, что ошибочно не заметил и не принял во внимание как минимум один, но решающий фактор, который ставит под сомнение обоснованность всех тезисов. Этот фактор – технология и наука. История не может за-

кончиться, если не заканчивается наука и следующие за ней технологии, формирующие облик человеческих сообществ, сферы их ценностей и модели жизнеустройства и – что наиболее важно – регулярно снимающие какие-либо ограничения [11, с. 30]. Книга «Наше постчеловеческое будущее» пусть и не совсем открытым текстом, но исполнена ужаса перед терроризмом другого рода – биотехнологическим. Речь идёт об изменении человека, создании нового человека, свободного от старых ограничений и суеверий. Модификация изначального биологического человека, выходящая за общепризнанный непроходимый барьер, может запустить вновь, казалось бы, остановленные навсегда часы истории. Социальные инженеры, создатели утопий и антиутопий, да и просто экстремисты разного рода получают в лице биотерроризма эффективный механизм для осуществления социальных и политических преобразований, о которых они мечтали. В итоге, то чего не удалось достичь с помощью религиозного фундаментализма, сомнительных механизмов социализации, пропаганды и концентрационных лагерей, можно достичь с помощью биотехнологий, нанотехнологий и искусственного интеллекта. Как справедливо пишет Фукуяма, конец истории может быть несколько иным, чем он подозревал десятилетием ранее¹. Человеческая история закончится, потому что человеческий род, каким мы его знаем сегодня, перестанет существовать. Начнётся новая постчеловеческая история, богатство и потенциально бесконечное разнообразие которой мы не можем сегодня осознать. Возможно, это будет сопровождаться «пост-насилием» и «пост-терроризмом», ко-

¹ Не случайно, как бы в контексте размышлений Фукуямы, пандемия COVID-19 столь резко взвинтила интерес к теориям заговора и биотерроризму [см., например: 7].

торые в новых условиях примут совершенно другие, пока неизвестные формы.

В 2018 году вышла новая, на сегодняшний день – последняя работа Ф. Фукуямы «Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия», которая подводит своего рода итог тридцатилетней эволюции рефлексии автора на тему конца истории и нового мира [9].

Как признается сам Фукуяма, причиной написания новой книги стало избрание президентом США Д. Трампа. Неожиданность и неприятие происходящего навели автора на мысль о том, сколь неожиданные формы выражения могут иметь тимотические процессы и манифестации потребности в признании в современном мире, что само по себе поднимает проблему того, можно ли ещё воспринимать всерьёз столь актуальные недавно универсалистские и прогрессистские притязания общества и науки. «Всеобщее признание оспаривается как другими формами исключительно группового признания – на основе национальности, религии, секты, расы, этнической принадлежности или пола, – так и индивидами, требующими признания своего превосходства над остальными» [9, с. 20].

Говоря о чувстве идентичности и его специфике в современном мире, Фукуяма отмечает, что при определённой конфигурации обстоятельств и культурной ситуации оно перерастает себя, становясь политикой идентичности. Условием же существования идентичности является её признание, зачастую закреплённое на уровне институций. Именно так современные национализм, исламизм и подобные им вещи превращаются в политические феномены, декларативно превращая ценности собственной культуры в оружие борьбы за признание: «Одной из главных движущих сил нового американского национализма, которая и приве-

ла Дональда Трампа в Белый дом (а Великобританию выводит из Евросоюза), было ощущение у людей собственной невидимости ... элиты в столице ... и в больших городах просто не понимают их или не обращают внимания на их проблемы» [9, с. 100]. А чтобы тебя услышали, нужно громко заявить о себе, так появляется и становится повседневным явлением локальный националистический экстремизм, позиционирующий себя в качестве защитника притесняемых культурных ценностей. Что собственно и произошло в 2017 году в американском Шарлоттсвилле, где все события развернулись вокруг ситуации со сносом памятника генералу конфедератов Р. Э. Ли и переименованием парка его имени в парк Эмансипации.

Рефлексируя свой впечатляющий, но грустный тридцатилетний опыт исследований мегалотимии и изотимии в последней книге, Фукуяма заканчивает её на более или менее оптимистической ноте: «Сегодня идентичность лежит в основе многих политических явлений, – пишет он, – от новых популистских националистических движений до исламистских группировок и бурных разногласий в университетских кампусах. Мы не можем мыслить о себе и своём обществе иначе как в терминах идентичности. Но мы должны помнить, что личность, живущая глубоко внутри нас, изменчива и необязательно присуща нам от рождения. Идентичность может быть использована для того, чтобы сеять рознь, но её можно использовать – и уже использовали – для интеграции и объединения» [9, с. 184].

На вопросы – сбудется ли этот прогноз знаменитого философа-футуролога и не захлебнётся ли мир волной мелкого, но повседневного и повсеместного террора во имя идентичности – ответит, видимо, только время.

Проблемы со статусом ещё недавно казавшейся непоколебимой либеральной демократии и рост регионального «белого» популизма, эксплуатирующего образ «старых добрых времён», когда не было чужих, Фукуяма напрямую связывает с политизацией коллективной культурной идентичности, возвращением религиозного фундаментализма, а также волной популярности «старомодного национализма» не только на Западе, но и в бывших колониях, странах постсоветского пространства, отдельных автономных образованиях. Фукуяма считает, что в основе происходящего лежит медленный, но приносящий свои плоды процесс мутации принципа всеобщего

и равного признания, его трансформации в ультимативные притязания на приоритет и исключительные права для отдельных сообществ, на протяжении длительного времени остававшихся маргинальными. Эта проблема дурно понята мультикультурализмом и толерантностью в развитых странах Запада, а также проблема третьесортности и пренебрежения в регионах вековой зависимости породили усталость и озлобленность среднестатистического местного населения, политику ресентимента, связанную с изобретением агрессивной мифологии [1], и обострённое чувство идентичности, настаивающее на немедленном признании.

Примечания

1. Воеводина Л. Н. Манипулятивные технологии и информационная составляющая социокультурного пространства // *Культура vs свобода : материалы «круглого стола» в рамках IV Московского форума культуры*. Москва : МГУКИ, 2014. С. 115–122.
2. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / пер. с нем. Л. Ю. Пантиной. Москва : РОССПЭН, 2002. 284, [2] с. (Университетская библиотека. Политология).
3. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // *Собрание сочинений : в 8 томах : юбилейное издание 1794–1994 : [перевод с немецкого] / под общ. ред. А. В. Гулыги*. Москва : ЧеРо, 1994. Том 8. С. 12–28.
4. Кожев А. В. Введение в чтение Гегеля. Санкт-Петербург : Наука, 2003. 792 с.
5. Ницше Ф. К генеалогии морали // *Полное собрание сочинений : в 13 томах*. Москва : Культурная революция, 2012. Том 5. С. 229–382.
6. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // *Полное собрание сочинений : в 13 томах*. Москва : Культурная революция, 2007. Том 4.
7. Остроумов Я. По следу коронавируса: биотеррор и военная лаборатория США в Казахстане [Электронный ресурс] // *Интернет-журнал «Военно-политическая аналитика» : [веб-сайт]*. Электрон. дан. URL: <https://vroanalytics.com/2020/03/25/po-sledu-koronavirusa-bioterror-i-voennaya-laboratoriya-ssha-v-kazahstane>
8. Платон. Государство // *Собрание сочинений : в 4 томах / [общ. ред. А. Ф. Лосева и др. ; примеч. А. А. Тахо-Годи]*. Москва : Мысль, 1990–1994. Том 3. 1994. С. 79–420.
9. Фукуяма Ф. Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия. Москва : Альпина Паблишер, 2019. 256 с.
10. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. Москва : АСТ, 2010. 588 с.
11. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции / пер. с англ. М. Б. Левина. Москва : АСТ : ЛЮКС, 2004. 349 с.
12. Хэйзинга Й. Homo Ludens. Человек играющий : опыт определения игрового элемента культуры / сост., предисл. и пер. Д. В. Сильвестрова ; коммент., указ. Д. Э. Харитоновича. Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 409, [6] с.
13. Barber B. R. (1992) Jihad vs McWorld. *The Atlantic Monthly*. Vol. 269, no. 3: 53–65.

References

1. Voevodina L. N. Manipulyativnye tekhnologii i informatsionnaya sostavlyayushchaya sotsiokul'turnogo prostranstva [Manipulative Technologies of Information and the Composition Further Social and Cultural Space]. In: *Kul'tura vs svoboda: materialy "kruglogo stola" v ramkakh IV Moskovskogo foruma kul'tury* [Culture vs Freedom: Materials of the Round Table at the IV Moscow Forum of Culture]. Moscow, Publishing House of the Moscow State University of Culture and Arts, 2014. Pp. 115–122. (In Russian)
2. Dahrendorf R. *Der moderne soziale Konflikt. Essay zur Politik der Freiheit*, 1994. (In Rus. ed.: Darendorf R. *Sovremennyy sotsial'nyy konflikt. Ocherk politiki svobody* [Modern Social Conflict. An Outline of the Politics of Freedom]. Moscow, ROSSPEN Publishers, 2002. 284 p.)
3. Kant I. Ideya vseobshchey istorii vo vseмирno-grazhdanskom plane [The Idea of Universal History in the World-Civil Plan]. In: Kant I. *Sobranie sochineniy. V 8 tomakh, tom 8* [Collected Works. In 8 volumes, volume 8]. Moscow, Publishing House "CheRo", 1994. Pp. 12–28. (In Russian)
4. Kozhev A. V. *Vvedenie v chtenie Gegelya* [Introduction to the Reading of Hegel]. St. Petersburg, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 2003. 792 p. (In Russian)
5. Nitshe F. [Nietzsche Friedrich Wilhelm] K genealogii morali [To the Genealogy of Morality]. In: Nitshe F. *Polnoye sobranie sochineniy. V 13 tomakh, tom 5* [Complete Works. In 13 volumes, volume 5]. Moscow, Publishing House "Kulturnaya revolyutsiya", 2012. Pp. 223–382. (In Russian)
6. Nitshe F. [Nietzsche Friedrich Wilhelm] Tak govoril Zaratustra [Thus Spoke Zarathustra]. In: Nitshe F. *Polnoye sobranie sochineniy. V 13 tomakh, tom 4* [Complete Works. In 13 volumes, volume 4]. Moscow, Publishing House "Kulturnaya revolyutsiya", 2007. (In Russian)
7. Ostroumov Ya. *Po sledu koronavirusa: bioterror i voyennaya laboratoriya SSHA v Kazakhstane* [On the Trail of Coronavirus: Bioterror and the US Military Laboratory in Kazakhstan]. Available at: <https://vpoanalytics.com/2020/03/25/po-sledu-koronavirusa-bioterror-i-voennaya-laboratoriya-ssha-v-kazahstane> (In Russian)
8. Plato. Gosudarstvo [State]. In: Plato. *Sobranie sochineniy. V 4 tomakh, tom 3* [Collected Works. In 4 volumes, volume 3]. Moscow, Mysl Publishers, 1994. Pp. 79–420. (In Russian)
9. Fukuyama F. [Fukuyama Yoshihiro Francis] *Identichnost'. Stremlenie k priznaniyu i politika nepriyatiya* [Identity. The Desire for Recognition and the Politics of Rejection]. Moscow, Alpina Publisher, 2019. 256 p. (In Russian)
10. Fukuyama F. [Fukuyama Yoshihiro Francis] *Konets istorii i posledniy chelovek* [End of History and Last Human]. Moscow, Ast Press Publishing House, 2010. 588 p. (In Russian)
11. Fukuyama F. [Fukuyama Yoshihiro Francis] *Nashe postchelovecheskoe budushchee: posledstviya biotekhnologicheskoy revolyutsii* [Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution]. Moscow, Ast Press Publishing House, 2004. 349 p. (In Russian)
12. Kheyzinga Y. [Huizinga Johan] *Homo Ludens. Chelovek igrayushchiy: opyt opredeleniya igrovogo elementa kul'tury* [Homo Ludens. The Person Playing: the Experience of Determining the Playful Element of Culture]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publishing House, 2011. 409 p. (In Russian)
13. Barber B. R. (1992) Jihad vs McWorld. *The Atlantic Monthly*. Vol. 269, no. 3: 53–65. (In English)

*

«Мир» КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КОНЦЕПТ

УДК 130.2

DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10207

М. А. Ефимец

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье рассматриваются различные трактовки и концепты мира. Опираясь на работы основателя норвежской научной школы Й. В. Галтунга, автор рассматривает новые концептуальные подходы к осмыслению понятия «мир», фокусируя внимание на структурном наполнении его новыми значениями: ценности мира и жизненный мир, ненасилие и экономическое благополучие, физическое здоровье, творческое совершенство, индекс человеческого развития и т.д. При этом отмечаются различия, связанные как с лингвистическими и лингвокультурологическими, так смысловыми интерпретациями феномена. Затронуты вопросы, связанные с образом мира, формированием национального образа мира, в котором каждый народ идеализирует свой Мир, превознося свои традиционные ценности и отводя себе мессианскую роль в истории мировой цивилизации и культуры. Отчасти рассмотрены смыслы Русского мира, подходы к России как государству-цивилизации, трансгосударственному и трансконтинентальному сообществу. Отмечается, что культурно-цивилизационный мир предлагает свой ответ на вызовы времени, нацелен на формирование и/или отражение своей оси или вектора передвижения точек активности мировой культуры. Предложена трактовка мира как сбалансированной системы смыслов жизни, интенционально присущей социуму в конкретный исторический период.

Ключевые слова: понятие «мир», культурно-цивилизационные миры, Русский мир, культура и цивилизация.

Marya A. Efimets

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEP),
the Russian Government, Prospect Vernadskogo, 82, 119606, Moscow, Russian Federation

“PEACE” AS AN UNIVERSAL CULTURAL AND CIVILIZATIONAL CONCEPT

Article deals with the different interpretations of the Phenomenon Peace and the concepts of peace. Based on the work of the founder of the Norwegian school of peace research Johan Vincent Galtung, the author examines new conceptual approaches to understanding the World, focusing on the structural

ЕФИМЕЦ МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – аспирантка кафедры ЮНЕСКО Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

EFIMETS MARYA ALEKSANDROVNA – PhD student, UNESCO’ Chair at the Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEP)

e-mail: maryaefimets@gmail.com

© Ефимец М. А., 2020

filling of the Peace with new meanings: the values of the peace and the Peace of life, non-violence and economic well-being, physical health, creative excellence, the human development index, etc. Peace in the “peace research”. Authors are pointing out the differences associated with linguistic and linguistic-cultural, as well as semantic interpretations of the phenomenon. The issues related to the image of the world, the formation of a national image of the peace in which each nation idealizes its own Peace, extolling its traditional values and assigning itself a Messianic role in the history of world civilization and culture are touched upon. The author considers the meanings of the “Russian world”, approaches to Russia as a state – civilization, trans-state and transcontinental community. It is noted that the cultural and civilizational peace offers its own response to the challenges of time, aimed at the formation and/ or reflection of its axis or vector of movement of the centers of world culture, explaining the formation of sources of geopolitical and geocultural activity in history and modernity. The interpretation of the peace as a balanced system of meanings of life, intently inherent in a particular society in a certain historical period, is proposed.

Keywords: definition “Peace”, cultural and civilizational peaces, “Russian world”, culture and civilization.

Для цитирования: Ефимец М. А. «Мир» как универсальный культурно-цивилизационный концепт // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 2 (94). С. 64–73. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10207

Исследование сущности концептов «мир», «культурно-цивилизационные миры» в контексте современных парадигмальных изменений принципиально важно для осмысления и разработки стратегий развития будущего мироустройства.

Концепции мира

в современных исследованиях

Как в научном, так и в философском дискурсе понятие «мир» многозначно по своей сути. При этом если смотреть на историю исследования этого понятия, то становится очевидным, что его трансформация связана с цивилизационным фоном, изменениями карты самого мира, ценностными доминантами социумов, детерминированных различными факторами.

В античной философии мир выступал в качестве космоса как целостного и гармоничного универсума и тем самым отстаивалась идея вечности мира [8]. В философии Нового времени мир приобретает статус социально-политического феномена. Иммануил Кант (нем. Immanuel Kant; 1724–1804) в трактате «К вечному миру», говоря о реалистичности переустройства мира

для мирного сосуществования, рассматривал пространственные и временные условия мира [5].

Фридрих Ницше (нем. Friedrich Wilhelm Nietzsche; 1844–1900), разделяя мир на сильных и слабых, вводит в научный оборот понятие «воля к власти» как критерий значимости социального явления, включая ценности жизни, и потенциал конкретного субъекта [12]. Немецкий философ, основатель феноменологии Эдмунд Густав Альбрехт Гуссерль (нем. Edmund Gustav Albrecht Husserl; 1859–1938) разводит понятия «мир-феномен», «мир жизни» и «жизненный мир». В концепции историчности немецкого философа Мартина Хайдеггера (нем. Martin Heidegger; 1889–1976) мир рассматривается как «событие истории», которое становится «представлением», «картиной мира» [цит. по: 8].

Появление термина «исследования проблем мира» (А. Л. Демчук), или «мирные исследования» от английского «peace research» (А. С. Макарычев), в контексте международных отношений относят к 2000 году [7]. При этом в зарубежных исследованиях не всегда учитывается двойное толкование поня-

тия «мир», характерное, например, для русского языка. Понятие «мир» в русском языке (включая его написания – міръ, миръ) имеет несколько значений. Это – вселенная (космос), большие пространства (обжитые пространства), некий дом, своего рода система мироздания как единое целое [9]. Мир может рассматриваться и как отсутствие вражды, примирение, и как многочисленность населения, разнообразие этносов, и как община. Исходя из этих смыслов понятия «мир», отечественные учёные разрабатывают концептуальные основы Русского мира [16], отражая в них мировоззренческие, идеологические, геополитические, геокультурные и другие особенности России в её пространственно-временной аутентичности.

Каждая научная школа имеет свой «профиль», или специализацию, проблемы. Так, учёные Северной Америки опираются на термин «peace studies», в то время как в Западной Европе, Восточной Азии – Японии, Корее, более корректным считается термин «peace research», используемый в названии Международной ассоциации исследований проблем мира, штаб-квартира которой находится в Японии.

Хотя, как справедливо отмечает директор Института мира Хиросимского университета Масацуго Мацуо (англ. Masatsugu Matsuo), исследование мира начинается с изучения концепций мира в динамике их формирования и реализации. По его мнению, концептуализация мира зародилась в начале 60-х годов XX века в работах по проблемам миропорядка в обществе [28].

В ходе анализа исследований, проводимых М. Мацуо, определяются две точки зрения на мир: ценности мира и сферы мира. Именно эти ключевые понятия, по его мнению, ложатся в основу концептов мира и параметров его измерения (метрик).

Кроме того, исследования отражают и те образы мира, которые характерны для ментальности учёных как носителей соответствующих культур. Необходимо различать и аспекты темы, связанные с концепциями мира и конструктами образа мира.

Норвежский профессор, социолог и основатель научной школы изучения мира Йохан Винсент Галтунг (англ. Johan Vincent Galtung) чётко разграничил «значение мира» (понимая под ним главную ценность мира – отсутствие войны) и «сферу мира», то есть образ предпочтительного миропорядка, основанного на принципах справедливости и социальной гармонии [24]. Соответственно, сферы мира допускают такую его доминантную единицу измерения, как суверенное развитие государств и отсутствие войны между ними. Он утверждает, что в международных отношениях играют не столько государства, сколько их место в международной системе, подчёркивая также важную роль неправительственных организаций и других акторов в укреплении мира. Впоследствии Й. Галтунг усилил свою концепцию мира, предложив новое определение мира как противодействия насилию, что значительно расширило содержательное наполнение концепта мира, по сравнению с его узкой трактовкой – как противостояния военным действиям.

Под «сферами мира» Й. Галтунг понимает три их основные вариации:

- универсалистскую, когда только мир в планетарном масштабе имеет значение;
- групповую (внутри/внешне) ориентированную (мир в пределах группы);
- лично ориентированную (гармонию и мир с самим собой).

В ряде работ вводится такое состояние мира, как «серая зона», промежуток между войной и миром, разные периоды и значения мира [цит. по: 28], то есть такой этап,

на котором наблюдаются попытки частичного снятия конфликтных точек, их нагнетания и перехода от хаоса к сбалансированному миру.

Об этом в книге «Мир восстановленный» писал лауреат Нобелевской премии мира (1973) Генри Киссинджер (Dr. Henry A. Kissinger «World Restored. The Political of Conservatism in a Revolutionary Age», 1964), фокусируя внимание на практической реализации стратегии создания долгосрочного мира применительно к его личностным достижениям и профессиональным ситуациям.

Рамки темы «раздвинул» индийский исследователь Сугата Дасгупта (англ. Sugata Dasgupta), предложивший новую концепцию мира как «состояния безмирия», высветив проблемы локальных и внутренних войн так называемого Севера и Юга (то есть взаимоотношений между развитыми государствами и развивающимися, расположенными ближе к югу от экватора), проблемы бедности, экономической отсталости, прав человека и другие [цит. по: 28]. Новые концептуальные подходы к осмыслению мира расширили его структурное наполнение новыми значениями: экономическое благополучие, физическое здоровье. Можно добавить сюда духовное и творческое совершенство, индекс человеческого развития и т.д.

Учёный из Токийского университета Такеси Исида (англ. Takeshi Ishida) рассматривает концепцию мира как сложную структуру, представляющую собой определённую конфигурацию его компонентов [26]. При этом он подчёркивает, что в различных сообществах, цивилизациях, культурах им придаётся различная степень статусности. У разных народов и государств мир трактуется по-разному, имеет разные смыслы и ценности (value of peace).

Многогранность и многоаспектность осмысления феномена мира у исследователей мира фиксируются в 1950–1960-е годы, что обусловлено необходимостью переосмыслить трагедию Хиросимы и Нагасаки, последствия Второй мировой войны и опасности тотального уничтожения человечества. Следующий этап исследований – 1970–1990-е годы – связан с усложнением значений и сфер мира, попытками логичного выстраивания пирамиды метрик мира, где только одна составляющая, например война как противовес миру и состояние войны между странами, ещё не означает, что нет мира, и отсутствие войны не значит, что есть мир.

В этом смысле следует говорить о многослойной системе понятия «мир», включающей несколько значений, их соотношения друг с другом, взаимоотношения между ними. Особое место в этой системе занимает «образ мира».

Есть мнение, что данное понятие впервые обосновал лидер советской психологической науки А. Н. Леонтьев [6]. Каждый индивид рисует свой образ мира, и эта субъективная картина мира меняется вместе с развитием познавательной активности личности.

Известный культуролог, специалист по менталитету народов мира Г. Д. Гачев обосновал понятие «национальный образ мира» [1]. По его мнению, образ мира, формируемый общественным и индивидуальным сознанием, обусловлен этнически и предполагает построение картины мира с учётом национальной культуры народа.

В. А. Тишков, отличая «особость» Русского мира, подчёркивал, что не все страны, нации могут быть названы миром. В его понимании Русский мир способен выступить трансгосударственным и трансконтинентальным сообществом [18].

Разнообразие трактовок российской цивилизации, которая несёт в себе уникальный синтез и западных, и восточных ценностей, уникальной самостоятельной национальной цивилизации, к началу XXI века способствовало поиску новых её вариаций, вплоть до активно разрабатываемой идеи Русского мира как самобытного культурно-цивилизационного мира [11].

Соответственно, концепт «мир» может быть представлен как комплекс идеологических представлений, например «французский мир», «русский мир», «китайский мир» и другие. При этом каждый народ, как правило, идеализирует свой Мир, превозносит свои традиционные ценности, отводя себе мессианскую роль в истории мировой цивилизации и культуры.

Многомерная концепция мира позволяет ввести в научный оборот понятия «ценности мира», «сферы мира», высветить вопросы внутренней структуры концепции мира, взаимосвязи его смыслов и границ измерения, пути реализации концепции мира у конкретной группы, наций, народов и в общепланетарном масштабе.

Мир и рефлексия культурно-цивилизационной парадигмы

Идея цивилизации, которая была выдвинута в качестве противоположности состояния «варварства», постепенно трансформировалась: от отождествления с культурой [17], их слияния (растворения) – до перехода, смены культуры цивилизацией в рамках общечеловеческого социума на принципах западной цивилизации [21] и даже разведения понятий «культура» и «цивилизация», что отражает их принципиальное различие и даже «цивилизационно-культурный антагонизм» в силу разных культурно-нормативных ориентиров [см.: 13; 14; 19].

Освальдом Шпенглером (нем. Oswald Arnold Gottfried Spengler; 1880–1936) цивилизация, как известно, рассматривалась как этап развития культуры, где деградация последней выступает признаком упадка цивилизации [21]. Английский историк, социолог, культуролог Арнольд Джозеф Тойнби (англ. Arnold Joseph Toynbee; 1889–1975) полагал, что, утрачивая внутреннюю силу культурного развития, каждая цивилизация начинает неизбежно впитывать элементы чужой культуры [29]. А это вносит коррективы в мироустройство, его культурное развитие и разнообразие.

С одной стороны, культура влияет на уровень развития цивилизации за счёт гуманистической нацеленности и творческого созидательного потенциала человека. Цивилизация же с её прагматическими установками нередко «сжимает» пространство культуры. В разные исторические эпохи культура и цивилизация имели различные формы взаимодействия и взаимовлияния.

В литературе отмечается до 320 признаков цивилизации [2], отличающих её от других форм общественного развития. Французский историк Фернан Бродель (фр. Fernand Braudel; 1902–1985) отмечал среди них три доминанты: «Величие цивилизации можно измерить тремя параметрами: ареал распространения цивилизации за пределами границ её государства; влияние, оказанное на другие цивилизации, культурные ценности» [22].

Американский социолог, политолог и философ-неомарксист Иммануил Валлерстайн (англ. Immanuel Maurice Wallerstein; 1930–2019) определял миросистему как некое единое территориально-временное пространство, охватывающее многие политические и культурные единицы. Иными словами, в его трактовке цивилизация есть «уникальная комбинация тради-

ций, общественных структур и культуры (как материальной, так и “высокой”), которая формирует ту или иную историческую целостность» [цит. по: 25].

Крупнейший английский историк, философ и культуролог Кристофер Генри Дюсон (англ. Christopher Henry Dawson; 1889–1970) считал цивилизацию результатом культурного творчества [23], а изменения в культуре, по его мнению, обусловлены изменениями в религиозных верованиях человека и в духовном отношении к жизни.

Основатель французской социологической школы Эмиль Дюркгейм (фр. David Émile Durkheim; 1858–1917) и французский социолог, этнолог, социальный антрополог Марсель Мосс (фр. Marcel Mauss; 1872–1950) определяли цивилизацию как «гиперсоциальную систему», своего рода духовную среду, которая может включать несколько национальных культур, где каждая из них – это частная форма целого [10].

Рассматривая цивилизацию как особый код, расширяющийся истоки того, откуда происходит, что представляет и объединяет тот или иной социум, следует отметить, что цементирующими становятся такие признаки, как самоидентификация носителя культуры, ценностно-смысловая система общенациональных идеалов, духовности и ментальности.

Так, по Ф. Броделю, цивилизация – важнейшая величина со всеми её противоречиями, постоянными и изменчивыми, либеральными и открытыми. При этом культура, считал он, «это цивилизация, ещё не достигшая зрелости, не достигшая своего оптимума, не обеспечившая своего развития» [22, р. 35]. Рассматривая культурно-цивилизационные процессы на примере истории, он подчёркивал, что нет «чистой» истории Франции. Она есть часть истории Европы, равно как и истории мира. Кризи-

согенность современной цивилизации усилила поворот к осмыслению мира как культурно-цивилизационной парадигмы и сущности самих культурно-цивилизационных миров.

Несмотря на расхождения в трактовках и различия в подходах, исследователи отмечают, что цивилизация и культура относятся к образу жизненного мира. Это исторически определённый уровень развития общества, с его формами взаимоотношения в системе «власть – общество – личность».

Авторитетный отечественный исследователь цивилизаций, доктор философских наук, профессор Б. С. Ерасов рассматривал цивилизацию как «социокультурную общность, формируемую на основе универсальных ценностей, получивших своё выражение в мировых религиях, системах морали, права, искусства» [3].

Культурно-цивилизационные миры. Проекция будущего

Выявляя особенности современного этапа исторически «непродолжительной эпохи европоцентризма», исследователи фокусируют внимание на том, что в первой четверти XXI века Запад и Восток всё отчетливее сталкиваются как равнозначные и конкурирующие системы. Эти системы имеют собственные модели будущего, выстраивают траекторию развития геополитических процессов, новых поворотов цивилизации как способа «экзистенциального взаимодействия», «источника социального существования», «мировой оси культуры» [см.: 2; 4; 20].

Каждый культурно-цивилизационный мир предлагает свой ответ на вызовы времени и нацелен на формирование и/или отражение своей оси или вектора перемещения «очагов мировой культуры», формирующих точки геополитической и геокультурной ак-

тивности и привлекательности в исторической перспективе.

Так, А. С. Филатов утверждает, что на платформе очагов Мировой Оси культуры появляются глобально-исторические статусные типы цивилизаций [19]. Институционально и нормативно они обеспечивают «окультуренное пространство» Мира, выстраивание и обновление культурного и природного ландшафта. В этом процессе «перемещений» важно понимать, где и кто станет культурно-цивилизационным центром.

Кроме того, для понимания цивилизационных перспектив человечества или культурно-цивилизационной альтернативы необходимо учитывать темпоральную и временную зависимость современного общества. «Изменилось не просто восприятие человеком пространства-времени, трансформировались и сами пространственно-временные характеристики мира, включённого в сферу человеческого взаимодействия» [20].

Современный человек овладевает новыми возможностями проживать одновременно в нескольких мирах: в реальном и виртуальном. Конкурентоспособность культурно-цивилизационного мира В. Е. Шедяков видит в созидательном потенциале человека, народа, его встроенности в глобальный мировой поток, совместимости и способности освоения и создания стремительно меняющейся картины мира.

Перспективы, связанные со стратегическим будущим культурно-цивилизационных миров, оформлены С. Б. Синецким в концепции альтернативного движения сообществ, обозначенных знаками «Future» и «Retro» [14]. Им обоснована идея свёртывания всего многообразия социокультуры в два альтернативных культурно-цивилизационных мира, имеющих в основе противо-

положные векторы устремлённости – в прошлое («Retro») и будущее («Future»). Каждый из соответствующих миров обеспечен своей ценностно-нормативной системой, инфраструктурой развития, инструментами экспансии во внешние пространства и т.д. В этом смысле особую актуальность приобретает поиск универсального культурно-цивилизационного устройства (особого мира), обеспечивающего компромиссное (мирное) сосуществование данных альтернативных миров. Более того, С. Б. Синецкий обосновывает возможность рационального выбора личностью собственной цивилизационно-культурной принадлежности [15].

Таким образом, можно заключить, что мир – это сбалансированная система смыслов жизни, интенционально присущая тому или иному социуму в определённый исторический период. Исходя из данного определения, можно сделать следующие методологические выводы.

1. Мир следует понимать как корреляцию индивидуальной (субъективно выстраиваемой) жизненной перспективы и социальных условий её воплощения. Эта двусторонняя зависимость предполагает постоянное наличие в социуме критической массы индивидуумов с имманентными личностными качествами, в совокупности генерирующих ментальность надбытового уровня, стимулирующих (катализирующих) гуманитарную пассионарность социума. Она обеспечивает эволюционный процесс коррекции (переопределения) образа социальной перспективы в условных границах ментального контроля.

2. Мир не формируется (не создаётся, не меняется) через использование административно-регуляторных инструментов (механизмов, институтов и т.п.), существующих в социуме. Смыслы жизни, составляющие условное «гравитационное» ядро мира,

имманентны менталитету социума в силу огромного количества факторов, повлиявших на его оформление. В определении эту содержательную позицию фиксирует слово «интенционально».

3. Мир предстаёт внутренне непроторечивым феноменом. Адепты одного «мира» понимают друг друга («говорят на одном языке», дают близкие оценки событиям), не используя апробированного понятийного аппарата, не вступая в переговор-

ный процесс. Отсутствие внутреннего антагонизма обеспечивается «сбалансированной системой смыслов жизни», на наличие которой также указывает данное определение.

Очевидно, что смыслы жизни имеют своим содержанием определённый набор ценностей, а это уже позволяет говорить о проекциях мира в социокультурных практиках, обладающих зеркальным эффектом и вероятным обратным влиянием на содержательное ядро мира.

Примечания

1. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Евразия : Космос кочевника, земледельца и горца. Москва : Институт Ди-Дик, 1999. 368 с.
2. Данкир А. Цивилизациум [Электронный ресурс]. URL: <https://sites.google.com/site/civilizacium/home/priznaki>
3. Ерасов Б. С. Сравнительное изучение цивилизаций мира: хрестоматия : учебное пособие для студентов вузов. Москва : Аспект Пресс, 1998. 556 с.
4. Информационная эпоха. Новые парадигмы культуры и образования : монография / Уральский федеральный университет имени первого Президента РФ Б. Н. Ельцина ; отв. ред. Н. Б. Кириллова ; авт. коллектив : Астафьева О. Н., Шлыкова О. В. и др. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2019. 292 с.
5. Кант И. К вечному миру. Сборник. Москва : Рипол Классик, 2018. 434 с.
6. Леонтьев А. Н. Психология образа // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1979. № 2. С. 3–14.
7. Ланко Д. А., Осипова М. В. Исследования проблем мира в Северных странах и России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2004. Вып. 2. С. 92–100.
8. Мир [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедии. URL: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia
9. Мир [Электронный ресурс] // Толковый словарь Даля. URL: <https://gufo.me/dict/dal/мир>
10. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / сост., пер. с фр., предисловие, вступ. статья, комментарии А. Б. Гофмана. Москва : КДУ, 2011. 416 с.
11. Никонов В. А. Код цивилизации : [что ждёт Россию в мире будущего?]. Москва : Э, 2016. 670 с. (Актуальная тема).
12. Ницше Ф. Учение о воли к власти. Опыт переоценки всех ценностей / пер. с нем. Е. Герцык и др. Москва : Культурная Революция, 2005. 880 с.
13. Сибилев Д. В. Цивилизация на стыке споров [Электронный ресурс] // Политика, государство и право. 2014. № 9. URL: <http://politika.snauka.ru/2014/09/1907>
14. Синецкий С. Б. Универсальные приоритеты и цивилизационные парадигмы культурной политики в XXI веке // Политика и культура: проблемы взаимодействия в современном мире / Венгеро-русский культурно-просветительский фонд «Dialogum» ; руководитель проекта Н. Зария (Венгрия) ; отв. ред. Н. О. Осипова. Будапешт : Selmeczi Vt ; Киров : Радуга-Пресс, 2019. С. 8–17.
15. Синецкий С. Б. Личность как субъект ответственного цивилизационно-культурного выбора // Вестник культуры и искусств. 2019. № 3 (59). С. 47–55.
16. Смыслы и ценности Русского мира : сборник статей и материалов круглых столов, организованных Фондом «Русский мир» / под ред. В. А. Никонова. Москва, 2010. 112 с.

17. Тайлор Э. Первобытная культура : пер. с англ. Москва : Политиздат, 1989. 573 с.
18. Тишков В. А. Русский мир: смысл и стратегии // Стратегия России. 2007. № 7. С. 5–15.
19. Филатов А. С. Россия и мир. Геополитика в цивилизационном измерении : монография. Москва : Проспект, 2015. 352 с.
20. Шедяков В. Е. Ценностно-смысловые комплексы культурно-цивилизационного мира в контексте стратегии подготовки и реализации ответов на вызовы времени. Часть 1 // Вуз. XXI век. 2014. № 2. С. 81–89.
21. Шпенглер О. Закат Европы : Очерки морфологии мировой истории / пер. с нем., вступ. ст. и прим. К. А. Свасьяна. Москва : Мысль, 1993-. Том 1 : Гештальт и действительность. 1993. 666, [1] с.
22. Braudel F. (1994) *A History of Civilizations* / Translated by R. Mayne. N.Y.: Allen Lane The Penguin Press. 600 p.
23. Dawson C. (1956) *Dynamics of World History* / Ed. By J. Mulloy. N.Y.: Sheed and Ward Inc. 489 p.
24. Galtung J. (1981) Social Cosmology and the Concept of Peace. *Journal of Peace Research*. Vol. 18: 183–199.
25. Huntington S. P. (1993) The Clash of Civilizations? *Foreign Affairs*. Vol. 72: 22–49.
26. Ishida Takeshi (1969) Beyond the Traditional Concepts of Peace in Different Cultures. *Journal of Peace Research*. Vol. 6: 133–145.
27. Matsuo M. (1985) Japanese People's Image of Peace. *PSAJ – Newsletter (Peace Studies Association of Japan)*. No. 5: 8–10.
28. Matsuo M. *Concept of Peace in Peace Studies: A Short Historical Sketch*. Available at: <https://home.hiroshima-u.ac.jp/heiwa/Pub/E20/conceptofpeace.pdf>
29. Toynbee A. J. (1989) *A Study of History*. London: Thames and Hudson Ltd. 576 p.

References

1. Gachev G. D. *Natsional'nye obrazy mira. Evraziya: Kosmos kochevnika, zemledel'tsa i gortsa [National Images of the World. Eurasia: The Cosmos of the Nomad, Farmer and Highlander]*. Moscow, Publishing House "Dee-Dick Institute", 1999. 368 p. (In Russian)
2. Dankir A. *Tsivilizatsium*. Available at: <https://sites.google.com/site/civilizacium/home/priznaki> (In Russian)
3. Erasov B. S. *Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsiy mira: khrestomatiya [Comparative Study of Civilizations of the World: a Reader]*. Moscow, Publishing House "Aspect Press", 1998. 556 p. (In Russian)
4. Astafyeva O. N., Shlykova O. V., etc. *Informatsionnaya epokha. Novye paradigmy kul'tury i obrazovaniya [Information Age. New Paradigms of Culture and Education]*. Ekaterinburg, Publishing House of the Ural University, 2019. 292 p. (In Russian)
5. Kant I. *K vechnomu miru. Sbornik [To Eternal Peace. A Collection]*. Moscow, RIPOL classic Publishing Group, 2018. 434 p. (In Russian)
6. Leontyev A. N. *Psikhologiya obraza [The Psychology of the Image]*. *Moscow University Psychology Bulletin*. 1979, no. 2, pp. 3–14. (In Russian)
7. Lanko D. A., Osipova M. V. National Security Problems in the Nordic Countries and Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*. 2004, no. 2, pp. 92–100. (In Russian)
8. *Mir [Peace]*. Available at: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia (In Russian)
9. *Mir [Peace]*. Available at: <https://gufo.me/dict/dal/мир> (In Russian)
10. Moss M. [Mauss Marcel] *Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noy antropologii [Society. Exchange. Personality. Works on Social Anthropology]*. Moscow, Book House University, 2011. 416 p. (In Russian)
11. Nikonov V. A. *Kod tsivilizatsii: chto zhdot Rossiyu v mire budushchego? [Code of Civilization: What Awaits Russia in the World of the Future?]*. Moscow, Publishing House "E", 2016. 670 p. (In Russian)
12. Nitsche F. [Nietzsche Friedrich Wilhelm] *Uchenie o voli k vlasti. Opyt pereotsenki vsekh tsennostey [Teaching About the Will to Power. Experience of Revaluation of All Values]*. Moscow, Publishing House "Kulturnaya revolyutsiya", 2005. 880 p. (In Russian)
13. Sibilev D. V. Civilization at the Crossroads of Disputes. *Politics, State and Law*. 2014, no. 9. Available at: <http://politika.snauka.ru/2014/09/1907> (In Russian)

14. Sinetskii S. B. Universal Priorities and Civilizational Paradigms of Cultural Policy in the XXI Century. In: Osipova N. O., Zaria N., eds. *Politika i kul'tura: problemy vzaimodeystviya v sovremennom mire [Politics and Culture: Problems of Interaction in the Modern World]*. Budapest, Kirov, Selmechi Bt, Publishing House "Raduga Press", 2019. Pp. 8–17. (In Russian)
15. Sinetskii S. B. Personality as a Subject of a Thoughtful Civilized-Cultural Choice. *Culture and Arts Herald*. 2019, no 3 (59), pp. 47–55. (In Russian)
16. Nikonov V. A., ed. *Smysly i tsennosti Russkogo mira. Sbornik statey i materialov kruglykh stolov, organizovannykh Fondom "Russkiy mir" [Meanings and Values of the Russian World. A Collection of Articles and Materials From Round Tables Organized by the Russian World Foundation]*. Moscow, 2010. 112 p. (In Russian)
17. Taylor E. [Tylor Edward Burnett] *Pervobytnaya kul'tura [Primitive Culture]*. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1989. 573 p. (In Russian)
18. Tishkov V. A. Russkiy mir: smysl i strategii [Russian World: Meaning and Strategies]. *Strategiya Rossii [Strategy of Russia]*. 2007, no. 7, pp. 5–15. (In Russian)
19. Filatov A. S. *Rossiya i mir. Geopolitika v tsivilizatsionnom izmerenii [Russia and the World. Geopolitics in the Civilizational Dimension]*. Moscow, Publishing House "Prospekt", 2015. 352 p. (In Russian)
20. Shedyakov V. E. Tsennostno-smyslovye komplekсы kul'turno-tsivilizatsionnogo mira v kontekste strategii podgotovki i realizatsii otvetov na vyzovy vremeni. Chast' 1 [Value-semantic Complexes of the Cultural and Civilizational World in the Context of the Strategy of Preparation and Implementation of Responses to the Challenges of the Time. Part 1]. *Vuz. XXI vek [University. 21st Century]*. 2014, no. 2, pp. 81–89. (In Russian)
21. Shpengler O. [Spengler Oswald Arnold Gottfried] *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii. Tom 1: Geshtal't i deystvitel'nost' [Decline of Europe. Essays on the Morphology of World History. Volume 1: Gestalt and Reality]*. Moscow, Mysl Publishers, 1993. 666 p. (In Russian)
22. Braudel F. (1994) *A History of Civilizations* / Translated by R. Mayne. N.Y.: Allen Lane The Penguin Press. 600 p. (In English)
23. Dawson C. (1956) *Dynamics of World History* / Ed. By J. Mulloy. N.Y.: Sheed and Ward Inc. 489 p. (In English)
24. Galtung J. (1981) Social Cosmology and the Concept of Peace. *Journal of Peace Research*. Vol. 18: 183–199. (In English)
25. Huntington S. P. (1993) The Clash of Civilizations? *Foreign Affairs*. Vol. 72: 22–49. (In English)
26. Ishida Takeshi (1969) Beyond the Traditional Concepts of Peace in Different Cultures. *Journal of Peace Research*. Vol. 6: 133–145. (In English)
27. Matsuo M. (1985) Japanese People's Image of Peace. *PSAJ – Newsletter (Peace Studies Association of Japan)*. No. 5: 8–10. (In English)
28. Matsuo M. *Concept of Peace in Peace Studies: A Short Historical Sketch*. Available at: <https://home.hiroshima-u.ac.jp/heiwa/Pub/E20/conceptofpeace.pdf> (In English)
29. Toynbee A. J. (1989) *A Study of History*. London: Thames and Hudson Ltd. 576 p. (In English)

*

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА

УДК 130.2

DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10208

Н. В. Синявина, Е. В. Махович

Московский государственный институт культуры

В статье рассматриваются подходы к анализу термина «художественное пространство» в культурфилософии, философии искусства и искусствоведении. Авторы указывают, что данное понятие относится к семантически поливариантным, что, с одной стороны, связано с неоднозначностью трактовки категории «пространство», а с другой – каждое из гуманитарных направлений, выделяя в соответствии с присущей ему проблемной областью лишь один из аспектов при анализе художественного пространства, определяет его исходя из выбранного фокуса зрения. Подчёркивается, что только на рубеже XVIII–XIX веков намечается тенденция на переосмысление художественного пространства, благодаря чему оно наделяется такими характеристиками, как непрерывность и бесконечность. Указывается, что формирование данной тенденции связано прежде всего с изменением представлений о сущности человека. Философы-романтики были убеждены в возможностях искусства выявлять новые аспекты природы человека. Далее анализируются подходы, сформировавшиеся на рубеже XIX–XX веков и представленные в работах О. Шпенглера, А. Гильдебранда, Г. Вёльфлина. Указывается, что в искусствоведческих теориях того времени уже затрагиваются различные аспекты передачи пространственных характеристик, но художественное пространство не рассматривается пока как самостоятельный феномен. Подчёркивается, что во второй половине XX века в философии искусства и искусствоведении чётко обозначилась культурологически ориентированная тенденция, благодаря которой анализ художественного пространства осуществляется через призму социокультурного контекста эпохи. В заключение указывается, что при многообразии трактовок понятия «художественное пространство» есть ряд общих характеристик, выделяемых всеми гуманитарными направлениями, в частности, особенности восприятия пространства, присущие периоду, детерминируют и художественное пространство.

Ключевые слова: пространство, художественное пространство, пространство культуры, пространственно-временные категории.

¹СИНЯВИНА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА – кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

SINYAVINA NATALYA VLADIMIROVNA – PhD in Cultural Studies, Associate Professor at the Department of Culturology, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

²МАХОВИЧ ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА – аспирантка кафедры культурологии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

MAKHOVICH ELENA VLADIMIROVNA – PhD student at the Department of Culturology, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: cleo2401@mail.ru¹, rus7507@mail.ru²

© Синявина Н. В., Махович Е. В., 2020

Natalya V. Sinyavina, Elena V. Makhovich

Moscow State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotchnaya Str., 7, 141406, Khimki City, Moscow Region, Russian Federation

ART SPACE IN THE CONTEXT OF CULTURAL AND PHILOSOPHICAL DISCOURSE

The article considers approaches to the analysis of the term “art space” in cultural philosophy, philosophy of art and art criticism. The authors point out that this concept is semantically polyvariant, which, on the one hand, is due to the ambiguity of the interpretation of the category “space”, on the other, each of the humanitarian directions, highlighting in accordance with its inherent problem area only one of the aspects in the analysis of artistic space, determines it based on the chosen focus of view. It is emphasized that only at the turn of the 18–19th centuries. There is a tendency to rethink the artistic space, so that it is endowed with such characteristics as continuity and infinity. It is indicated that the formation of this trend is primarily associated with a change in the perception of the essence of a person. Romantic philosophers were convinced of the possibilities of art to reveal new aspects of human nature. Further, the approaches formed at the turn of the 19–20th centuries and presented in the works of O. Spengler, A. Hildebrand, G. Welflin are analyzed. It is pointed out that various aspects of the transmission of spatial characteristics are already touched upon in art criticism theories of that time, but art space is not yet considered as an independent phenomenon. It is emphasized that in the second half of the 20th century philosophy of art and art history begins to clear, culturally-oriented trend, thanks to which the analysis of the artistic space through the prism of socio-cultural context of the era. In conclusion, it is pointed out that with the variety of interpretations of the concept of “artistic space” there are a number of common characteristics that are distinguished by all humanitarian directions, in particular, the features of space perception inherent in the period determine the artistic space.

Keywords: space, artistic space, cultural space, space-time categories.

Для цитирования: Синявина Н. В., Махович Е. В. Художественное пространство в контексте культурфилософского дискурса // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 2 (94). С. 74–82. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10208

Сложность определения термина «художественное пространство» связана с отсутствием единого подхода в выявлении смыслового поля категории «пространство», выступающей одной из фундаментальных в восприятии действительности и наделённой метрическими (протяжённость (ширина и длина), структурированность, гомогенность, кривизна, глубина / вмещение / трёхмерность и пр.) и топологическими (упорядоченность, связность, необратимость, темпоритмические особенности и пр.) свойствами и характеристиками. К сегодняшнему дню сформировались два основных подхода в осмыслении пространства и времени – субстанциональный и реляционный, первый из которых исходит из идеи автономно-

сти сущности этих феноменов, чьё бытование независимо от материальных объектов. Реляционная концепция опирается на точку зрения о том, что пространственно-временные категории есть только формы существования объектов / вещей, отказывая им в независимости. Таким образом, исследователи, обращающиеся к их анализу, в той или иной степени опираются на один из указанных подходов.

Все современные науки оперируют термином «пространство», где оно, в зависимости от исследовательских задач, приобретает различные оттенки и смыслы. Так, следует говорить о биологическом пространстве (например, ареалы проживания живых организмов, биоценоз и пр.), социальном

пространстве, рассматриваемом как особая форма существования, детерминированная в зависимости от условий жизнедеятельности социальных субъектов (от отдельного человека до общества в целом).

В контексте искусствоведческого подхода художественное пространство есть одна из важнейших категорий, связанная с проблемой восприятия произведения зрителем, соотношения цветовых и светотеневых, жанровых нюансов, категорий глубины и плоскостности изображения. Искусствоведческий анализ включает и выявление способа организации художественного пространства произведения (в частности, различные виды перспектив – обратная, прямая, сферическая, параллельная и пр., ортогональная проекция, геометризация и т.д.). Кроме того, подчёркивается принципиальное отличие художественного пространства от композиции, «представляющей собой значимое соотношение частей художественного произведения», художественное же «пространство означает как связь всех элементов произведения в некое внутреннее, ни на что не похожее единство, так и придание этому единству особого, ни к чему иному не редуцируемого качества» [5, с. 66–67]. Искусствоведческий подход исходит ещё и из существования субъективных и объективных форм восприятия пространства культуры (в частности, образных, знаково-символических, словесно-понятийных). Данное обстоятельство представляется актуальным при анализе художественного пространства произведения, специфической характеристикой которого выступает целостность всех его элементов, собственно и превращающая его в эстетическое явление. Кроме того, прослеживаются корреляцию пространственно-временных представлений, присущих данной эпохе, и способа построения художественного пространства произведения.

В гуманитарных науках сегодня выделяют ещё перцептуальное и концептуальное пространство и время, которые с разной степенью адекватности отражают представления субъекта об указанных феноменах (в первом случае через чувственное восприятие, во втором – благодаря логическому мышлению). Однако, несмотря на разницу подходов к трактовке термина «пространство», при анализе художественного пространства необходимо учитывать, что автор произведения при его создании руководствуется не желанием показать объективно-реальный мир/действительность, а зафиксировать, что этот мир значит для именно него.

Сегодня гуманитарии оперируют и термином «пространство культуры», под которым имеют в виду погружённость человека в культуру, различные варианты бытования индивида в ней. То есть в данном случае речь идёт о трактовке культуры как вмещалища, где сосуществуют различные культурные парадигмы / типы и культурные традиции. Но чаще всего используется термин «культурное пространство», в определении которого можно выделить несколько подходов, однако эвристическим потенциалом обладает тот, что рассматривает культурное пространство как целокупность геополитического, физического, историко-культурного, символического факторов.

Поскольку в эпоху Античности и Средневековья представления о физическом пространстве отличались неопределённостью (отсутствовал даже термин, обозначающий собственно пространство), то осмысление феномена художественного пространства приходится на более поздний период. Однако необходимо отметить, что ещё Анаксагор предложил использовать прямую перспективу для сценографии (в частности, при постановке трагедий Эсхила он

и Демокрит участвовали в создании декораций, написанных с учётом этой перспективы). Кроме того, у Платона в рассуждениях о материи как становлении, которое не связано с оформлением, можно обнаружить и зачатки представлений о пространстве. Платоновская идея о «вместилище» (χώρα) как взаимосвязи пространства и вещи, наделённой пространственной характеристикой и способной выступать как место, найдёт своеобразное отражение в представлениях о пространстве в целом и художественном пространстве в частности у М. Хайдеггера. Семантика древнегреческого слова χώρα поливариантна и включает значения «область», «промежуток», «расстояние», «место». Некоторые из них (например, «место», «область») станут доминантными в подходе Хайдеггера. Таким образом, уже в теории Платона содержатся отдельные элементы, оказавшие влияние на подходы к осмыслению художественного пространства в более позднее время.

Кроме того, именно в эпоху Античности складывается миметический подход, в контексте которого целью искусства становится изображение чувственных вещей, пространство же произведения не тождественно реальности предметного мира, а есть лишь подражание (мимезис), то есть кажимость (Платон). У Аристотеля в «Поэтике» представлена та же теория, однако он дополняет её анализом различных механизмов и способов подражания, а также введением нового термина «художественный язык» и видов и жанров искусства.

Концепция мимезиса сохранила свою актуальность и в период Средневековья, с одной лишь разницей: объектом подражания становится трансцендентный Бог, а не видимые и конечные предметы реального мира. Таким образом, в данном подходе отсутствует субъективный фактор, связанный

прежде всего с создающим произведение автором, который на протяжении всей эпохи оставался анонимом.

Однако продуктивными для предпринимаемого анализа художественного пространства видятся рассуждения Аврелия Августина о времени. Он пишет о попадании субъекта в контекст двух кругов истории, один из которых является результатом движения из прошлого в будущее, а другой течёт из будущего в прошлое, благодаря чему конечная жизнь человека погружена в вечность, через призму которой анализируется поведение субъекта в прошлом. При этом Августин подчёркивает, что он «предыдущий» не тождествен себе «сегодняшнему», поскольку каждый из предшествующих этапов его жизни уже умер (например, «вот младенчество моё давно уже умерло», «наступило ли младенчество моё вслед за каким-то другим умершим возрастом моим» [1, с. 3]). Из этих и дальнейших рассуждений Августина следует сделать вывод о возможности обнаружения в подобном двувекторном течении истории «мира впервые», где присутствует идея рождения, результатом реализации которой выступает простое бытие, тождественное тому, из которого оно выводилось, и идея творения, рассматриваемого как продуцирование изменяемых вещей. Именно она представляет наибольшую ценность, поскольку даёт человеку возможность быть приобщённым к процессу божественного сотворения, «где замысел связан с личным мастерством» [4]. Идею Августина о том, что Бог является великим художником, создающим красоту, следует считать доминантной эстетической установкой эпохи Средневековья.

Таким образом, создаваемое средневековым мастером художественное пространство пронизано идеей сотворения и личным опытом, что априори не ведёт к про-

стому следованию канону, а наоборот – определяет возможность в повторяемых традициях обнаружить путь перемен, способный привести к обновлению, к божественному свету. Именно через эти возникающие различия и проявляется уникальность создаваемых в эпоху Средневековья произведений.

Лишь в XIX веке происходит переосмысление художественного пространства, которое начинает трактоваться как самоидентифицируемое, непрерывное и бесконечное, что связано прежде всего с трансформацией представлений о сущности человека. Искусство в процессе открытия и познания новых аспектов человеческой природы обладало, с точки зрения философов рубежа XVIII–XIX веков, эвристическим потенциалом. У истоков этого сложного и противоречивого процесса, приведшего к изменению и перестройке искусства, стояли романтики. Их эпоха акцентирует внимание на «вечном порыве» (Streben), на бесконечном, трактуемом как источник конечного. В связи с этим перед философией ставилась задача доказать это положение, а деятели искусства должны были взять на себя миссию по её реализации. А. Шлегель не касался проблемы художественного пространства в целом, но его волновали вопросы функциональной значимости искусства, выявление его ценностно-смысловых характеристик. Он декларировал превосходство содержания над формой, поэтому ценными становятся наброски, фрагменты, которым присуща незавершённость (а точнее, её имитация). Для Ф. В. Шеллинга универсальным инструментом философии становится философия искусства. Он исходил из идеи о том, что произведение как продукт, созданный автором, конечен, но смысл, заключённый в нём, бесконечен. Более того, Шеллинг полагал, что лучшие произведения искус-

ства наделены тем же шифром, что и лучшие образцы космического, то есть природного, творчества. Искусство, следовательно, становится «вечным и единственным откровением», а произведение искусства есть универсум в миниатюре [9, с. 65].

Таким образом, именно в период романтизма закладываются основы нового подхода к искусству, а следовательно, и к творцу, поскольку перед ним ставилась цель не только решить технические задачи и воплотить художественный смысл при создании произведения, но и обозначить внехудожественные смысловые проблемы.

Одним из первых целостную концепцию художественного пространства представляет О. Шпенглер, подчёркивающий взаимосвязь пространственно-временных категорий и культуры. Он, в частности, отмечает, что «в бодрствовании каждой культуры, всякий раз в ином обличье, выступают встречные формы времени и пространства, направления и протяжённости, где первая лежит в основе второй» [8, с. 234]. В «Закате Европы» подчёркивается детерминированность пространственного восприятия мира глубиной: чувственное впечатление человека о пространстве характеризуется целостностью, где ширина и длина, удалённость и приближённость выступают целокупно, а не как набор отдельных слагаемых. Кроме того, Шпенглер выявляет разницу между художественным пространством и математическим, или геометрическим, указывая на разные принципы их построения. Он подчёркивает, что знания, полученные в естественно-научных дисциплинах, используются в различных видах искусства, но ни одно произведение не происходит из числового определения или формулы.

Далее Шпенглер указывает на то, что в каждой культуре можно увидеть «символи-

зирование протяжённости» [8, с. 235]. Другими словами, именно способ осмысления протяжённости выступает прасимволом той или иной культуры, имплицитно аккумулирующим только ей присущий язык и формы организации пространства (политического, социального, экономического и художественного). Шпенглер подчёркивает, что художественное пространство присуще всем видам искусства, включая садово-парковое, а отсутствие неизменных канонов и принципов в разных видах художественной культуры свидетельствует о том, что не может быть и постоянного механизма его формирования. Таким образом, с точки зрения Шпенглера, художественное пространство не искусственно придуманная автором конструкция, а целостность, детерминированная картиной мира данной эпохи.

В конце XIX века появляются работы искусствоведов, которых в той или иной степени интересовали вопросы специфики художественной формы. Понятия «цельность», «архитектоничность», «форма», «образ» выступают смыслообразующими в подходе, предлагаемом А. Гильдебрандом, который, в частности, подчёркивал, что основная цель искусства состоит не в копировании автором окружающей его действительности, а в преобразении её путём формообразования, под которым имеется в виду соединение разрозненных зрительных впечатлений, предварительно обобщённых в единое целое. Гильдебранд указывал, что архитектура для него не только один из видов художественной культуры, но и «построение целостной формы», которую можно обнаружить в драме или симфонии. Присущий этой целостности принцип построения характерен для живописи или скульптуры, несмотря на разность их языка [3]. Процесс построения художественного произведения Гильдебранд называет архитек-

тоническим, то есть строящим целостное пространство, и указывает различные его стадии, среди которых выделяет форму существования, форму явления, форму воздействия и форму представления, которая характеризуется наибольшей целостностью и преобразена авторским мышлением, поэтому является основой изобразительной формы произведения. Формирование целостности художественной формы детерминировано нашими ощущениями, впечатлениями и знаниями об изображаемом предмете, благодаря чему возникает корреляция различных субъективных и объективных аспектов, что и обеспечивает целостность восприятия образа. Другими словами, при формировании художественного образа происходит отсечение от необходимого всего случайного. В основе этого процесса лежит «принцип рельефа», использование которого и обеспечивает целостность создаваемому художественному образу. Таким образом, в подходе Гильдебранда достаточно много внимания уделяется осмыслению пространства, которое для него априори коррелирует с художественной формой. Однако в его теории отсутствует понятие «художественное пространство», в контексте которого только и может бытовать художественная форма.

У Г. Вёльфлина, писавшем о себе, как о «фанатике зрения», доминантной выступает категория «художественная форма», которая наделена присущей только ей ценностью. Более того, он устанавливает корреляцию между картиной мира, присущей данной эпохе, и принципами выделения и способами постижения художественных явлений, фиксируемых творцом в произведении. В связи с этим Вёльфлин говорит о необходимости выработки у историка искусства «мышления формой», что подразумевает особый способ зрительного вос-

приятия, включающий в том числе и осмысление пространственности как одной из фундаментальных категорий миропонимания. В пяти выведенных им пар понятий, лежащих, с его точки зрения, в основе истории искусства (линейность – живописность, плоскость – глубина, тектоничность – атектоничность, множественность – единство, безусловная ясность – условная ясность), отсутствует художественное пространство. Более того, во второй из указанных пар плоскости противостоит глубина как категория, относящаяся к художественно-техническим приемам организации произведения, а не пространство, которое есть культурфилософская категория.

Любопытными являются выводы Вёльфлина и о понятии «живописный» при рассмотрении особенностей искусства барокко. Он, в частности, указывает на то, что живописность связана с привнесением автором в произведение того, что выходит за пределы кажимости, то есть реальной действительности. Живописность для него «не отдельные формы, не отдельные фигуры, не отдельные мотивы, а эффекты масс; не ограниченное, а бесконечное» [2, с. 79].

Таким образом, в подходе Вёльфлина к определению художественной формы как результата отражения мышления и в трактовке термина «живописный» уже обозначен вопрос о специфике и способах передачи пространственных характеристик, но художественное пространство не выделяется ещё в качестве автономной проблемы. Он пишет о пространстве как о данности, которая, с одной стороны, переживается субъективно, с другой – существует отдельно и независимо от наблюдателя. Подход, предложенный Вёльфлином, концептуализирует теории его предшественников и современников (в частности, членов «Римского кружка» – К. Фидлера, Х. фон Маре и А. Гильде-

бранда, занимавшихся различными аспектами художественного формообразования), но не выходит за границы искусствознания.

Попадание концепта «художественное пространство» в контекст культурфилософского дискурса во второй половине XX века связано прежде всего с приобретением философией, которую Э. Сурио назвал «высшим родом искусства», имея в виду когерентность способа видения мира в философии и творчестве, этого нового статуса. Сближение философии и художественной культуры начинается уже у М. Хайдеггера, который пишет о возможностях художественного произведения в раскрытии мира, его «собирации».

Уже в его ранних произведениях поднимается проблема сущности пространства, в трактовке которого, начиная с эпохи Нового времени, с точки зрения Хайдеггера, обозначилась тенденция на поиск некоей объективной структурной компоненты, лежащей в его основе, и осмысление его как гомогенного («физически-технически выброшенное пространство» [7, с. 313]). Он же в своих размышлениях исходил из идеи восприятия пространства как субъективированного. Мир, начиная с эпохи Нового времени, превращается в картину, а это требует от человека выбора мировоззренческой позиции. Хайдеггер подчёркивает, что «основной процесс Нового времени – покорение мира как картины. Слово “картина” означает теперь: конструктор предмечивающего представления» [6, с. 52]. Другими словами, существуют два противоположных типа пространства – физически-техническое и глубинное пространство, которое Хайдеггер и считает первофеноменом, где за каждой вещью сохраняется возможность быть «для чего», а следовательно, устанавливается естественно организованная взаимозависимость вещей и явлений.

Хайдеггер подчёркивал, что история искусства свидетельствует о том, что и искусство развивается в контексте научно-технических достижений. Основная же его цель состоит не в борьбе с пространством, не в желании покорить или разграничить его, что ведёт к обезличиванию, а в «собрании», то есть «творческом спрашивании и создании» [6, с. 53]. Для Хайдеггера в пространстве доминирующей характеристикой выступает простираемое, что «значит: нечто просторное, свободное от преград» [7, с. 314]. Понятия «местность», «область», «место» выступают для него как характеристики органически организованного, «обжитого» пространства, где «место всякий раз открывает ту или иную область, собирая вещи для их взаимоотношенности в ней» [7, с. 314]. Именно в контексте этих рассуждений Хайдеггер предлагает рассматривать взаимоотношения искусства и пространства, а именно – «исходя из понимания места и области» [7, с. 315].

Таким образом, для Хайдеггера искусство как создатель мира вещей, а следовательно, творец «местности» как «взаимной игры мест» [7, с. 315], в соединении с природой и выступает детерминантой качественности пространства.

Итак, можно констатировать, что проблема пространственно-временных кате-

горий выступает как фундаментальная на протяжении фактически всей истории человечества, а природа художественного пространства и его отдельные аспекты становились предметом изучения философов, культурологов и искусствоведов различных направлений, что привело к появлению поливариантной трактовки данного феномена. Следует отметить, что рассмотренные подходы, разработанные в философии и искусствоведении, стали основой для дальнейшего анализа категории «художественное пространство». Так, отдельные аспекты теории А. Гильдебранда оказали воздействие на позицию Б. Р. Виппера, уделившего много внимания в своих работах проблеме художественного пространства. Кроме того, несмотря на разность подходов, есть общие характеристики, относимые к художественному пространству, которые отмечают все гуманитарные направления:

- во-первых, его невозможно свести к математической формуле, вывести, опираясь лишь на геометрические построения;
- во-вторых, представления о пространстве, присущие историко-культурной эпохе, детерминируют и художественное пространство, которое, таким образом, следует отнести к фундаментальным характеристикам искусства любого из периодов.

Примечания

1. Августин А. Исповедь. Москва : Даръ, 2007. 146 с.
2. Вёльфлин Г. Ренессанс и барокко : исследование сущности и становления стиля барокко в Италии / пер. Е. Г. Лундберга ; под ред. Е. Н. Козиной. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2004. 287 с. : ил. (Серия «Художник и знаток»).
3. Гильдебранд А. Проблема формы в изобразительном искусстве / пер. Н. Б. Розенфельда и В. А. Фаворского. Москва : Логос, 2014. 144 с.
4. Неретина С. С. Тропы и концепты [Электронный ресурс]. URL: http://polittheory.narod.ru/Neretina/Tropes_and_concepts/1.htm
5. Никитина И. П. Художественное пространство как категория современной эстетики // Вестник ВГИК. 2013. № 13. С. 66–80.
6. Хайдеггер М. Время картины мира // Время и бытие : статьи и выступления / [сост., пер., вступ. ст., коммент. и указ. В. В. Бибихина]. Москва : Республика, 1993. С. 41–62.

7. Хайдеггер М. Искусство и пространство // Время и бытие : статьи и выступления / [сост., пер., вступ. ст., коммент. и указ. В. В. Библихина]. Москва : Республика, 1993. С. 312–316.
8. Шпенглер О. Гештальт и действительность // Закат Европы : Очерки морфологии мировой истории / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. Москва : Мысль, 1998. Том 1. 663 с.
9. Шеллинг Ф. В. Й. Философия искусства / пер. с нем. П. С. Попова ; под общ. ред. М. Ф. Овсянникова. Москва : Мысль, 1966. 496 с.

References

1. Avgustin Avreliy [Augustin Aurelius] *Ispoved' [Confessions]*. Moscow, Publishing House "Dar", 2007. 146 p. (In Russian)
2. Vel'flin G. [Wölfflin Heinrich] *Renessans i barokko: issledovanie sushchnosti i stanovleniya stilya barokko v Italii [Renaissance and Baroque: A Study of the Essence and Formation of the Baroque Style in Italy]*. St. Petersburg, "Azbooka" Publishing House, 2004. 287 p. (In Russian)
3. Gil'debrand A. [Hildebrand Adolf von] *Problema formy v izobrazitel'nom iskusstve [The Problem of Form in Visual Art]*. Moscow, Publishing House "Logos", 2014. 144 p. (In Russian)
4. Neretina S. S. *Tropy i koncepty [Trails and Concepts]*. Available at: http://polittheory.narod.ru/Neretina/Tropes_and_concepts/1.htm (In Russian)
5. Nikitina I. P. *Khudozhestvennoe prostranstvo kak kategoriya sovremennoy estetiki [Artistic Space as a Category of Modern Aesthetics]*. *Vestnik VGIK [Bulletin of Film Art]*. 2013, no. 13, pp. 66–80. (In Russian)
6. Khaydegger M. [Heidegger Martin] *Vremya kartiny mira [Time of the Picture of the World]*. In: Khaydegger M. [Heidegger Martin] *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya [Time and Being: Articles and Speeches]*. Moscow, Publishing House "Republik", 1993. Pp. 41–62. (In Russian)
7. Khaydegger M. [Heidegger Martin] *Iskusstvo i prostranstvo [Art and Space]*. In: Khaydegger M. [Heidegger Martin] *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya [Time and Being: Articles and Speeches]*. Moscow, Publishing House "Republik", 1993. Pp. 312–316. (In Russian)
8. Shpengler O. [Spengler Oswald] *Zakat Evropy: Ocherki morfologii mirovoy istorii. Tom 1. Geshtal't i deystvitel'nost' [Decline of Europe: Essays on the Morphology of World History. Vol. 1. Gestalt and reality]*. Moscow, Mysl Publishers, 1998. 663 p. (In Russian)
9. Shelling F. V. Y. [Schelling Friedrich Wilhelm Joseph von] *Filosofiya iskusstva [Philosophy of Art]*. Moscow, Mysl Publishers, 1966. 496 p. (In Russian)

*

*М*ИФОЛОГЕМА ЗМЕЕБОРЧЕСТВА: К ПРОБЛЕМЕ ПОЛИВАЛЕНТНОСТИ СИМВОЛИЗМА ДУАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ

УДК 130.2

DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10209

О. В. Рамзина

Московский государственный институт культуры

Статья посвящена проблеме исследования зооморфного символизма в мифологии. В качестве предмета анализа выбрана распространённая в культурах мира мифологема змеборчества. Повсеместная распространённость этого мифа связана с его важной космогонической ролью в формировании и оформлении социокультурного пространства, обозначении его границ. Змеборчество является объектом множества специальных исследований, отмечающих многогранность этой мифологемы и неоднозначность сюжетных линий и смысловых особенностей в различных этнических и исторических вариантах. Образ змея-антагониста часто выглядит не столько отрицательным, сколько выполняющим определённые служебные функции оформления культурного пространства и медиации в нём. Между образами победителя-громовержца и побеждённого чудовища просматривается определённое родство, говорящее о единстве и целостности хаоса и космоса, природного и созданного, разграничении, основанном не на уничтожении, а на освоении, переходе, передаче и получении энергии мироустройства.

Ключевые слова: миф, мифологема, змея, дракон, змеборчество, громовеержец, символ, пространство, граница.

Olga V. RamzinaMoscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkul'tury),
Bibliotchnaya Str., 7, 141406, Khimki City, Moscow Region, Russian Federation

THE MYTHOLOGEME OF DRAGON-SLAYING: THE PROBLEM OF MULTIVALENCE SYMBOLISM OF DUALISTIC IMAGES

The article is devoted to the problem of the study of zoomorphic symbolism in mythology. As the subject of analysis, the mythological myth of snake-fighting is widespread in the cultures of the world. The widespread prevalence of this myth is associated with its important cosmogonic role in the formation and design of sociocultural space, the designation of its boundaries. Dragon-slaying is the subject of many special studies, noting the versatility of this mythologem and the ambiguity of plot lines and semantic features in various ethnic and historical versions. The image of the serpent-antagonist

РАМЗИНА ОЛЬГА ВАЛЕРЬЕВНА – соискатель кафедры культурологии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

RAMZINA OLGA VALERYEVNA – PhD student at the Department of Culturology, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: 210206@mail.ru
© Рамзина О. В., 2020

often does not look so much negative, but rather fulfilling certain official functions of designing the cultural space and mediation in it. There is a certain kinship between the images of the conquering and defeated monster, which speaks of the unity and integrity of chaos and space, natural and created, demarcation, based not on the destruction, but on the development, transition, transmission and receipt of the energy of the world order.

Keywords: myth, mythologem, snake, dragon, dragon-slaying, thunderer, symbol, space, border.

Для цитирования: Рамзина О. В. Мифологема змеборчества: к проблеме поливалентности символизма дуальных образов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 2 (94). С. 83–90. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10209

Сегодня крайне необходимо чёткое понимание сходства и различий в представлениях о мире и человеке у разных культур и народов. Пути к такому пониманию можно проложить через изучение и сравнение мифопоэтических картин мира, выявление тех культурных традиций и мифологем, которые повлияли на их формирование, определение механизмов их взаимодействия.

«Представления, формирующие картину мира, входят в значения слов в неявном виде, так что человек принимает их на веру, не задумываясь. Иначе говоря, пользуясь словами, содержащими неявные смыслы, человек, сам того не замечая, принимает и заключённый в них взгляд на мир» [4, с. 9], – отмечают современные лингвисты, определяя объём понятия «картина мира». Следовательно, изучение аналогичных образов в далёких друг от друга мифопоэтических комплексах важно ещё и потому, что для них показательными являются неявные смыслы, несущие большую символическую нагрузку и, следовательно, требующие детального семантического анализа: выявления ключевых идей и концептов, сквозных мотивов, изучения фоновых и контекстуальных компонентов.

Однако в силу своей, казалось бы, «несерьёзной» специфики большинство зооморфных персонажей мифопоэтической традиции чаще всего остаётся за рамками «серьёзной» науки, хотя сегодня изучение

теоретических и практических сторон этой образности в культурфилософском и историко-культурном аспектах действительно необходимо как минимум для прикладной культурологии, постоянно сталкивающейся, например, с визуализацией и актуализацией таких образов современными субкультурами, индустрией массовой культуры и т.п. Также существует большой разрыв между западноевропейской, славянской и восточноазиатской научными традициями, поскольку отсутствует целостная система сопоставления зооморфных образов (и в частности, образа змеи и мифологемы змеборчества) в соответствующих культурных регионах, хотя семантическое поле и глубокий разветвлённый символизм этого образа сохраняет большое количество «следов» встреч и взаимодействия различных культур.

Одним из структурообразующих конфликтов мировой культуры в целом можно назвать столкновение света и тьмы, порядка и хаоса. Широко распространённым изводом этой темы является противоборство сакральной фигуры хранителя небес и порядка (культуры) в целом, нередко выполняющего функцию громовержца и «освободителя вод», и его антагониста – хтонического персонажа (чаще всего – змея/дракона или змееподобного существа), «связывающего» воды и, таким образом, угрожающего существованию жизни на земле во всех её прояв-

лениях. Безусловно, что повсеместная распространённость этого мифа связана с его важной космогонической ролью в формировании и оформлении социокультурного пространства, обозначении его границ. Тем более что в архаическом обществе «граница», пожалуй, самая актуальная категория сознания. Она маркирует наиболее значимые ценностно-смысловые зоны и определяет переход из одного состояния в другое, что, собственно, и является сутью сюжета о победе над змеем/драконом.

Не случайно змеборчество в мифологии и культуре является предметом множества подробных специальных исследований, большинство которых мы вынуждены оставить за рамками этой статьи, упомянув лишь наиболее важные для нашей темы. Тщательный обзор и анализ этого мифа в его различных этнических и исторических вариантах был сделан ещё в середине XX века Дж. Фонтенроузом в фундаментальном исследовании «Python. A Study of Delphic Myth and its Origins», к сожалению так и не переведённом на русский язык [19]. Основываясь на конкретном и углублённом анализе, автор пытается реконструировать инвариант мифа, отмечая, что данная мифологема привлекает и включает различные темы, но они реализованы отнюдь не во всех вариантах. Следовательно, невозможно найти миф, охватывающий все темы и представляющий собой идеальную модель [см. также: 20; 21].

Другая знаковая работа, посвящённая мифу о поединке со змеями, принадлежит Вяч. Вс. Иванову и В. Н. Топорову [5]. В первой половине книги авторы реконструируют славянский инвариант, используя письменные, фольклорные и археологические данные различной степени информативности. По мнению авторов, борьба со змеем является предметом «основного мифа» в

любой мифологии. Славянский материал, в свою очередь, позволяет предположить, что победитель змея бог-громовержец Перун выступает как законодательное и упорядочивающее (культурное) начало в силу своего соотнесения с «высшей социальной группой» – княжеской дружиной, о чём и говорит его частое расположение на возвышенности, а его противник – «скотий» хтонический бог Велес – дислоцируется в низине, у корней дерева и т.п., то есть там, где таится изначальный хаос [5, с. 9 и далее]. Эта концепция уже достаточно давно вошла в научную литературу, и хотя она получила свою долю критики, её можно считать устоявшейся. Также в семиотических терминах миф о змеборчестве рассматривается Б. А. Успенским [17], который привлекает чрезвычайно обширный материал (в основном фольклорный) для анализа особенностей сторон-антагонистов и исторических метаморфоз их превращений и замещений, которые могут быть весьма неожиданными. Применение структурного метода позволяет Успенскому найти реализацию темы в самых разных мифологических кодах. Так, например, автор приводит текст белорусского заговора: «Царь змеиный Ир, и царица Ирица!.. Напусьциць на цябя Сам Господзь Бог, Сам Илля Пророк тучу цёмну, пелену огненну и пожнець тя, поццнець тя и по ветру разнесець тя», и далее комментирует его следующим образом: «Антагонистические отношения змеино-го царя и царицы с Ильёй-пророком (отождествляемым с самим Господом Богом) позволяют усматривать в этом тексте отражение всё того же исходного мифа о поединке Бога Громовержца ... и, следовательно, видеть в них своеобразные ипостаси Волоса. Но знаменательно, что их имена (*Ир* и *Ирица*) очевидным образом перекликаются со словом *ирий* ... как названием сказочной

страны, потустороннего царства, которое может ассоциироваться с раем ... ирий вообще непосредственно соотносится со змеями как место, куда скрываются змеи и птицы на зиму ...» [17, с. 59–60]. Таким образом, Успенский акцентирует неоднозначность и смысловую сложность символизма, содержащегося, казалось бы, в однозначно отрицательных змеиных образах. Во-вторых, на передний план выходит проблема некого «родства», функционального сближения главных героев вечной дуэли, неразличимая на первый взгляд. Рассмотрим этот момент подробнее.

Практически самый древний архетипический образ конфликта мы находим в вавилонском варианте мифологемы (III тыс. до н.э.), в котором один из важнейших богов пантеона – Мардук, являющийся в числе прочего божеством вод и растительности, то есть того, что необходимо для развития, убивает при помощи вихрей и стрел-молний драконоподобную Тиамат, персонифицирующую первозданный хаос, и создаёт из её тела космос (*Рассек её тушу, хитроумное создал / Разрубил пополам её, словно ракушку / Взял половину – покрыл ею небо... / Тигр и Евфрат пропустил он сквозь её очи / Её ноздри заткнул он – накопил там воды... / Так создавал он небо и землю*) [6, с. 42–43]. В хеттской версии мифа бог грозы Ишкур (заимствованный из хурритского пантеона Тешшуб) добивается своей самой важной победы, убивая огромного змея Иллуянку, похитившего у него сердце и глаза [9, с. 52–53], в то время как в мифологии Древнего Египта бог солнца Ра и его свита каждую ночь, проплывая через Дуат, должны вновь и вновь убивать хтоническое чудовище, воплощение небытия и мрака – Апопа [12, с. 64]. Скандинавский Тор сражается со змеем Йормунгандом, обвивая всё его тело вокруг земного шара [11, с. 31]. Аналогичный мотив мы так-

же находим в греческой мифологии, где громовержец Зевс сражается с отцом всех монстров Тифоном, и во множестве других мифологических комплексов.

При этом следует отметить один аспект, представляющий достаточно важным. В большинстве случаев описания столкновений порядка и хаоса мы встречаем офиоморфные образы не только на стороне хаоса и зла, где огромный змей или дракон не вызывают удивления, но и на стороне порядка, в виде спутников, атрибутов и ипостасей самих упорядочивающих божеств. Миф о победе над змеем постоянно концентрирует наше внимание на деталях, говорящих об истреблении подобного подобным. Так, символом самого Мардука, убившего Тиамат при помощи змееподобного символического оружия – вихрей и молний, становится созданный ею же дракон Мушруш (Сирруш). А древнеегипетский Ра совершает своё плавание на ладье Вечности в окружении нескольких змееподобных существ, помогающих ему в борьбе с Апопом: трон его обвивает гигантский змей Мехен-Та, «защитник ночной ладьи», рядом с ним – змееглавый «властелин времени и покровитель урожая» Нехебаку и, наконец, Уаджитурей служит непосредственным оружием Ра в бою. Можно привести и ещё ряд подобных примеров дуалистического применения офиоморфов в мифологии. Возникает вопрос, чем это обусловлено?

Чтобы понять роль и место противоборствующих сторон в процессе структурирования и оформления мира, нам следует подробнее рассмотреть этот антагонизм в контексте ещё одной важной мифологемы – представления о трёхъярусном строении вселенной. Чаще всего символически это изображается в виде дерева, на вершине которого находится орёл с расправленными крыльями, а на земле у корней свер-

нулась змея. Изображения орла, ствола дерева с ветвями и змеи символизируют три сферы – небо (высший мир), промежуточное пространство (мир природы и человека) и землю (материю) вместе с подземным пространством. Идея трёх миров, расположенных по вертикали, является развитием устойчивого древнейшего представления об изначальном единстве и целостности. Создание организованной вселенной является результатом расчленения, проведения границ и создания промежуточного пространства, которое со временем начинает приобретать первостепенное значение. Срединная воздушная часть уже не просто разделяет и соединяет две другие, а поддерживает их разделение, сохраняя тектоничность и порядок во вселенной.

Эту важнейшую функцию центра можно видеть во всех ритуальных практиках индоевропейских и многих других культур, где дерево, столб, алтарь и подобные тому объекты совмещают роль символического центра мира (по горизонтали) и жертвенника, то есть своего рода границы, которую надо преодолеть, (по вертикали). Попадая в точку абсолюта вселенной между землёй и небом, между смертным и бессмертным, событие, жертва и ритуал (битва со змеем – в нашем случае) локализуются в центре сакрального пространства, откуда воздействие происходящего распределяется по всей системе мира и достигает своей цели, поскольку задано в правильном месте. Как писал В. Н. Топоров, «существенно реально лишь то, что сакрально отмечено ... центр мира совпадает с центром ряда вписанных друг в друга сакральных объектов, которые в этом смысле оказываются изоморфными друг другу и изофункциональными» [16, с. 13–14]. То есть в центре мира аккумулируется и распределяется некая теургическая энергия, закладывающая основы

функционирования, понимания и восприятия мира.

Отсюда понятно, что боги-громовержцы довольно-таки не случайно играют центральную роль во многих культурах. Гром, особенно сопровождающийся дождём, молнией, ветром, – это и есть энергия, эманация активности и творческой силы, оказывающая непосредственное влияние на всё живое [2, с. 76–77]. В самых древних культурах функции молниеносца чаще всего выполнялись существами в образе птиц, поскольку, согласно древним представлениям, Орёл летал ближе всего к Солнцу [1, с. 164]. Размахивая и хлопая крыльями, птицы образуют штормы и грозы, в то время как вспышки являются результатом мерцания глаз. Орёл часто изображается держащим змею в когтях или клюве. Такую териоморфную репрезентацию мы можем видеть в Ведах, где иногда индийский бог молнии Индра и его помощники маруты представлены в виде ястреба, нападающего на змею [13, с. 206].

По мере развития социальных представлений и соответствующей символики образ орла далее превращается в антропоморфного бога грома с мощным и внушающим страх характером, который сражается с демонами, блокирующими воды или угрожающими порядку в мире. Недаром Громовержец чаще всего изображается едущим на белом коне или колеснице, запряжённой белыми/золотыми жеребцами. Его голос гремит, как гром, а молния высекается копытами лошади. Он бог-воин, герой и военачальник, победитель дракона, содержащий угрожающую драконью ипостась в себе самом. Ибо, чтобы победить хаос, разрушить его границы, получить энергию, он должен содержать укрощённые части этого хаоса, элементы источника изначальной энергии, своего рода инструменты, позволяющие совершить сокруши-

тельное жертвоприношение. Он высвобождает небесные воды и таким образом обеспечивает плодородие, даёт жизнь и процветание. Гром и змееподобная молния выступают при этом как сила и божественное семя, оплодотворяющие Мать-Землю, победа над монстром рассматривается как триумф сил жизни и истинных ценностей над, казалось бы, всемогущей силой смерти и зла.

В свою очередь, источники энергии, необходимой для мироустройства, то есть собственно враги, с которыми сражается громовержец в индоевропейской мифологии, практически всегда представлены как проявления сложного и нагруженного богатой символикой образа змеи, дракона, ламии и т.п. А наиболее важной характеристикой змеи можно признать её поливалентность. Змея – единственный зооморфный образ, полноценно наделённый символизмом как по горизонтали, так и по вертикали. С одной стороны, змей/дракон – фаллический символ, указывающий на оплодотворяющую мужскую силу, стихии огня, воздуха. С другой – змея тесно связана с женскими аспектами, стихиями земли и воды, представлением о мудрости, высшем знании. Она является воплощением Земли, её тьмы, влаги и плодотворных сил, скрытых в ней. Не случайно одно из семиотических значений её присутствия в мировом фольклоре как атрибута богини (особенно в сочетании с зеркалом) почти всегда означает бракосочетание и беременность¹. Слияние женской и мужской силы – жизнетворческий акт природы, представленный в фольклоре как брак между земной девой и змеем, мотив, широко известный в сельскохозяйственных культурах по всему

¹ Замечательное описание таких статуэток богинь Маргианы, обнаруженных археологами на территории Туркмении, приводится в [10].

миру [18, с. 170]. Таким образом, змея символизирует связь как с землёй и водой, из которых рождается жизнь, с их творческим потенциалом, так и с мужской репродуктивной силой, огнём творения и дыханием². Ряд народных сюжетов представляют змею как мудрое животное, знающее силу каждой травы и тайны исцеления и бессмертия [7, с. 122]. Классический образ двух переплетённых змей, ставших эмблемой современной медицины, сохраняет представление о том, что змеи являются хранителями вод из глубин, которые текут как сок в дарящие здоровье травы и растения [8, с. 108; 15, с. 11–35].

Такая сложная и противоречивая природа змеи/дракона делает этот образ идеальным компонентом для космогонических мифов и сюжетов о мироустройстве, построении государства. Змея содержит все элементы первичного хаоса, которые после расчленения тела приобретают самостоятельность (обособленность) и становятся пригодными для организации, то есть могут быть использованы в качестве строительных блоков социокультурного пространства. Кроме того, в силу своей формы и возможностей змея во многих культурах выступает в роли посредника, медиатора между подземным миром, землёй и небом, нередко обретая крылья на последнем этапе и в образе дракона приближаясь к функциональным и символическим возможностям таких птиц, как орёл и ястреб (непосредственно связанных с образом божества-громовержца).

Таким образом, миф о победе над змеем предстаёт не только как сюжет о необходимости преодоления разрушительных сил хаоса силами культуры, воплощёнными в образе бога-демиурга или героя-ос-

² См. об этих и других значимых аспектах серпентологического символизма [14, с. 330–341].

нователя династии, государства и т.п., но и как представление о единстве природного и созданного, разграничении, основанном не на уничтожении, а на освоении, переходе, передаче и получении энергии мироустройства.

В таком виде мифологема змеборчества во всём своём семантическом многообразии хорошо вписывается в концепцию обрядов перехода А. ван Геннепа [3], который считал, что ритуал не имеет одного

единственного, однажды заданного и неизменного смысла: смысл трансформируется в зависимости от действий, совершаемых перед обрядом, и действий, следующих за ним. Соответственно, чтобы проанализировать каждый вариант мифологема змеборчества, его нельзя произвольно вырывать из контекстуальной целостности. Каждый элемент следует рассматривать в его связях с другими элементами, участвующими в действии.

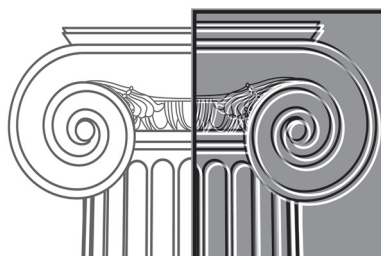
Примечания

1. *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу : в 3 томах. [Репринт издания 1865 г., с исправлениями]. Москва : Индрик, 1994. Том 1. 800 с.
2. *Гейштор А.* Мифология славян. Москва : Весь Мир, 2014. 384 с.
3. *Геннеп А., ван* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. Москва : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 198 с.
4. *Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. Москва : Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
5. *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. Москва : Наука, 1974. 342 с.
6. «Когда вверху...» – «Энума Элиш». Поэма о сотворении мира // Я открою тебе сокровенное слово : литература Вавилонии и Ассирии / сост. В. К. Афанасьева, И. М. Дьяконов. Москва : Художественная литература, 1981. С. 32–50.
7. *Криничная Н. А.* Русская мифология: мир образов фольклора. Москва : Академический проект ; Гаудеамус, 2004. 1008 с.
8. *Купер Дж.* Энциклопедия символов. Москва : Золотой век, 1995. 402 с.
9. Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии / пер., вступ. ст. и коммент. Вяч. Вс. Иванова. Москва : Художественная литература, 1977. 317 с.
10. *Мешкерис В. А.* Змея – хтонический атрибут маргианской богини // КСИА. 1985. Вып. 184. С. 35–41.
11. Младшая Эдда. Санкт-Петербург : Наука, 2006. 144 с.
12. *Рак И. В.* Мифы Древнего Египта. Екатеринбург : У-Фактория, 2007. 400 с.
13. Ригведа. Мандалы I–IV. Москва : Наука, 1999. 768 с.
14. Славянские древности : этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. Москва : Международные отношения, 1999. Том 2. 702 с.
15. *Тарасонов В. М.* Символы медицины как отражение врачевания древних народов. Москва : Медицина, 1985. 120 с.
16. *Топоров В. Н.* О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках : [сборник статей] / [АН СССР ; сост. Л. Ш. Рожанский]. Москва : Наука, 1988. С. 7–60.
17. *Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. Москва : Изд-во Московского университета, 1982. 248 с.
18. *Фрэзер Дж. Дж.* Золотая ветвь. Исследование магии и религии. Москва : Политиздат, 1980. 831 с.
19. Fontenrose J. (1980) *Python: A Study of Delphic Myth and its Origins*. Berkeley & Los Angeles: University of California Press (London: Cambridge University Press). 637 p.
20. Ogden D. (2013) *Dragons, Serpents, and Slayers in the Classical and Early Christian Worlds: A Sourcebook*. N.Y.: Oxford University Press. 320 p.
21. Ogden D. (2013) *Drakon: Dragon Myth and Serpent Cult in the Greek and Roman Worlds*. Oxford: Oxford University Press. 496 p.

References

1. Afanasyev A. N. *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu. V 3 tomakh, tom 1 [Poetic Views of the Slavs on Nature. In 3 volumes, volume 1]*. Moscow, Publishing House "Indrik", 1994. 800 p. (In Russian)
2. Geyshtor A. *Mifologiya slavyan [Mythology of the Slavs]*. Moscow, Ves Mir Publishers, 2014. 384 p. (In Russian)
3. Gennep A., van *Obyady perekhoda. Sistematicheskoe izuchenie obryadov [Rites of Passage. Systematic Study of Rituals]*. Moscow, Russian Academy of Sciences "Vostochnaya literatura" ("Oriental Literature") Publishers, 1999. 198 p. (In Russian)
4. Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Klyucheveye idei russkoy yazykovoy kartiny mira [Key Ideas of the Russian Language Picture of the World]*. Moscow, LRC Publishing House, 2005. 544 p. (In Russian)
5. Ivanov Vyach. Vs., Toporov V. N. *Issledovaniya v oblasti slavyanskikh drevnostey [Research in the Field of Slavic Antiquities]*. Moscow, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1974. 342 p. (In Russian)
6. "Kogda vverkh..." – "Enuma Elish". Poema o sotvorenii mira ["When at the Top..." – "Enuma Elish." Poem about the Creation of the World]. In: Afanasyeva V. K., Dyakonov I. M. comps. *Ya otkroyu tebe sokrovennoe slovo: literatura Vavilonii i Assirii [I Will Reveal to You the Secret Word: the Literature of Babylonia and Assyria]*. Moscow, Publishing House "International Relations", 1981. Pp. 32–50. (In Russian)
7. Krinichnaya N. A. *Russkaya mifologiya: mir obrazov fol'klora [Russian Mythology: the World of Folklore Images]*. Moscow, Publishing house "Academic Project", Gaudeamus, 2004. 1008 p. (In Russian)
8. Kuper Dzh. [Cooper J.] *Entsiklopediya simvolov [Encyclopedia of Symbols]*. Moscow, 1995. 402 p. (In Russian)
9. Luna, upavshaya s neba. *Drevnyaya literatura Maloy Azii [The Moon That Fell From the Sky. Ancient literature of Asia Minor]*. Moscow, Publishing House "Hudozestvennaya literatura", 1977. 317 p. (In Russian)
10. Meshkeris V. A. Zmeya – khtonicheskii atribut margianskoy bogini [Snake – Chthonic Attribute of the Margian Goddess]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Reports of the Institute of Archeology]*. 1985, issue 184, pp. 35–41. (In Russian)
11. *Mladshaya Edda [Younger Edda]*. St. Petersburg, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 2006. 144 p. (In Russian)
12. Rak I. V. *Mify Drevnego Egipta [Myths of Ancient Egypt]*. Ekaterinburg, Ufactory Publishing House, 2007. 400 p. (In Russian)
13. *Rig Veda. Mandalas I–IV*. Moscow, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1999. 768 p. (In Russian)
14. Tolstoy N. I., ed. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'. Tom 2 [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary. Volume 2]*. Moscow, Publishing House "International Relations", 1999. 702 p. (In Russian)
15. Tarasonov V. M. *Simvoly meditsiny kak otrazheniye vrachevaniya drevnikh narodov [Symbols of Medicine as a Reflection of the Healing of Ancient Peoples]*. Moscow, 1985. 120 p. (In Russian)
16. Toporov V. N. O rituale. Vvedenie v problematiku [On the Ritual. Introduction to the Problematic]. In: Rozhansky L. Sh., comp. *Arkhaicheskij ritual v fol'klornykh i ranneliteraturnykh pamyatnikakh [Archaic Ritual in Folk and Early Literary Monuments]*. Moscow, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1988. Pp. 7–60. (In Russian)
17. Uspensky B. A. *Filologicheskie razyskaniya v oblasti slavyanskikh drevnostey [Philological Research in the Field of Slavic Antiquities]*. Moscow, Publishing House of Lomonosov Moscow State University, 1982. 248 p. (In Russian)
18. Frezer Dzh. [Frazer Sir James George] *Zolotaya vetv'. Issledovanie magii i religii [Golden Branch. Study of Magic and Religion]*. Moscow, Political Literature Publishing House, 1980. 831 p. (In Russian)
19. Fontenrose J. (1980) *Python: A Study of Delphic Myth and its Origins*. Berkeley & Los Angeles: University of California Press (London: Cambridge University Press). 637 p. (In English)
20. Ogden D. (2013) *Dragons, Serpents, and Slayers in the Classical and Early Christian Worlds: A Sourcebook*. N.Y.: Oxford University Press. 320 p. (In English)
21. Ogden D. (2013) *Drakon: Dragon Myth and Serpent Cult in the Greek and Roman Worlds*. Oxford: Oxford University Press. 496 p. (In English)

КУЛЬТУРНЫЕ ЯВЛЕНИЯ
И ПРАКТИКИ
В СОВРЕМЕННОМ
ГУМАНИТАРНОМ
ДИСКУРСЕ

И НСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ: ОПЫТ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ

УДК 304.4

DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10210

Е. Г. Сыркина

Челябинский государственный институт культуры

В статье рассмотрены основные подходы к анализу понятия «институт», на основе чего сделан вывод о недостаточной концептуализации понятия «новый» («новизна») в отношении феномена «институт» в отечественной науке. Автором осуществлён социологический анализ объектов, интерпретируемых российской научной мыслью как «институты». Предложена кластерная группировка институтов, исходя из социологического и культурологического подходов к их обозначению в темах диссертационных исследований. Произведена группировка институтов на основе стадийно-деятельностной модели культурной политики, исходя из институционального обеспечения таких деятельностных позиций, как «идеолог», «аналитик», «проектировщик», «органуправленец», «хранитель», «эксперт». Сделан вывод о необеспеченности в российской культурной политике позиции «идеолог» институциями социологического кластера. Обозначены проблемы, связанные с созданием соответствующих институций. Обозначена необходимость поиска теоретических оснований для проектирования институций, обеспечивающих эффективность культурной политики от её замысла до реализации.

Ключевые слова: институт, культурная политика, стадийно-деятельностная модель культурной политики, кластерная группировка институтов.

Elena G. Syrkina

Chelyabinsk State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Ordzhonikidze Str., 36A, 454091, Chelyabinsk, Russian Federation

INSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF CULTURAL POLICY: THE EXPERIENCE OF FUNCTIONAL DETERMINATION

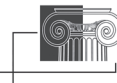
The article considers the main approaches to the “institute” notion understanding resulted in the conclusion made by the author that there is not enough conceptualization of the “new” (“novelty”) concerning the “institute” phenomenon in Russian science. The author has also carried out sociological analysis of the objects interpreted by the Russian scientific thought as “institutes”. He has proposed a cluster grouping of institutes proceeding from the sociological and culturological approaches for their definition in the topics of scientific researches. He has grouped all institutes on the ground of stage-activity model of cultural policy taking into account institutional provision of such activity

СЫРКИНА ЕЛЕНА ГЕОРГИЕВНА – директор Центра культурно-информационной деятельности
Управления культуры Администрации города Челябинска, соискатель Челябинского
государственного института культуры

SYRKINA ELENA GEORGIEVNA – Director of the Center for Cultural and Information Activity, the Office
of Culture, the Chelyabinsk Administration, Postgraduate at the Chelyabinsk State Institute of Culture

e-mail: e.syrkina@mail.ru

© Сыркина Е. Г., 2020

positions as “ideologist”, “analyst”, “projector”, “administrative manager”, “keeper”, “expert”. The article concludes by saying that the position of an “ideologist” in Russian cultural policy hasn’t been provided by the institutions of sociological cluster. The author discloses the problems connected with the creation of the corresponding institutions and stresses the necessity of determining of theoretical grounds for projecting the institutions providing cultural policy effectiveness from its planning up to its implementation.

Keywords: institute, cultural policy, stage-activity model of cultural policy, cluster grouping of institutes.

Для цитирования: Сыркина Е. Г. Институциональные основы культурной политики: опыт функциональной детерминации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 2 (94). С. 92–102. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10210

Тема культурной политики была актуализирована в России после выхода Указа Президента РФ от 24.12.2014 N 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» [5] и, далее, «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года», утверждённой распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 года [8]. Указанные документы несколько ослабили анализ смысловых оснований (целей и ценностей) культурной политики в нашей стране. Содержательные векторы государственной культурной политики обозначены в документе системно, в привязке к вполне традиционным областям культурной (в широком смысле) деятельности.

В то же время в «Основах государственной культурной политики» обращено внимание на необходимость комплексного совершенствования системы управления, в первую очередь её институциональных оснований. «Целесообразность создания новых институций продиктована невозможностью достижения целей государственной культурной политики в рамках имеющихся административных структур за счёт изменения их полномочий, функций, форм деятельности и регламентов ... Для разработки и реализации государственной культурной политики необходимо сформировать структуры (институты) по выработ-

ке, обеспечению реализации и мониторингу достижения целей государственной культурной политики» [5, с. 15–16]. Учитывая контекст соответствующего раздела, можно сделать вывод о том, что эффективная государственная культурная политика возможна при создании в стране «новой системы управления» социокультурными процессами. Она подразумевает:

- во-первых, анализ потенциала существующих социокультурных институтов, их соответствия целям и задачам государственной культурной политики;
- во-вторых, проектирование новых институтов («институций»), обладающих как специальными (условно уникальными) свойствами, так и возможностями интегрировать свойства традиционных административных структур, обеспечивая выработку, реализацию и мониторинг достижений целей государственной культурной политики.

Первое направление исследований осуществляется систематически и в той или иной форме присутствует в научных работах, посвящённых управлению социокультурной сферой (и не только) или описанию отдельных видов её институтов.

Второе направление остаётся без должного внимания исследователей, вероятно, в силу отсутствия концептуализации понятия «новый» («новизна») в отношении фе-

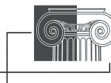
номена «институт». Таким образом, актуальность заявленной темы заключается в необходимости поиска теоретических оснований для проектирования институций, обеспечивающих эффективность культурной политики от её замысла до реализации.

Общая теория институционализма к настоящему времени достаточно обстоятельно разработана. Она включает ряд концепций, в совокупности ликвидирующих основные зоны неопределённости в трактовке как идейно-смыслового, так и организационного устройства института как универсального социального регулятора. При этом сами представленные концепции, несмотря на вариативность, нередко допускают компромиссные трактовки самой идеи института в зависимости от различных детерминирующих факторов [11]. Например, существует позиция ассоциирования «института» и «организации». Такую ассоциативность демонстрируют в своих работах Р. К. Мертон [9], П. Селзник [12], Р. Скотт [13] и иные авторы, заостряющие внимание на противоречиях бюрократической (рационально-правовой) и личностной (ценностной) парадигм функционирования института. Иной точки зрения придерживаются Т. Веблен [2], С. Миллер [10], Д. Норт [4] и иные исследователи, рассматривающие институт в первую очередь как набор принятых его участниками условностей: «норм», «ценностей», «правил игры», «традиций» и т.п., что вместе создаёт завершённый, функционально направленный процесс. Здесь примером может служить точка зрения одного из основоположников институционализма Т. Веблена, считавшего, что «институты – это, по сути дела, распространённый образ мысли в том, что касается отдельных отношений между обществом и личностью и отдельных выполняемых ими функций» [2, с. 201].

Отметим, однако, что эти позиции не носят антагонистического характера, органично дополняя друг друга. Достаточно типичным компромиссным представлением об институте можно считать определение, предложенное Д. Тернером: «комплекс позиций, ролей, норм и ценностей, закреплённых в определённых типах социальных структур и организующих относительно устойчивые модели человеческой деятельности в отношении фундаментальных проблем производства жизнеобеспечивающих, жизнеспособных социальных структур в данной среде» [14, р. 6]. Таким же компромиссным подходом можно считать определение института, данное в российской энциклопедии социологии: «Исторически сложившиеся формы организации и регулирования общественной, жизни (*напр.*, семья, религия, образование и т.д.), обеспечивающие выполнение жизненно важных для общества функций, включающие совокупность норм, ролей, предписаний, образцов поведения, специальных учреждений, систему контроля» [3].

В рамках компромиссного, или – по-другому – комплексного, подхода к пониманию феномена «институт» нам было важно, исходя из темы статьи и поставленной задачи институциональной оптимизации разработки и реализации культурной политики, определить её институциональную базу, принимая во внимание возможность использования следующих подходов:

- адаптировать (использовать) существующие (традиционные) институты;
- создать гибридные (полифункциональные) институты из уже имеющихся с возможным добавлением новых функций;
- создать новые институты, конвенционально ориентированные исключительно на культурную политику.

Первым важным шагом, предпринятым нами для понимания институционального разнообразия и локализации поля исследования, стала попытка социологического обзора объектов, интерпретируемых российской научной мыслью как институты. Здесь мы использовали адаптированный метод контент-анализа применительно к защищённым в России диссертационным исследованиям, в заглавиях (темах) которых присутствовал объект, маркированный авторами термином «институт» (в некоторых случаях – «социальный институт»). Временной период, в который были защищены такие диссертационные работы, составил не менее 35 лет (с 1985 по 2020 год). Это позволило ис-

ключить возможные конъюнктурные сдвиги и иные погрешности, связанные с вероятной временной актуализацией соответствующей тематики. В результате был получен перечень таких объектов (см. таблицу 1), очень условно разделённый нами на два кластера: социологический (в работах, относящихся к этому кластеру, исследователи, по сути, ассоциируют институт с формальной организацией) и культурологический (содержание и трактовка понятия «институт» авторами расширяется до социально-культурного явления, обладающего собственным уникальным смысловым значением, прямо или опосредованно реализующимся через различные формальные организации).

Таблица 1

Перечень объектов, интерпретируемых авторами диссертационных исследований как институты

	Основание	Пример
1. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСТЕР		
1.1.	ФОРМАЛИЗОВАННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ	Армия Библиотека Квартира («Советская коммунальная квартира») Корпорация МПЛА (народное движение за освобождение Анголы) Музей Муниципальное образование Общественное объединение Профсоюз Руководители Семья Социальные педагоги Средства массовой информации Суд (суд присяжных) Университет Учреждение Церковь Школа Школа высшая

	Основание	Пример
2. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСТЕР		
2.1.	УНИВЕРСАЛИИ КАК СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ	Власть (+публичная власть) Материнство Религия Родительство
2.3	КУЛЬТУРНО- ИСТОРИЧЕСКИЕ ФЕНОМЕНЫ КАК СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ	Бизнес-партнёрство Благотворительность Брак (семейный) Выборы Госслужба Государственная молодёжная политика Дедовщина Здравоохранение Маркетинговая деятельность Менеджмент Местное самоуправление Мода Наставничество Наука Образование (+ ДПО) Обращения граждан Обслуживание Общественное мнение Общественные инициативы Патернализм Политика Политика кадровая Политическая оппозиция Потребительская кооперация Право Предпринимательство (малое) Преступность Профессия педагогическая Регистрация недвижимости Реклама Рынок труда Сервис Сотрудничество приграничное Социальная защита Социальная реклама (реклама)

	Основание	Пример
		Социальное неравенство Социальное обслуживание Социальное партнерство Социальный рынок Спорт Страхование (+коммерческое) Таможенная служба Телевидение Территориальное общественное самоуправление Туризм Цензура Элита
3.	ЛОКАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ (ТЕХНОЛОГИИ) КАК СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ	Система налоговая Система национальной безопасности Система пенитенциарная Система социального страхования Система социальной защиты Система профессиональной ориентации

Типологическое разнообразие объектов культурологического кластера предполагало попытку их внутренней группировки (систематизации) по основаниям, обеспечивающим (насколько это было возможно) понимание функциональности указанных объектов для процессов разработки и реализации культурной политики.

Здесь мы выделили три типа объектов:

1. Всеобщие универсалии, обладающие институциональными признаками.

2. Культурно-исторические феномены, отделённые исследователем от их организационной (организационно-правовой) формы.

3. Устойчиво воспроизводимые локальные практики – технологии, алгоритмизированные процессы, обладающие качествами системы (завершёностью).

Углублённый экспертный анализ диссертационных исследований, в заглавиях

которых присутствует термин «институт» («социальный институт»), показал, что данное понятие настолько закрепилось в общественной и личной, специализированной и бытовой лексике, что нередко стало использоваться в качестве своеобразной фигуры речи, призванной акцентировать роль и значение той или иной идеологемы, разновидности деятельности и даже отдельного её признака. Многие авторы используют его в научных работах сугубо риторически, не обосновывая содержательное наполнение. Нами также обнаружены отдельные факты откровенно случайного, ошибочного, излишнего использования понятия «институт» («социальный институт») в контексте содержания работы, когда исключение этого термина (оборота) не приводит к изменению смысла текста.

Тем не менее данный анализ позволил разработать вариант институциональной

матрицы культурной политики, являющейся, по сути, гипотезой структурно-функционального конституирования последней. В этой работе мы обращались к стадияльно-деятельностной модели культурной политики, предложенной С. Б. Синецким. Указанная модель предполагает наличие двух стадий процесса разработки и реализации культурной политики:

1. Идеологической. Объектом воздействия на данной стадии выступают разнообразные картины мира, образы жизни, различаемые по набору составляющих их культурных норм и ценностей. Предметом – процесс описания (оформления), сравнения и оценивания данных картин мира и составляющих их элементов. Деятельностные позиции первой стадии обозначены как «идеолог» и «аналитик».

2. Проектной. Объектом воздействия здесь выступают прошедшие оформление и оценивание культурные образцы («конструкты»), соответствующие определённым культурным нормам и ценностям. В качестве предмета определяется процесс внедрения в жизненную практику требуемых и изъятия из неё негативных культурных образцов. Деятельностные позиции второй стадии обозначены как «проектировщик» и «оргуправленец».

Также модель предусматривает независимые (внестадийные) деятельностные позиции, такие как «хранитель» и «эксперт» [6, с. 240–242].

Опираясь на данную модель, мы определили институциональную обеспеченность каждой из деятельностных позиций процесса разработки, реализации и оценки эффективности культурной политики (см. таблицу 2).

Представленный в таблице 1 типологизированный перечень институтов предполагает возможность расширения за счёт

использования принципа аналогового дополнения. Условно говоря, если в качестве института признаётся университет как учреждение высшего образования, значит, по аналогии, институциональными свойствами обладают, например, образовательные учреждения иного статуса: академии, консерватории, (собственно институты как учреждения высшего образования), научно-исследовательские институты и т.п. При использовании принципа аналогового дополнения в качестве одного из методологических подходов к формированию социологического кластера нетрудно сформировать оптимальный набор традиционных институтов, пригодных для использования в различных процессах культурной политики.

Однако, как мы видим, в социологическом кластере остаётся институционально необеспеченной деятельностная позиция «идеолог». В российских диссертационных исследованиях, выполненных за последние 30 лет, отсутствует обоснование (или констатация) институциализации идеологии культурной политики. Этот вывод коррелирует с активным процессом общественных и научных дискуссий по поводу поиска «национальной идеи», «идентичности», «культурных основ» и т.д. Учитывая, что идеология является базовым (предшествующим всем остальным) процессом культурной политики, его неинституционализированность может приводить к разбалансированности, несогласованности всех последующих процессов.

Проектирование института, организационно обеспечивающего формирование идеологических оснований культурной политики, само по себе требует той или иной методологии. В контексте усложнения социально-групповой структуры общества, роста разнообразия интересов его социаль-

Таблица 2

Условная институциональная обеспеченность деятельностных (функциональных) позиций, обеспечивающих процессы культурной политики

Стадии культурной политики [6, с. 240–242]	Деятельностные позиции процессов культурной политики [6, с. 240–242]	Социологический кластер	Культурологический кластер
Идеологическая стадия	Идеолог	–	Общественные инициативы; Политика; Территориальное общественное самоуправление; Элита
	Аналитик	НИИ профильные; Образовательные учреждения высшего образования (университеты)	Наука
Проектная стадия	Проектировщик	Университет	Образование
	Оргуправленец	Руководители; Муниципальные образования	Власть; Менеджмент
Внестадийные позиции	Хранитель	Архивы; Библиотеки; Музеи	Историческая наука
	Эксперт	Общественные объединения; Средства массовой информации; Церковь	Обращения граждан; Общественное мнение; Политическая оппозиция; Право; Религия

ных субъектов обоснованным представляется подход, предложенный С. Б. Синецким: «Культурная политика не мыслится метафизически – в логике завершённых проектов, материализующих волю властвующего субъекта. Культурная политика выступает как принципиально незавершаемый процесс оценивания стихийно рождающихся (бытующих) социокультурных практик (эмпирики настоящего) на основе верификации опытом интерпретированного прошлого и экстраполяции в оформленный образ будущего» [6, с. 26–27]. Исходя из данной идеи, к институту, обеспечивающему идеологические основания культурной политики в конкурентном обществе (в рыночном обществе), можно предъявить такие требования, как:

- способность к аккумуляции разнообразия, выраженного в ценностно-нормативных паттернах, демонстрируемых различными социальными группами;
- способность к монтажу разнообразия (согласованию, совмещению указанных паттернов) для создания ценностно-нормативных моделей, превосходящих по потенциалу исходные;
- способность к систематической коррекции идеологических установок и соответствующей коррекции отдельных содержательных элементов реализуемой культурной политики в ответ на обновление контекста (обновление паттернов).

Естественно, эти требования нуждаются в уточнениях. Проблематика создания такого института в социологическом смысле имеет как минимум два аспекта.

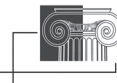
Во-первых, такой институт предполагает специальные требования к его «агентам» (участникам), заключающиеся в умении выйти за пределы (рамки) собственной культуры и, более того, отстраниться от социальных связей, объективирующих лоб-

бистские интенции (пусть даже находящиеся в латентном состоянии). По этому поводу известен скепсис Макса Вебера, ещё в 1949 году отмечавшего доминирование сложившихся социальных паттернов над влиянием (формальными требованиями) организационной структуры. «Нет абсолютно “объективного” научного анализа культуры – или, более узко, – “социальных явлений”, независимого от специальных и “односторонних” точек зрения, в соответствии с которыми – явно или молчаливо, сознательно или бессознательно – они отбираются, анализируются и организуются для объяснения целей» [15, р. 72].

Во-вторых, такой институт должен быть востребован у государства и общества (в лице их легитимных представителей) как двух ключевых субъектов культурной политики. Такая потребность может возникнуть только в ситуации реального партнёрства, обоюдного компромисса, взаимного доверия, что неминуемо усилит тренд на децентрализацию власти. Однако, как справедливо отмечает О. Н. Астафьева, «тенденция к децентрализации способствует всё большей дифференциации культурной политики ... и, следовательно, расширяет возможности сохранения субкультурного и этнонационального разнообразия. Зачастую системы управления не готовы к функционированию в подобной ситуации» [1, с. 28].

Очевидно, что создание новой институции, которая выступала бы идеологическим драйвером культурной политики, задача нетривиальная. Однако и Россия, и мир в целом вступают в относительно длительный период постпарадигмальности [6, с. 132], предполагающий нетривиальность в качестве управленческой нормы [7].

В завершение сформулируем основные выводы:

1. Задача создания новых институций для разработки и реализации государственной культурной политики, поставленная в «Основах государственной культурной политики», требует обстоятельного анализа уже существующих институтов и определения институционально необеспеченных процессов культурной политики.

2. Анализ объектов, интерпретируемых российской гуманитарной мыслью как институты, позволил выявить институциональную необеспеченность процесса идеологического сопровождения культурной политики в России.

3. Создание института, отвечающего за идеологическое обеспечение культурной политики в России, подразумевает корреляцию интересов государства и общества, общей базы ценностно-нормативных императивов, равноправного партнёрства. Данное условие пока не выполняется в достаточной степени, что существенно снижает эффективность культурной политики.

Настоящую статью необходимо рассматривать как одну из версий институционализации культурной политики России, как попытку активизировать научный дискурс по соответствующей проблематике.

Примечания

1. Астафьева О. Н. Культурная политика: теоретические аспекты и практика реализации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 1–2. С. 22–29.
2. Веблен Т. Б. Теория праздного класса : пер. с англ. / вступ. ст. с. 5–56 С. Г. Сорокиной. Москва : Прогресс, 1984. 367 с. (Экономическая мысль Запада) (Для научных библиотек).
3. Институт [Электронный ресурс] // Академик : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/1266>
4. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/6310>
5. Основы государственной культурной политики : утверждены Указом Президента РФ от 24.12.2014 N 808 [Электронный ресурс] : [веб-сайт]. URL: static.kremlin.ru/media/events/files/41d526a877638a8730eb.pdf
6. Синецкий С. Б. Культурная политика XXI века: теоретико-методологические основания и условия осуществления : диссертация на соискание учёной степени доктора культурологии : 24.00.01 / Синецкий Сергей Борисович. Челябинск, 2012. 357 с.
7. Синецкий С. Б. Культурные трансформации в XXI веке: осмысление перспектив [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. 2012. № 3 (9). URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/146.html&j_id=11
8. Стратегия государственной культурной политики до 2030 года : утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 года. № 326-р [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf>
9. Merton Robert K. (1936) The Unanticipated Consequences of Purposive Social Action. *American Sociological Review* 1: 894–904.
10. Miller Seumas (2010) *The Moral Foundations of Social Institutions: A Philosophical Study*. New York: Cambridge University Press.
11. Miller Seumas Social Institutions. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2019 Edition)*. Edward N. Zalta (ed.), URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2019/entries/social-institutions/>
12. Selznick Philip (1948) Foundations of the Theory of Organization. *American Sociological Review* 13: 25–35.
13. Scott Richard (2001) *Institutions and Organisations*. London: Sage.
14. Turner Jonathan H. (1997) *The Institutional Order: Economy, Kinship, Religion, Polity, Law, and Education in Evolutionary and Comparative Perspective*. New York: Longman.
15. Weber Max (1949) *The Methodology of the Social Sciences*. Glencoe: Free Press. 216 p.

References

1. Astafyeva O. N. Kul'turnaya politika: teoreticheskie aspekty i praktika realizatsii [Cultural Policy: Theoretical Aspects and Implementation Practice]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities]. 2013, no. 3 (9), pp. 22–29. (In Russian)
2. Veblen Thorstein *The Theory of the Leisure Class*. Moscow, Progress Publishers, 1984. 367 p. (In Russian)
3. *Institute*. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/1266> (In Russian)
4. Nort D. [North Douglass Cecil] *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, Institutional Changes and the Functioning of the Economy]. Available at: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/6310> (In Russian)
5. *Osnovy gosudarstvennoi kul'turnoi politiki: utverzhdeny Ukazom Prezidenta RF ot 24.12.2014 N 808* [Fundamentals of State Cultural Policy Approved by Presidential Decree of 24.12.2014 N 808]. Available at: static.kremlin.ru/media/events/files/41d526a877638a8730eb.pdf (In Russian)
6. Sinetsky S. B. *Kul'turnaya politika XXI veka: teoretiko-metodologicheskie osnovaniya i usloviya osushchestvleniya. Diss. dok. kul'tur.* [The Cultural Policy of the 21st Century: Theoretical and Methodological Foundations and Conditions for Implementation. Doc. Cultural Studies Diss.]. Chelyabinsk, 2012. 357 p. (In Russian)
7. Sinetsky S. Cultural Transformations in the 21st Century: Rethinking Prospects. *Journal of Cultural Research*. 2012, no. 3 (9). Available at: http://cr-journal.ru/rus/journals/146.html&j_id=11 (In Russian)
8. *Strategiya gosudarstvennoy kul'turnoy politiki do 2030 goda: utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 29 fevralya 2016 goda. № 326-r* [Strategy of the State Cultural Policy Until 2030: Approved by Order of the Government of the Russian Federation of February 29, 2016. No. 326-r]. Available at: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf> (In Russian)
9. Merton Robert K. (1936) The Unanticipated Consequences of Purposive Social Action. *American Sociological Review* 1: 894–904. (In English)
10. Miller Seumas (2010) *The Moral Foundations of Social Institutions: A Philosophical Study*. New York: Cambridge University Press. (In English)
11. Miller Seumas Social Institutions. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2019 Edition)*. Edward N. Zalta (ed.), URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2019/entries/social-institutions/> (In English)
12. Selznick Philip (1948) Foundations of the Theory of Organization. *American Sociological Review* 13: 25–35. (In English)
13. Scott Richard (2001) *Institutions and Organisations*. London: Sage. (In English)
14. Turner Jonathan H. (1997) *The Institutional Order: Economy, Kinship, Religion, Polity, Law, and Education in Evolutionary and Comparative Perspective*. New York: Longman. (In English)
15. Weber Max (1949) *The Methodology of the Social Sciences*. Glencoe: Free Press. 216 p. (In English)

*

К УЛЬТУРА И COVID-19: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ

УДК 008:124.5

DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10211

С. Л. Гернер, Ю. В. Китов

Московский государственный институт культуры

В статье затрагивается проблема определения роли культурных норм и ценностей в условиях пандемии, вызванной COVID-19. На основе примеров, показывающих действия управляющих классов и персонифицирующих их личностей из разных стран, прогнозируются последствия принимаемых ими решений в области культуры и здоровья граждан на национальном и межгосударственном уровнях. Из многообразия качеств, которыми обладает культура, выделяются те, которые оказываются наиболее востребованными в неординарной ситуации, вызванной вирусом, а именно – нормативные. Делается вывод, что из объединяемых в культуре форм общественной консолидации на первый план выходят те, которые связаны с наукой и поиском истины. Показывается, как научно необоснованные заявления способны неблагоприятно сказаться на культурном имидже лиц, находящихся на вершине политической власти. Действия российского правящего класса, направленные на сохранение здоровья и жизни граждан путём введения карантина и жёстких санитарных мер, расцениваются как культурно санкционированные. Снятие ограничений в ситуации отсутствия действенных лекарственных средств или вакцин рассматривается как венчурная инициатива, способная получить как поддержку, так и критику со стороны населения в зависимости от количества спровоцированных ею инфекций.

Ключевые слова: COVID-19, культура, культурная норма, культура и правящий класс, культурное санкционирование.

Svetlana L. Gertner, Yuri V. Kitov

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),

Bibliotchnaya Str., 7, 141406, Khimki City, Moscow Region, Russian Federation

CULTURE AND COVID-19: A VIEW FROM RUSSIA

The article is devoted to the analysis of the impact on culture in the context of the pandemic caused by Covid-19. Among the problems raised in the article, the problem of understanding culture, determining

¹ГЕРТНЕР СВЕТЛАНА ЛЕОНИДОВНА – доктор философских наук, профессор кафедры культурологии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

GERNTNER SVETLANA LEONIDOVNA – DPhil, Professor at the Department of Culturology, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

²КИТОВ ЮРИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

KITOV YURI VALENTINOVICH – DPhil, Full Professor, Head of the Department of Culturology, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: gertnerlana@gmail.com¹, ykitov@gmail.com²

© Гертнер С. Л., Китов Ю. В., 2020

the role of cultural norms and values is examined. Based on examples showing the actions of the governing classes and their representatives from different countries, the consequences of their decisions on the health and culture of citizens at the national and interstate levels are forecasted and illustrated. From the variety of qualities that culture possesses, in an extraordinary situation caused by a virus distinguished the normative and value-oriented ones. It is concluded that cultural qualities related to science and the search for truth come out as more conducive for social consolidation than other ones. It is shown how scientifically unsubstantiated statements can adversely affect the cultural image of individuals, even those at the top of political power. The actions of the Russian ruling class aimed at preserving the health and life of citizens through the introduction of quarantine and strict sanitary measures are considered culturally sanctioned. Removing restrictions in the absence of effective drugs or vaccines is considered as a venture initiative that can gain both support and criticism from the population, depending on the number of infections it provokes.

Keywords: COVID-19, culture, cultural norm, culture and the ruling class, cultural authorization.

Для цитирования: Гертнер С. Л., Китов Ю. В. Культура и COVID-19: взгляд из России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 2 (94). С. 103–115. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10211

Со времени начала пандемии, вызванной COVID-19, ЮНЕСКО предприняла инициативу в виде проекта «Culture and COVID-19» для того, чтобы «поддержать жизнеспособность артистов и объединить правительства для выработки решений» [13]. Организация озабочена тем, что 89% мирового культурного наследия, ранее доступного населению Земли для непосредственного контакта, либо оказались закрытыми от него, либо «мигрировали» в онлайн. Основной урон культуре, который Организация связывает с COVID-19, она позиционирует как экономический: «Музеи и другие культурные институты теряют миллионы в выручке каждый день. Художники по всему миру не могут свести концы с концами» [13]. Ни в коей мере не подвергая сомнению давление на экономическую сторону функционирования учреждений и организаций культуры, пострадавшей из-за коронавируса, мы попытаемся затронуть и другие стороны культуры, которые также испытывают напряжение в условиях пандемии.

Оценку воздействия коронавируса на культуру в плане динамики её таксономии, норм и ценностей, культурного санкцио-

нирования поведения и деятельности ещё предстоит осуществить. Вместе с тем отдельные выводы оказываются возможными уже сегодня. Их актуальность на фоне медицинской и экономической оценки вируса, на первый взгляд, кажется незначительной, однако изменения в культуре оказываются индикаторами того, как общество сущностно реагирует на значимые события. Поэтому если медицина позволяет двинуться в сторону понимания вируса и механизма его «работы», а экономика фиксирует и прогнозирует его влияние на товар и деньги, то культурология позволяет выявить сущность происходящих с обществом изменений, память о которых останется с людьми значительно дольше применения того или иного лекарства или факта флуктуации ВВП и национальной валюты периода пандемии.

Определений культуры на сегодняшний день существует множество, что фиксируется в паспорте научной специальности культурологии в ВАК, и каждое из них является условием того, что изучаемое явление всегда значительнее, нежели то знание, которое о нём удалось установить в тот или иной момент. Однако исторические мо-

менты предоставляют возможность фиксации в культуре тех её проявлений, которые на данный момент представляются актуальными. Ещё важнее то, что те или иные качества культуры становятся необходимыми, формируются нормы, по которым начинают жить люди в трудных и ранее неизвестных обстоятельствах. Так, в условиях пандемии, несмотря на важность таких качеств культуры, как рекреация и релаксация, их значение не идёт в сравнение с нормами, способными сохранить здоровье и человеческую жизнь. В целом период пандемии предъявил нормированию культурного поведения и деятельности требования в большей степени нравственного, нежели эстетического или релаксационного содержания. Нам представляется, что культура сегодня раскрывается «в отношении человека к другому человеку и к природному объекту и фиксируется в мыслительной возможности поставить себя на их место, выступающей в качестве важнейшей характеристики его (человека) последующей практики» [2, с. 79]. Такое понимание культуры возводит христианскую традицию в универсальную этику, однако какая из других традиций сегодня является более адекватной к информированию нравственных норм и способов поведения, которые были бы общечеловеческими, а не классово, национально или регионально базируемыми?

Взять, например, социальное дистанцирование или ношение масок. Те, кто этого не делают, подвергаются осуждению в любом обществе. Общечеловеческими критериями измеряются и действия национальных правительств. Как быстро они реагировали на предостережения учёных и оперативно ли вводили самоизоляцию, снабжали ли масками и средствами дезинфекции своё население? Реакция на коронавирус создаёт ранее непрогнозируемые политические пред-

почтения. Например, в Германии лидеры из южных земель, отличающиеся религиозностью, никогда не были популярными в северных землях, что не давало им возможности претендовать на кресло канцлера. Однако реакция Маркуса Содера (Markus Söder), выразившаяся в более адекватном отношении к предупреждению немецких учёных и быстром введении самоизоляции, вывела его на первые позиции среди тех, кто должен сменить Ангелу Меркель [17, р. 3].

Не менее адекватным элементом христианской этики, сколько бы свидетельств от обратного ни приводилось, является приоритет знания над невежеством, который оказался востребованным в условиях пандемии.

В. В. Вересаев в «Записках юного врача», характеризуя отсутствие научного знания в культуре российских крестьян, приводит пример смерти одной из пациенток, которой был выписан рецепт карболки для дезинфекции туалета. Она, считая невозможным таким образом распорядиться «лекарством», выпивает стакан, что приводит её к гибели. Публикуя данный материал, В. В. Вересаев преследовал две цели. Первая – показать читателю абсолютно лишённый научного мировоззрения мир русской деревни; вторая – пробудить у образованного читателя жалость и желание помочь своим гражданам в восполнении созданного предшествующей социально-политической системой неравенства между образованной и необразованной частью российского общества, символическим выражением которого является смерть.

Казалось бы, ситуация, воспроизводящая события начала XX века, не имеет шансов для своего воспроизведения в начале XXI века. По крайней мере, абсолютно невозможным представляется такой дефицит научного компонента в мировоззре-

нии политика в XXI веке, когда он, сродни мировоззрению русской крестьянки XX века, предлагает использовать средства дезинфекции, схожие по своему назначению с карболкой, для лечения заражённого коронавирусом человека. Вместе с тем брифинг американского президента, в процессе которого он допустил применение отбеливателя и изопропилового спирта для инъекций больным коронавирусом, переводит такую невозможность в действительность [16, р. 1]. Поразительным в данном случае является факт, демонстрирующий неравенство, в основе которого лежит не материальное благополучие, а культура. Именно культура, в виде уровня представленности в ней компонентов научного мировоззрения, является той неожиданной характеристикой, которая делает Президента Америки маргиналом, объединяющим его в единую субкультуру с пьющей карболку русской крестьянкой, несмотря на несоразмерность обладания материальными ценностями.

Оказывается, что структура современной власти, выстраивая формальное сито отбора для восхождения на высшие уровни политики, оставляет не только возможности обхода строгих норм морали, права, незаконного обладания собственностью, но и культуры. И в связи с тем, что стремящиеся к вершинам политической власти индивиды в большей степени озабочены сокрытием информации о незаконных доходах, мы имеем возможность открытия для себя информации о не отвечающем элементарным нормам уровне их культуры. Именно кризисы предоставляют нам такую возможность, поскольку политики вынуждены выходить за пределы отведённых политической культурой барьеров для ответа на вопросы, ставящиеся перед ними обществом. Совершенно очевидно, что представившийся на всеобщее обозрение уровень

культуры Дональда Трампа явился отражением того, что сегодня в движении к обретению адекватного культурного уровня, даже у президентов, причиной выступают не диктуемые внешними условиями требуемые требования, а требования внутренние, не необходимость, но свобода, не потребность, но интерес. Именно отсутствие у Д. Трампа культурного интереса обусловило возможность находящихся за пределами культуры предложений. Однако если нам уже представилась возможность понять, что система отбора политической элиты не требует наличия у претендента на самый высокий пост развитых культурных интересов, то нам ещё предстоит увидеть, насколько долго отсутствие таких интересов позволяет оставаться на таком посту.

Не только христианские ценности в их противопоставлении языческим оказываются востребованными для продуцирования адекватных ситуации пандемии культурных норм, но и научные – в их противопоставлении обыденным.

Серьёзным метаморфозам в условиях пандемии подверглась такая часть культурного сознания, как теоретическое мышление. Теоретические представления о COVID-19, транслируемые учёными, столкнулись с обыденным сознанием масс и были вынужденно адаптированы. Этому способствовал ряд обстоятельств, как традиционных, так и современных. К традиционным следует отнести реакцию масс на диспозицию правдоподобия и истины. Правдоподобие, которым удовлетворяются интересы обыденного сознания, оказывается предметом, более лёгким для массового потребления, нежели научное представление о предмете. Если бы было по-другому, то университетское образование и получение учёных степеней было бы массовым явлением. Практика же не только свидетель-

ствует об обратном, но и о том, что даже в научной среде можно потерять не только признание, но и степень за следование не истине, а правдоподобию.

В основе ложных новостей также лежит правдоподобие. Сознание современного массового человека настолько зависимо от правдоподобия, что этим пользуется создатели ложных новостей. Новости для того, чтобы привлечь массовую аудиторию, должны содержать сенсационность. Последняя не может базироваться только на истине, в противном случае мы были бы свидетелями ежедневно совершающихся открытий, каждое из которых оказывалось бы достойным Нобелевской премии. Прогресс при капитализме измерялся бы не накоплением капитала, а знаний. Окружающий нас мир базировался бы не на автократии или демократии, а меритократии, и правила бы нами не политики, а учёные. Однако даже в таких обстоятельствах находится место для учёного, роль которого сосредоточивается на борьбе с правдоподобием оружием истины. Хотя и выдерживают это не все: «Я с сожалением смотрю на последнюю запись Дженни Рон в научном блоге Гардиан, которой она вела: “Я заблуждалась. Нельзя победить ложные новости оружием научной коммуникации”» [14, р. 4].

Коронавирус как раз и выступил в роли сенсации, которая спровоцировала ряд правдоподобий. Одно из них выразилось в том, что вирус может быть результатом работы учёного, а не неосторожности торговца или потребителя продуктов из мяса диких животных. Медиа захлестнула волна правдоподобных версий «злого умысла», «военной разработки», «неосторожности учёного» и т.д. Несмотря на ряд публикаций, доказывающих естественное, а не искусственное происхождение вируса, общественное сознание взяло верх над теорети-

ческим мышлением, чему в немалой степени способствовали не только журналисты, но и врачи и политики, когда они склонялись к правдоподобию. Вплоть до сегодняшнего дня ряд важнейших медиаканалов, среди которых ведущие газеты и получившая в условиях самоизоляции дополнительную популярность информационная платформа Yandex, публикуют высказывания отдельных личностей, ставших символами эпохи коронавируса. А немногие научные публикации оказываются излишне сложными для массового понимания. Даже в случаях, когда новостные издания пытаются использовать научную информацию и адаптировать её для массового понимания, им это удаётся довольно редко. Например, когда «Lenta» попыталась взять на себя функции научного издания в вопросе о развенчивании искусственного происхождения вируса, то публикуемый текст из-за его плохо адаптированной для массового понимания сложности только усиливал сомнения: «Группа китайских учёных обнаружила, что необычные мутации, характерные для коронавируса SARS-CoV-2, встречаются в другом недавно идентифицированном вирусе, выделенном из диких летучих мышей. Это открытие опровергает миф, что возбудитель COVID-19 мог быть создан в лабораторных условиях» [8].

Далее следовало объяснение различий между вирусами: «Коронавирус RmYN02 был обнаружен среди 227 образцов, собранных в китайской провинции Юньнань в период с мая по октябрь 2019 года. Оказалось, что некоторые участки РНК-гена RmYN02 почти идентичны SARS-CoV-2. Например, в кодирующей белки области 1ab РНК обоих вирусов схожа на 97,2 процента. При этом в той части генома, что кодирует домен, связывающийся с человеческим рецептором ACE2, сходства не выявлено. Это значит, что

RmYN02 не способен заражать клетки человека в отличие от SARS-CoV-2» [8]. Для неискущённого в вирусной биологии человека если между двумя вирусами выявлено 97,2 процентное сходство и один заражает человека, а другой нет, довольно сложно освободиться от мысли, что 2,8 процента различий были внесены в вирусы не природой, а человеком. Не внушает оптимизма и применяемое новостной платформой сокращение *mythcorona* (мифкорона), которая включена в веб-адрес, ведущий к сравнению информации о вирусах.

Однако ещё более опасным является правдоподобие при столкновении с новым явлением, научное объяснение которого находится в стадии становления. Суть одного из них состояла в том, что не все медицинские работники, столкнувшиеся с COVID-19, могли научно верифицировать возникающие в связи с вирусом мифы и вовремя противопоставить им факты. Наиболее очевидным оказалось расхождение мнений по поводу роли, которую играет в связи с вирусом жаркая погода. Так, один из медийных докторов распространение вируса летом связал не с воздействием на жировую оболочку вируса высокой температуры, а с тем, что летом снижается восприимчивость людей к вирусам, так как летом мы менее восприимчивы к респираторным заболеваниям. Безусловно, доктора находятся на переднем крае борьбы с вирусом, но их роль нельзя переоценивать. На них, очевидно, возлагается значительная нагрузка в работе с населением, но основная их функция – это задействование в своей практике выработанных другими знаний. Они действительно находятся на переднем крае борьбы с вирусом, но только в той части, в которой вирус должен быть элиминирован при помощи данных им средств и технологий.

Разработка же средств и технологий, как и способов их применения, является уделом учёных. Именно они рассматривают вирус как научную проблему и используют науку для выработки комплекса мер по её решению. Нельзя утверждать, что доктора не принимают участие в научных исследованиях, информация об этом содержится в прессе, но факты их участия только подтверждают правило их привлечения как участников эксперимента, проводимого учёными. Так, Оксфордский центр тропической медицины, готовящийся к проведению клинического исследования по использованию антималярийных медикаментов в борьбе с COVID-19, в котором предполагается участие 40 000 человек, готов привлечь к нему докторов и медицинских работников из Англии для чистоты эксперимента, но считает невозможной победу над вирусом на основе врачебной практики. Именно учёные стоят во главе эксперимента. Их рекомендации являются наиболее ценными для населения, и в стремлении помочь они готовы пренебречь публичной этикой, но не здоровьем людей, свидетельством чему является речь одного из ведущих исследователей в области рака, HIV/AIDS и генома человека Вильяма Хаселтина (William Haseltine): «Не слушайте политиков, кто говорит вам, что вакцина будет готова к их переизбранью. Может быть, это будет так, но я хочу сказать, что выработка вакцины отличается от баскетбольного броска, меняющего счёт в игре ... всякий раз, когда люди пытались разработать вакцину – против Sars or Mers – она в конечном счёте не работала ... Разработанные ранее вакцины от других типов коронавируса не могли защитить слизистые оболочки носа, через которые вирус обычно проникает в тело». Учёный настаивает, что соблюдение дистанции, маски и

мытьё рук являются более эффективными средствами борьбы с вирусом.

Однако упрёк носителям массового сознания в ориентации на правдоподобие, а не на истину, которую учёные пытаются транслировать в массы, имеет и другое объяснение. Суть его состоит в том, что обладателями знания, в отличие от тех, кто его добывает, выступают не учёные, которые при капитализме относятся к классу *employee*, а класс *employer*, среди которых оказываются в первую очередь транснациональные корпорации, финансирующие исследования. Это обстоятельство и заставляет массового человека сомневаться, что прибыль и корпоративная этика как незыблемые основания корпораций вдруг уступят место чему-то иному и присваиваемые корпорациями знания будут использоваться не в интересах прибыли, а в общественных интересах.

В России среди публичных личностей, которым доверено транслировать информацию о коронавирусе на постоянной основе, оказываются политики. Однако доверие к транслируемой ими информации, особенно в условиях коронавируса, среди населения не возросло. А вот факт открытого и постоянного обращения врачей к населению посредством СМИ, как и сам отбор нескольких фигур из большого количества медиков, кто сегодня борется с вирусом, следует проанализировать в терминах диспозиции «истина – правдоподобие» более содержательно. Палитра тех, кому было предоставлено право голоса, отражает не структуру медицинского учреждения (от главврача до санитарки) или научного учреждения (от директора института до научного сотрудника), а скорее, структуру медиакорпорации со своими «якорями». Первым среди них является Александр Мясников – ведущий программы «Спасибо, доктор!». Поскольку доктор является одновременно главврачом и

постоянным ведущим программы, что довольно трудно совместить при одинаково серьёзном отношении к каждой из профессий, то его передача удивительным образом сочетает правдоподобие с истиной, и только приглашаемые учёные склоняют чашу весов передачи в сторону истины.

В качестве примера можно привести передачу от 1 июня 2020 года, когда правдоподобие спекуляций о вакцине и вакцинации было нарушено интервенцией руководителя лаборатории эпигенетики Института общей генетики имени Н. И. Вавилова Российской академии наук Сергея Львовича Киселёва [9]. С. Л. Киселёв, являясь серьёзным учёным, работы которого опубликованы в зарубежных журналах, ссылаясь на статистику и врачебную практику, рассказал, что из 100% заразившихся коронавирусом, только 50% переносят его тяжело и что именно для этих 50% необходима вакцинация. Учёный с первых же слов развеял правдоподобие того, что скорой является возможность создания вакцины, приводя научную аргументацию. Сложности с выработкой вакцины связаны с тем, что нет модельной системы для её испытания, то есть вакцину нельзя испытать на иных видах, кроме человека. От COVID-19 умирают только люди, обезьяны и хорьки только чихают и кашляют. Обращаясь к истории, С. Л. Киселёв сообщил, что на разработку вакцины против SARS-1, который также вызывается коронавирусом, ушло 10 лет. А SARS-2 (COVID-19) к тому же имеет свою специфику. Если SARS-1 приводил к расширению лёгких, то COVID-19 влияет на микроциркуляцию. Поэтому необходим системный подход, который бы включал серьёзный разбор случаев, моделирование, а также анализ задействованных рецепторов, нацеленность на определённые клетки, а также выбор «химии», которой можно «давить» вирус. Самое

надёжное средство сегодня – это изоляция и карантин.

Ещё одна проблема, которую обнажила пандемия, является культурный уровень человека, содержание его внутреннего мира. Именно человеческое содержание является культурной мерой всего сущего. Наиболее различимо в истории научной и философской мысли роль человека смог выразить Протагор: «Мера всех вещей – человек» [5, с. 152а]. Современные философы культуры не только не отвергают протагоровское толкование, но и развивают его применительно к своим исследовательским задачам. В частности, В. М. Межуев считает, что «для философа всё в мире, даже природа, исполнено человеческого смысла и содержания, существует, следовательно, как культура» [4]. Е. А. Подольская связывает с человеческим содержанием предметов и вещей их культурный смысл: «Материальные предметы, вещи, созданные человеком, включают в себя определённое человеческое содержание ... Духовное выступает не просто как само по себе культурное, но и как форма, канал, при помощи которого материально-вещественное, распрямечиваясь, обретает свой культурный смысл» [6, с. 155–156]. М. С. Каган и Ю. Н. Солонин предлагают видеть человеческое содержание через сознательность, воспитанность и креативность: «Среди наиболее важных характеристик субъекта культуры выступают сознательность (способность и потребность проявлять надприродные качества), воспитанность (сформированность по реально-идеальной культурной матрице) и креативность (умение производить “культурный продукт”, не уничтожая великие ценности прошлого, но, напротив, используя их в своих действиях)» [3, с. 88].

Поскольку человеческое содержание применительно к человеку связано с таким

понятием, как человеческий капитал, то будет продуктивным проанализировать, какое влияние пандемия оказала на принятие решений элитами, в которых бы учитывалась ценность человеческого капитала. Удивительным образом страны с авторитарными элитами и соответствующими формами правления, проявившимися в резко ограничительных мерах по отношению к своему населению (изоляция, социальная дистанция, пропуска на выход из дома, безусловное требование масочного и перчаточного режима), в своих действиях оказались более склонными к сохранению человеческого капитала, нежели страны с ярко выраженными демократически ориентированными элитами. Китай и Россия смогли сохранить больше человеческих жизней, нежели США, Швеция, Испания, Италия. Международная статистика, выводящая Россию на второе место после США по человеческим потерям, вряд ли может быть рассмотрена как объективная, так как не принимает во внимание плотность населения в местах наиболее высокой смертности. Большинство смертей в России пришлось на мегаполисы, критерии плотности населения в которых превосходят аналогичные в мегаполисах стран, с которыми сравнивалась Россия.

Скорее осознанно, чем нет – выбор российского правящего класса между сохранением экономики и человеческих жизней привёл к тому, что наша страна с менее развитой медицинской системой смогла сохранить больше людей, нежели страны с более высоким уровнем демократии и более развитой системой медицины. Особенно видимым примером выступает, когда правящий класс оказался менее решительным в задействовании ограничительных мер, что стоило большего количества человеческих жизней, чем это могло бы быть, явилась Швеция. Один из журналистов дал такую кар-

тину отличия действия шведских властей от датских: «Сравните шведские рекомендации с теми, которые датское правительство транслировало своим гражданам: “Отмените пасхальный обед! Отложите семейные визиты! Не ходите на экскурсии!”». Соответствующая рекомендация Агентства общественного здравоохранения Швеции гласила: “В преддверии праздников и Пасхи стоит обратить внимание на вопрос о том, необходимо ли осуществлять запланированные поездки по стране» [15]. Культурная сторона реакции на пандемию в Швеции проявилась не только в культуре политиков, но и в общенациональной культурной традиции, отражаемой словом *folkvett* (манеры). Однако перевод на другие языки *folkvett* не отражает всего многообразия значений, которые объединены в слове. *Folkvett* предполагает «моральное чувство, которым каждый гражданин должен обладать по определению, без того, чтобы его этому кто-то специально учил. В данном слове отражается качество, отсутствие которого каждый швед инстинктивно считает очень плохим тоном» [15]. Именно на наличии данного качества строилась реакция шведского премьер-министра на введение ограничений другими странами, которые шведы решили не вводить. Ему вторили ответственные работники здравоохранения: «Каждый гражданин несёт ответственность не распространять болезнь» [12, р. 4].

Вместе с тем последние инициативы российского правящего класса, выражающиеся в снятии ограничений, введённых в связи с тяжёлой санитарно-эпидемиологической ситуацией, свидетельствуют о коренном изменении приоритетов в дихотомии: «бизнес – человеческая жизнь» в пользу первого, а значит, и об изменении парадигмы в понимании ценности человеческого капитала. Несмотря на то, что ко-

личество болеющих вирусом в последнее время, согласно официальной статистике, стало снижаться, на сегодняшний день не разработаны ни лекарства, ни вакцина против коронавируса. Курс на возвращение к «нормальной жизни» в такой ситуации свидетельствует, что в качестве нормы здесь выступают экономические показатели, а приоритет сохранения человеческой жизни в ущерб экономике оказывается ненормальным. Какое же содержание в данном случае российский правящий класс вкладывает в понятие нормы? Очевидно, что не человеческое содержание. Отсюда в терминах культурфилософского подхода действия российского правящего класса не могут рассматриваться как культурно обусловленные, но вместе с тем «нормальные». Нормальность действий здесь определяется не фактом изменения тактики реакции на событие коронавируса (движением от изоляции от вируса в сторону экспозиции к нему, с последующей выработкой коллективного иммунитета), а стратегией подчинения человека капиталу в условиях капитализма.

Совершенно очевидно, что российский правящий класс рассматривает как норму приоритет экономики над человеческой жизнью. Философская позиция российской элиты не испытывает обусловленности и христианской традицией, где мерой человека оказывается Божья любовь. Напротив, её позиция выступает следствием философии американского бизнеса, где мерой человека является его способность приносить доход [11]. Отсюда можно заключить, что философия российского правящего класса в связи с коронавирусом не отличается последовательностью и мигрирует от безусловной ценности человека к капиталу как его мере. Анализ действий российской элиты в условиях коронавируса демонстрирует то, что

в приоритетах элиты давно удалось установить абсолютность капитала и относительность человека: «Придание капиталу абсолютности существования делает всё остальное относительным, в том числе и человека. Капитал движется к самому себе, усложняясь в формах и увеличиваясь в размерах, а человек являет собою только ступень в его развитии» [1, с. 83].

Если предпринятый выше анализ нормативной специфики правящего класса под воздействием событий, связанных с коронавирусом, позволяет констатировать её изменчивость, то и нормативная сторона межкультурной коммуникации также демонстрирует серьёзную динамику. Введённые различными странами запреты и ограничения на передвижение, требования соблюдения социальной дистанции и самоизоляции (в случае заболевания или контакта с потенциальным носителем вируса) способствовали формированию новых норм, несоблюдение которых имеет не только административные, но и культурные санкции. Данные нормы не являются культурными в том смысле, которым культурологи наделяют коммуникацию с представителями иной культуры, своего и иного гендера или межпоколенческой коммуникации. Культурность данных норм возникает пока только от обратного, то есть от культурных санкций в случае их несоблюдения. Так, широкий резонанс в медиа вызвал видеоролик, выложенный на Facebook водителем автобуса из Детройта Джейсоном Харгроу (Jason Hargrove). В видео водитель запечатлел чихающую рядом женщину, которая не только не имела маски, но и не прикрывала ладонью лицо. Видео было сопровождено словами: «Это говорит о том, что некоторым людям абсолютно всё равно!» [11, р. 3]. Видео стало мемом культурного осуждения поведения тех, кому «всё равно» после

того, как через две недели водитель умер от коронавируса.

Сегодня уже совершенно ясно, что науке о культуре придётся предпринять серьёзную работу не только по описанию фактов межкультурных коммуникаций с использованием требуемых медицинскими системами разных стран средств защиты (масок и перчаток), но и задаться более общими вопросами о нормах, скажем, рукопожатия и сокрытия под маской части своего лица. И если в России не следует ожидать напряжённости в вопросе о культурном санкционировании ношения маски в публичных местах, то Европа и Америка окажутся в более сложном положении. Ряд Европейских стран, столкнувшись с проблемами, принесёнными к ним новым потоком миграции из Ближнего Востока, законодательный запрет на ношение женщинами бурки в публичных местах обосновывал культурными нормами, свойственными европейской традиции не сокрытия своего лица. Заставляя женщин, с которых вчера были сняты бурки, сегодня закрывать лицо масками, европейцам вряд ли удастся подвести под это какую-то культурную традицию, кроме страха перед вирусом. Сейчас им нужно будет объяснить мигрантам, что нормы сохранения тела в Европе всегда доминируют над нормами сохранения духа. В Америке же проблема ношения масок уже сейчас сталкивается с негативной традицией дискриминации чёрного населения белым. Чёрный американец, у которого закрыто лицо, вряд ли будет вызывать положительные эмоции у тех белых, кто к нему уже и так относился с недоверием. Особенно выпуклой данная проблема обещает стать в связи с прокатившимися по Америке волнениями, вызванными расистскими действиями полиции, которые периодически приводят к гибели афроамериканцев.

Ещё одной проблемой, которая демонстрирует под влиянием коронавируса ранее нефиксируемые грани своего формирования и проявления, оказывается представленность в культурной норме традиционного и новационного. В науке о культуре достаточно хорошо изучено, как традиции и новации характеризуют общества, в которых они возникают и функционируют. То, что Россия относится к традиционным обществам, доказывается не только её историей, но и современным состоянием. Одним из свидетельств этого является лексика разнообразных программ развития страны, в которых выражаются требования «модернизации», «инноваций», «творческой инициативы», «качественного обновления личности» и т.д.

В «Основах государственной культурной политики» указывается на необходимость «планомерных и последовательных инвестиций в человека и качественное обновление личности», которые в прошлом «были явно недостаточными» [7, с. 6].

Вышеизложенное как раз и является свидетельством того, что Россия, достаточно хорошо утвердившись как традиционное общество, и сейчас на шкале «традиционное – новое» стремится как можно ближе продвинуться к новому.

Нацеленность российского правящего класса в данном случае абсолютно обоснованна, так как «представитель традиционной культуры в процессе своей жизнедеятельности просто извлекает из совокупного “культурного архива” предусматриваемый для тех или иных конкретных обстоятельств определённый шаблон и воспроизводит его без всяких колебаний. В таких обществах на все случаи жизни существуют уже готовые поведенческие и смысловые стереотипы. То, что не укладывается в них, либо отвергается, либо игнорируется, выпая-

дая полностью или частично из “культурного зрения”» [2, с. 179].

Россия на момент пандемии, оставаясь всё ещё преимущественно традиционным обществом, должна была бы транслировать своим гражданам нормы, основанные на шаблонах, укоренённых в прошлом. Частично это можно было констатировать в том, как требования властей транслировались в общество и какие методы контроля их соблюдения избирались. Однако содержание мер, принятых страной, в частности самоизоляция, явились на удивление инновационными. Даже такие страны, как Дания, не рассматривали возможность изоляции граждан, придерживаясь традиции. Датский учёный Свенн-Эрик Мамеланд (Svenn-Erik Mamelund), будучи членом комитета Всемирной организации здравоохранения (World Health Organization) по немедицинским интервенциям в условиях пандемии, свидетельствовал, что его комитет не рассматривал «изоляцию даже в случае самого неблагоприятного сценария» [18, р. 3]. Изоляция, маски и перчатки стали в России не только медицинской, но и культурной нормой, которая базировалась не на традиции, а на абсолютно новом подходе к адресации пандемии.

Поскольку в культурологии с инновациями связывается «способность человека отражать действительность, трансформировать свои поступки согласно возникающим изменениям, вносить элемент новизны, то инновации напрямую зависят от индивида, от его способностей к творческой активности, а также от возможностей общества воспринимать, интегрировать и адаптировать результаты такой активности» [2, с. 180]. Следовательно, либо Россия оказывается более инновационной страной, нежели Дания, либо традиционные общества способны придавать культурное со-

держание новым нормам быстрее, нежели инновационные.

Пандемия извлекает из арсенала представлений о культуре такие, в которых отражаются её существенные качества, нацеленные на сохранение и нормирование, нежели на творчество и разнообразие. Актуализируется ценность научной составляющей культуры как универсального способа ответа человечества на вызовы пандемии. В условиях, когда не соответствующее санитарным нормам поведение, такое как игнорирование ношения маски и перчаток, способно нанести серьёзный вред здоровью окружающих, отступающие от норм индивидуумы попадают не только под административное, но и под культурное санкционирование. Ценность научной ис-

тины выступает критически востребованной для сохранения общественной консолидации, отодвигая на время такие консолидирующие общество формы общественного сознания, как религия. В диспозиции «истина – правдоподобие» безусловную культурную ценность приобретает истина. Правдоподобные версии событий, которые в обычных условиях способны оказывать митигирующее воздействие на психику, способствуя психологической разгрузке, в условиях пандемии оказываются разрушительными. Пандемия ярче проявляет социальные различия и показывает, что решения по ключевым вопросам как профессиональной, так и повседневной жизни находятся исключительно в арсенале правящего класса.

Примечания

1. Гертнер С. Л., Китов Ю. В. Человеческий капитал как культурфилософская проблема // Вестник культуры и искусств. 2017. № 2 (50). С. 78–86.
2. Китов Ю. В. Человек интересующийся : монография. Москва : МГУКИ, 2001. 255 с.
3. Культурология : учебник / под ред. Ю. Н. Солонина, М. С. Кагана. Москва : Высшее образование, 2005. 566 с.
4. Межуев В. М. Культурная функция философии // Философские науки. 2008. № 1. С. 10–24.
5. Платон. Тезетт. (152а). Диалоги Платона [Электронный ресурс]. URL: <http://psylib.org.ua/books/plato01/22teate.htm#s15>
6. Подольская Е. А. Социальная философия : учебник. Харьков : НУА, 2009. 544 с.
7. Основы государственной культурной политики : утверждены Указом Президента РФ от 24.12.2014 N 808 [Электронный ресурс] : [веб-сайт]. URL: static.kremlin.ru/media/events/files/41d526a877638a8730eb.pdf
8. Раскрыто истинное происхождение коронавируса [Электронный ресурс] // Лента.ру : [веб-сайт]. Электрон. дан. 12 мая 2020 года. URL: <https://lenta.ru/news/2020/05/12/mythcorona/>
9. Соловьёв LIVE. Спасибо, доктор! / Мясников / Коронавирус / Ответы на вопросы / Выпуск 45 01.06.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://yapolitic.ru/9936-solovev-live-spasibo-doktor-myasnikov-koronavirus-otvety-na-voprosy-vypusk-45>
10. Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика. Москва : Юнити-Дана, 2002. 420 с.
11. Beckett L. (2020) Detroit Bus Driver Dies of Coronavirus After Posting Video About Passenger Coughing. *The Guardian*. April 3 : 3. (In English)
12. Brueck H. (2020) Sweden's Gamble on Coronavirus Herd Immunity Couldn't Work in the US – And It May Not Work in Sweden. *Business Insider*. May 2 : 4. (In English)
13. Ernesto Ottone R. UNESCO. Available at: <https://en.unesco.org/covid19/cultureresponse> (In English)
14. Fox F. (2018) Scientists Must Keep Fighting Fake News, Not Retreat to Their Ivory Towers. *The Guardian*. September 3 : 4. (In English)
15. Löfgren E. Sweden's Coronavirus Strategy Is Clearly Different to Other Countries so Who Should People Trust? Available at: <https://www.thelocal.se/20200327/sweden-the-coronavirus-is-unknown-territory-for-most-of-us-no-matter-where-were-from> (In English)

16. Noor P. (2020) Please Don't Inject Bleach': Trump's Wild Coronavirus Claims Prompt Disbelief. *The Guardian*, April 24 : 1. (In English)
17. Oltermann P. (2020) Merkel Announces Plans to Reopen Schools and Shops in Germany. *The Guardian*, April 15 : 3. (In English)
18. Spinney L. (2020) Inequality Doesn't Just Make Pandemics Worse. *The Guardian*, April 12 : 3. (In English)

References

1. Gertner S. L., Kitov Yu. V. Human capital as Cultural-Philosophical Problem. *Culture and Arts Herald*. 2017, no. 2 (50), pp. 78–86. (In Russian)
2. Kitov Yu. V. *Chelovek interesuyushchiysya [Human Interested]*. Moscow, Publishing House of the Moscow State University of Culture and Arts, 2001. 255 p. (In Russian)
3. Solonin Yu. N., Kagan M. S., eds. *Kul'turologiya [Culturology]*. Moscow, Vysshaya Shkola Publishers, 2005. 566 p. (In Russian)
4. Mezhuiev V. M. Cultural Function of Philosophy. *Filosofskie nauki [Philosophical Sciences]*. 2008, no. 1, pp. 10–24. (In Russian)
5. Platon. *Teetet. (152a). Dialogi Platona [Teetet. (152a). Dialogues of Plato]*. Available at: <http://psylib.org.ua/books/plato01/22teate.htm#s15> (In Russian)
6. Podol'skaya E. A. *Sotsial'naya filozofiya [Social Philosophy]*. Kharkov, Publishing House of the Kharkov University of Humanities People's Ukrainian Academy, 2009. 544 p. (In Russian)
7. *Osnovy gosudarstvennoi kul'turnoi politiki: utverzhdeny Ukazom Prezidenta RF ot 24.12.2014 N 808 [Fundamentals of State Cultural Policy Approved by Presidential Decree of 24.12.2014 N 808]*. Available at: static.kremlin.ru/media/events/files/41d526a877638a8730eb.pdf (In Russian)
8. *Raskryto istinnoe proiskhozhdenie koronavirusa [Revealed the True Origin of the Coronavirus]*. Available at: <https://lenta.ru/news/2020/05/12/mythcorona/> (In Russian)
9. Solovyev LIVE. *Spasibo, doktor! / Myasnikov / Koronavirus / Otvety na voprosy / Vypusk 45 01.06.2020 [Soloviev LIVE. Thank you Doctor! / Myasnikov / Coronavirus / Questions Answered / Issue 45 06/01/2020]*. Available at: <https://yapolitic.ru/9936-solovev-live-spasibo-doktor-myasnikov-koronavirus-otvety-na-voprosy-vypusk-45> (In Russian)
10. Fisher S., Dornbush R., Shmalenzi R. *Ekonomika [Economy]*. Moscow, Unity-Dana Publishing House, 2002. 420 p. (In Russian)
11. Beckett L. (2020) Detroit Bus Driver Dies of Coronavirus After Posting Video About Passenger Coughing. *The Guardian*. April 3 : 3. (In English)
12. Brueck H. (2020) Sweden's Gamble on Coronavirus Herd Immunity Couldn't Work in the US – And It May Not Work in Sweden. *Business Insider*. May 2 : 4. (In English)
13. Ernesto Ottone R. *UNESCO*. Available at: <https://en.unesco.org/covid19/cultureresponse> (In English)
14. Fox F. (2018) Scientists Must Keep Fighting Fake News, Not Retreat to Their Ivory Towers. *The Guardian*. September 3 : 4. (In English)
15. Löfgren E. *Sweden's Coronavirus Strategy Is Clearly Different to Other Countries so Who Should People Trust?* Available at: <https://www.thelocal.se/20200327/sweden-the-coronavirus-is-unknown-territory-for-most-of-us-no-matter-where-were-from> (In English)
16. Noor P. (2020) Please Don't Inject Bleach': Trump's Wild Coronavirus Claims Prompt Disbelief. *The Guardian*, April 24 : 1. (In English)
17. Oltermann P. (2020) Merkel Announces Plans to Reopen Schools and Shops in Germany. *The Guardian*, April 15 : 3. (In English)
18. Spinney L. (2020) Inequality Doesn't Just Make Pandemics Worse. *The Guardian*, April 12 : 3. (In English)

*

ПАНДЕМИЯ COVID-19 И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА МИРОВУЮ ТУРИСТИЧЕСКУЮ ИНДУСТРИЮ

УДК 008:338.48

DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10212

С. А. Буторов

Российский государственный университет туризма и сервиса

В статье рассматриваются вопросы, связанные с анализом последствий коронавирусной инфекции, которая оказала крайне негативное влияние на международную туристическую отрасль. Автор приводит обширный фактологический материал, характеризующий масштабность и глубину разразившегося кризиса. Особое внимание уделяется рассмотрению состояния, в котором оказался отечественный туристический бизнес. Отмечается, что одной из ключевых мер вывода отрасли из кризисного состояния является развитие внутреннего туризма. Автор обосновывает недопустимость попыток со стороны ряда стран Запады политизировать глобальную проблему. Такого рода попытки могут привести мировое сообщество к непредсказуемым последствиям, в том числе в сфере международного туризма. Выводы в статье свидетельствуют о том, что преодоление последствий пандемии будет способствовать решению других глобальных проблем современности – в области экономики, экологии, социальной и гуманитарной сферах.

Ключевые слова: пандемия, коронавирусная инфекция, кризис, новые угрозы и вызовы, глобальные проблемы, туристическая отрасль, мировое сообщество, противостояние, минимизация.

Sergey A. Butorov

The Russian State University of Tourism and Service (RSUTS), Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultury), Glavnaya Str., 99, 141221, Cherkizovo Settlement, Moscow Region, Russian Federation

COVID-19 PANDEMIC AND ITS IMPACT ON THE GLOBAL TOURISM INDUSTRY

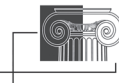
The article discusses issues related to the characterization and analysis of the consequences of coronavirus infection, which had an extremely negative impact on the international tourism industry. The author provides extensive factual material characterizing the magnitude and depth of the crisis that erupted. Particular attention is paid to the consideration of the state in which the domestic tourism business has found itself. It is noted that one of the key measures to remove the industry from the crisis is the development of domestic tourism. The author substantiates the inadmissibility of attempts by a number of Western countries to politicize the global problem. Such attempts can lead

БУТОРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ – доктор философских наук, профессор Института сервисных технологий Российского государственного университета туризма и сервиса

BUTOROV SERGEY ALEKSEEVICH – DPhil, Professor, the Institute of Service Technologies, the Russian State University of Tourism and Service (RSUTS)

e-mail: Sergeybutorov@gmail.com

© Буторов С. А., 2020

the world community to unpredictable consequences, including in the field of international tourism. The conclusions in the article indicate that overcoming the consequences of the pandemic will contribute to solving other global problems of our time – in the fields of economics, ecology, social and humanitarian spheres.

Keywords: pandemic, coronavirus infection, crisis, new threats and challenges, global problems, tourism industry, world community, confrontation, minimization.

Для цитирования: Буторов С. А. Пандемия COVID-19 и её влияние на мировую туристическую индустрию // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 2 (94). С. 116–125. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10212

Пандемия коронавируса – первое по своим масштабам и катастрофическим последствиям бедствие, которое обрушилось на международное сообщество после окончания Второй мировой войны. Эпидемия нанесла невосполнимые потери мировой туристической отрасли. Аналитики и эксперты пока не могут дать даже предварительных расчётов этого урона. «С экономической точки зрения, – пишет профессор Стэнфордского университета Ф. Фукуяма, – затяжной кризис будет означать ещё больше банкротств компаний, а также разрушительные последствия для туристической индустрии, торговых центров и различных сетей» [19].

COVID-19 и вызванные им последствия стали предметом исследования для представителей российской и зарубежной научной и общественно-политической мысли [см.: 8; 12; 15; 19; 24; 25]. Лидерами ведущих стран мира практически в начальной стадии распространения коронавируса были предприняты практические шаги, направленные на локализацию и ликвидацию её очагов, а также на разработку вакцины от опасной инфекции. В мае 2020 года премьер-министр Великобритании Б. Джонсон пригласил Президента Российской Федерации В. В. Путина принять участие в работе третьего Глобального саммита по вакцинам, который прошёл в Лондоне в онлайн-формате. В апреле 2020 года Россия направила

в США гуманитарную помощь для борьбы с коронавирусом (медицинское оборудование и защитные маски). В мае 2020 года с американской стороны последовал ответный дружественный акт – в Россию были доставлены 200 аппаратов для искусственной вентиляции лёгких. Договорённость об оказании этой помощи была достигнута между лидерами России и США В. В. Путиным и Д. Трампом.

Масштабы эпидемии, стремительность её распространения, число жертв и инфицированных, её способность нанести непоправимый ущерб мировой экономике говорят о том, что человечество вступило в эпоху глобальных катастроф, новых угроз и вызовов. Понятие «вызов» ввёл в научный оборот английский историк А. Тойнби.

Исследуя историю человеческих цивилизаций, он пришёл к выводу, что выживание или гибель каждой из них стали результатом того, как они отреагировали на новую для себя проблемную ситуацию (вызов). Развитие цивилизации определяется тем, способно ли творческое меньшинство находить ответы на вызовы природного мира и человеческой среды. А. Тойнби выделяет следующие типы вызовов: вызов сурового климата; вызов новых земель; вызов внезапных ударов от соседних обществ; вызов постоянного внешнего давления и вызов ущемления, когда общество, утратив нечто жизненно важное, направляет свою энергию

гию на выработку свойств, возмещающих потерю [16]. В период разработки А. Тойнби теории «Вызова – Ответа» в середине прошлого столетия человечество ещё не стояло на пороге подобной катастрофы.

Коронавирусная эпидемия обернулась для мировой туристической индустрии огромными потерями. По оценкам Всемирного совета по туризму и путешествиям (World Travel & Tourism Council, WTTC, англ. – С. Б.), на основании имеющегося опыта после эпидемий 2002 года (тяжёлый острый респираторный синдром) и 2009 года (свиной грипп) ущерб от пандемии для мирового сообщества может составить порядка 22 млрд. долл. США [17].

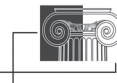
Италия – одно из наиболее пострадавших от пандемии коронавируса государств. По данным Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека в России (Роспотребнадзор), на июнь в этой стране было зарегистрировано 233,8 тыс. заражённых COVID-19; 33,6 тыс. человек скончались, однако к началу лета власти Италии практически полностью сняли ограничения, введённые в период распространения коронавирусной инфекции. Разрешено беспрепятственное перемещение внутри страны. Открыты границы для гостей из стран Европы без соблюдения двухнедельного карантина. Возобновлены международные перелёты в аэропортах Рима, Милана и Неаполя [4]. Между тем в повседневной жизни как самих итальянцев, так и туристов из зарубежных стран ещё остаётся ряд обязательств и ограничений, направленных на сдерживание распространения коронавируса.

Франция также понесла серьёзный урон от коронавируса. В период пандемии в стране заразились коронавирусом более 160,4 тыс. человек, из них 29,6 тыс. умер-

ли [20]. В конце июня Франция приступила к третьему этапу отмены ограничений, введённых в стране в связи с пандемией. Французские власти настоятельно рекомендуют своим согражданам провести летний сезон 2020 года, не покидая страны. Внутренний туризм призван пополнить в первую очередь казну гостиничного бизнеса, понёсшего большие финансовые потери в связи с отсутствием туристов в период карантина. Зарубежные маршруты пока ограничены странами ЕС и Великобританией.

Пандемия COVID-19 внесла коррективы и в туристскую индустрию Китая. Наиболее заметными тенденциями являются рост популярности внутреннего туризма и экотуризма; экскурсии по предварительному заказу; приоритет санитарной безопасности и гигиены; развитие «облачного туризма». Зарубежные направления пока остаются невостребованными. В стране приобретает популярность внутренний туризм, в первую очередь турпродукты, связанные с природой и пребыванием на свежем воздухе. Введённый режим предварительного бронирования может стать для объектов показа постоянным, так как позволяет осуществлять мониторинг и контролировать турпотоки в целях безопасности эпидемиологической обстановки. Эпидемиологическая безопасность и защита здоровья стали главными требованиями к объектам турсервиса и гостеприимства у китайских туристов, что может потребовать от туроператоров изменить свои стандарты защищённости и гигиены. Широкое распространение за время карантина получил «облачный туризм», который позволил привлечь молодое поколение к туристическим зонам и объектам Китая посредством онлайн-трансляций, AR-, VR-инструментов и видеочатов [5].

По данным Ассоциации туроператоров России, в феврале 2020 страна рассчитыва-

ла принять 45 тыс. китайских путешественников и заработать на них 45 миллионов долл. США; на такую же сумму рассчитывали и в марте. Убытки туроператоров от аннулированных туров только по четырём направлениям (Китай, Италия, Южная Корея и Иран) составили порядка 2 млрд. руб. [1].

Пандемия затронула весь азиатский туристический рынок. По данным Организации экономического сотрудничества и развития (The Organisation for Economic Cooperation & Development, OECD, англ. – С. Б.), китайские туристы составляют более 30 процентов иностранных туристов, посещающих Вьетнам и Японию. В последнее время с уменьшением числа китайских туристов туристический доход многих стран будет значительно падать. Согласно данным Управления по туризму Таиланда, в феврале из-за эпидемии число туристов, посещающих Таиланд, сократилось на 44,3 процента в годовом исчислении. По информации Бюро по туризму правительства Японии, в дополнение к китайским туристам, количество европейских и американских туристов также будет уменьшаться [8]. Чтобы завоевать доверие у путешественников, в Турции была введена сертификация на безопасность от коронавируса. Она коснулась отелей, авиакомпаний, транспорта, ресторанов, музеев и других сфер деятельности, которые связаны с туризмом. Туристические объекты обязаны обеспечивать социальное дистанцирование, регулярно проводить дезинфекцию, проверять здоровье сотрудников и выдавать им средства индивидуальной защиты [3].

Катастрофическими последствиями для туристического бизнеса обернулась приостановка авиаперевозок. По данным Международной ассоциации воздушного транспорта (International Air Transport Association, IATA, англ. – С. Б.), убытки ми-

ровых авиакомпаний составят порядка 84,3 млрд. долл. США [18]. Потери авиакомпаний России из-за коронавируса превысят 70 млрд. руб. [6].

По данным Всемирного совета по путешествиям и туризму, из-за глобальной пандемии COVID-19 до 50 миллионов рабочих мест в секторе путешествий и туризма находятся под угрозой сокращения; около 1,1 миллиона – в России [7].

В июне 2020 года Еврокомиссия опубликовала список из 14 стран, гражданам которых с 1 июля разрешён въезд в Европейский союз. Кроме того, ЕС готов открыть границы для граждан Китая, но при условии, что китайские власти предложат взаимное соглашение для путешественников ЕС. В то же время Европейский союз пока не намерен открывать границы для граждан США, Бразилии и России.

Коронавирус нанёс колоссальный урон отечественному турбизнесу. В феврале 2020 года Ассоциация туроператоров заявила об ущербе в размере 27 млрд рублей. Пандемия вызвала прежде всего падение доходности гостиничного комплекса. Ситуация усугубляется тем, что у гостиниц добавилась дополнительная статья расходов. По распоряжению Роспотребнадзора, чтобы уберечься от коронавируса, их владельцы должны были нанять дополнительный медперсонал, выделив для него оборудованное помещение, а также выполнить ряд других дополнительных мер.

Кризис в туристической отрасли 2020 года усугубляется также тем, что отдыхающие не просто аннулируют будущие путёвки, но стремятся освободиться от них. Аннулируются поездки до конца года. Туроператоры вынуждены возвращать клиентам огромные деньги, в том числе те, которые уже пошли в счёт оплаты проживания в гостинице. По оценкам руководства Ассоциа-

ции туроператоров России, в 2020 году примерно 30 процентов отечественных туркомпаний и турагентов уйдут с рынка [14].

Правительство России предприняло ряд практических мер, направленных на минимизацию убытков в туристической индустрии. В июне 2020 года, согласно указу Президента России, Федеральное агентство по туризму (Ростуризм) было передано из ведения Министерства экономического развития Российской Федерации под прямое руководство Правительства России. Переподчинение Ростуризма напрямую кабинету министров свидетельствует о росте значимости туристической отрасли для российской экономики.

В 2020 году туроператоры были освобождены от обязательных взносов в резервный фонд «Турпомощь». Та часть из них, которая не переносит сроки уплаты взносов в фонды персональной ответственности (ФПО), может его задействовать для выплат туристам, а также воспользоваться правом переноса взносов в ФПО на 2021 год. Отрасль получит 850 млн. руб. на исполнение обязательств перед туристами [9]. 25 мая 2020 года Председатель Правительства России М. В. Мишустин анонсировал постепенное снятие ограничений для российского туризма начиная с 1 июня.

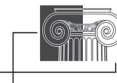
В июне 2020 года Председатель Правительства России М. В. Мишустин заявил о готовности страны к открытию туристического сезона, несмотря на потери, которые были нанесены ограничительными мерами в связи с пандемией коронавирусной инфекции. Туризм остаётся одной из отраслей государства, на которую возлагаются большие надежды. При этом глава правительства указал на необходимость создания качественной туристической инфраструктуры, а также контроля уровня цен. Российская высшая исполнительная власть для

вывода отрасли из коронавирусного кризиса по примеру зарубежных стран взяла курс на развитие внутреннего туризма. Ростуризму, туроператорам и перевозчикам поставлена задача запустить новые внутренние маршруты по таким направлениям, как Калининградская область, Республика Хакасия, озеро Байкал и Горный Алтай [10].

Названные в распоряжении правительства туристические направления имеют недостаточно развитую инфраструктуру. В России по-прежнему существует проблема качественного отдыха, который пока не в состоянии предоставить местный бизнес и региональные органы исполнительной власти. Нехватка отелей всех уровней, услуг питания и сервиса, отсутствие разветвлённой дорожной сети, транспортные проблемы, малое количество средств коллективного размещения экономичной и средней ценовой категории с современным уровнем комфорта – лишь часть проблем, которые препятствуют развитию внутреннего туризма.

Выбор Республики Хакасия как одного из субъектов развития внутреннего туризма обусловлен тем, что регион располагает огромным потенциалом. Хакасия имеет колоссальное культурно-историческое и природное наследие, а также возможности для активного летнего и зимнего отдыха. Однако на начало 2018 года среди субъектов Российской Федерации республика занимала 60-е место по удельному весу автомобильных дорог с усовершенствованным покрытием [11]. Согласно Национальному рейтингу въездного туризма, в 2019 году Хакасия занимала 57-ю позицию в России [21]. В то же время Хакасия входит в тройку самых неблагополучных регионов России в антинаркотическом рейтинге [22].

Развитие внутреннего туризма в России не представляется возможным без ре-

шения острых социально-экономических проблем. В любой стране доступность граждан к отдыху и развлечениям определяется уровнем их доходов. Сегодня на одного россиянина приходится в среднем примерно 0,4 поездки в год. В государствах, которые считаются лидерами по туризму, граждане в течение года совершают пять-семь путешествий [23]. Как нам представляется, в настоящее время значительная часть россиян не могут позволить себе даже одну поездку в год.

Преодоление мировым сообществом пандемии может усугубиться тем, что Соединённые Штаты Америки, наиболее пострадавшие от последствий коронавируса, практически в начальной стадии его распространения в мировом масштабе взяли курс на политизацию проблемы. Политическое руководство США выдвинуло прямые обвинения в адрес Китая, который якобы предоставлял международному сообществу недостоверную информацию о масштабах эпидемии и занижал её опасность для других стран. Официальный Вашингтон разрабатывает долгосрочный план действий против Пекина, который может включать новые санкции. В числе рассматриваемых мер – санкции, аннулирование американских долговых обязательств, а также разработка новой торговой политики [27]. В мае 2020 года Д. Трамп пригрозил окончательно прекратить финансирование Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), мотивируя свои действия тем, что организация-де допустила ошибки, которые оказались «чрезвычайно дорогостоящими для всего мира» [28]. В мае 2020 года Австралия и страны ЕС выступили с инициативой расследования источника происхождения и распространения коронавируса. Эта идея была поддержана более 120 государствами, в том числе Россией.

Поиск виновного, попытки придать проблеме политический характер никак не будут способствовать её решению. Нет оснований говорить о том, что коронавирус был «кем-то вброшен», заявил в июне 2020 года Президент России В. В. Путин. По его словам, мировому сообществу необходимо сотрудничать для того, чтобы эффективно препятствовать распространению вируса [2].

В академически спокойном тоне выдержана статья о последствиях коронавируса патриарха международной дипломатии, бывшего Государственного секретаря США Г. Киссинджера, опубликованная в апрельском номере издания «Уолл-стрит джорнал». «Тысячелетний вопрос о легитимности и власти невозможно решать одновременно с попыткой преодоления чумы COVID-19, – отмечает Г. Киссинджер. – Необходима сдержанность со всех сторон – и во внутриполитической жизни, и в международной дипломатии» [26].

В заключение полагали бы целесообразным сделать некоторые выводы. Коронавирусная пандемия со всей убедительностью продемонстрировала, насколько уязвимой и незащищённой от новых угроз и вызовов оказалась мировая цивилизация. Нельзя исключить возникновения и прихода новых эпидемий. COVID-19 стал ещё одним напоминанием, что мировое сообщество призвано решать порождённые им же самим глобальные проблемы.

Коронавирусный кризис вызвал крупнейшую волну увольнений в структурах, связанных с туристической отраслью. Со значительной долей уверенности можно предположить, что после преодоления международным сообществом последствий пандемии мир придёт к осознанию необходимости поиска решений, способствующих минимизации экономических и финансо-

вых рисков в случае повторения подобных катастроф, в том числе в туристической индустрии.

Ведущие туристические державы мира, преодолевая последствия пандемии, активно реализуют возможности внутреннего туризма. Россия не стала исключением. Полагаем, что преодоление последствий эпидемии будет способствовать поиску путей стимулирования развития региональных социально-экономических систем, в том числе внутреннего туризма.

В настоящее время существует социальный заказ государства на патриотическое воспитание граждан России. На наш взгляд, туристическая отрасль способна внести су-

щественный вклад в решение этой задачи. В стране не реализуются в полной мере возможности историко-культурного туризма, историческая среда большинства российских городов находится в кризисном состоянии. Во многих регионах памятники истории и культуры нуждаются в реставрации и восстановлении.

Пандемия будет способствовать решению застарелых проблем мирового сообщества – экономических, демографических, гуманитарных. Между тем сегодня пока преждевременно делать футурологические прогнозы. Аналитики и эксперты не исключают наката второй волны коронавирусной эпидемии.

Примечания

1. Андриянова А. Как эпидемия коронавируса повлияла на сферу туризма [Электронный ресурс]. URL: <https://www.biletik.aero/handbook/blog/kak-epidemiya-koronavirusa-povliyala-na-sferu-turizma/>
2. «Важно понять суть»: Путин рассказал о происхождении коронавируса [Электронный ресурс]. URL: <https://news.rambler.ru/politics/44415297-vazhno-ponyat-sut-putin-rasskazal-o-proishozhdenii-koronavirusa/>
3. Иванова А. Как изменится туризм в Турции из-за коронавируса [Электронный ресурс]. URL: <https://profi.travel/articles/45690/details>
4. Италия почти полностью сняла все ограничения для туристов и граждан страны [Электронный ресурс]. URL: <https://tourism.interfax.ru/news/articles/70549/>
5. Каким путём пойдёт туристическая индустрия Китая после пандемии [Электронный ресурс]. URL: <https://visit-russia.ru/news/kakim-putempoydet-turindustriya-kitaya-posle-pandemii>
6. Как компании могут сократить убытки [Электронный ресурс]. URL: <https://rbc.ru/business/13/03/2020/5e6a5f039a7947302d6e5ae4>
7. Коронавирус может лишить работы 50 миллионов человек в сфере туризма [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200313/1568575417.html>
8. Линджинг Гуо. Мировая экономика и влияние на неё новой коронавирусной инфекции // Молодой учёный. 2020. № 16 (306). С. 258–263. URL: <https://moluch.ru/archive/306/69015/>
9. Меры Правительства РФ по борьбе с коронавирусной инфекцией и подготовке экономики [Электронный ресурс]. URL: http://government.ru/support_measures/
10. Мишустин заявил о готовности России к открытию туристического сезона [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/08/06/2020/5eddf30b9a7947e7bb3e37ab>
11. Основные результаты деятельности дорожно-транспортного комплекса Республики Хакасия в 2017 году [Электронный ресурс]. URL: <https://r-19/ru/authorities/ministry-of-transport-and-roads-of-the-republic-of-khakassia/docs/5949/55319.html>
12. Прокопенко И. С. Коронавирус. Вирус-убийца. Москва : Эксмо-Пресс, 2020. 224 с.
13. Птичий, свиной и новый. Чему научила прошлая пандемия [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200312/1568487650.html>
14. Смирнова Ю. Идеальный шторм на туристическом рынке [Электронный ресурс]. URL: <https://www.msk.kp.ru/daily/27109/4185114>

15. Солдатова С. С., Пивкина К. Р. Экономические последствия пандемии «COVID-19» для России // StudNet. 2020. № 2.
16. Тойнби А. Дж. Постижение истории. Москва : Академический проект, 2019. 802 с.
17. Туристический бизнес и коронавирус [Электронный ресурс]. URL: <https://blooster.online/stati/turisticheskij-biznes-i-koronavirus.html>
18. IATA: убытки мировых авиакомпаний в 2020 году составят рекордные \$ 84,3 млрд. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8688099>
19. Фукуяма Ф. Государство, социальное доверие и лидерство – Россия в глобальной политике [Электронный ресурс]. URL: <https://hvylya.net/analytics/210203-gosudarstvo-socialnoe-doverie-i-liderstvo>
20. Франция сняла очередную серию ограничений, начав третью фазу отмены карантина [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8783907>
21. Хакасия улучшила свои позиции в Национальном рейтинге въездного туризма [Электронный ресурс]. URL: <https://pulse19-ru.turbopages.org/s/pulse19.ru/21216-hakasija-uluchshila-svoi-pozicii-v-nacionalnom-rejtinge-vezdnogo-turizma/>
22. Хакасия вошла в тройку самых неблагополучных регионов в антинаркотическом рейтинге [Электронный ресурс]. URL: <https://pulse19-ru.turbopages.org/s/pulse19.ru/20822-hakasija-voshla-v-trojku-samyh-neblagopoluchnyh-regionov-v-antinarkoticheskom-rejtinge/>
23. Чернышенко: россияне совершают в среднем менее одной турпоездки в год [Электронный ресурс] // Интерфакс : [веб-сайт]. Электрон. дан. 8 июня 2020. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/70632/>
24. Шкляров В., Беловранин А. Мир, поставленный на паузу. Страхи, надежды и реальность эпохи коронавируса. Москва : Корпус (АСТ), 2020. 224 с.
25. Яковенко А. В. «Мягкая сила» и коронавирус: кто в плюсе и кто в минусе [Электронный ресурс] // Международные отношения : [веб-сайт]. Электрон. дан. 10.04.2020. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/25962>
26. Kissinger H. A. (2020) The Coronavirus Pandemic Will Forever Alter The World Oder. *The Wall Street Journal*. April 3.
27. *Trump Administration Draws Up Plans to Punish China Over Coronavirus As President Trump Fumes*. Available at: <https://edition.cnn.com/2020/04/30/politics/us-china-coronavirus-diplomacy-intelligence-donald-trump/index.html>
28. *Trump Threatens to Permanently Cut WHO Funding Leave Body if Changes Are't Made Within 30 Days*. Available at: <https://www.washingtonpost.com/nation/2020/05/19/who-funding-trump/>

References

1. Andriyanova A. *Kak epidemiya koronavirusa povliyala na sferu turizma [How the Coronavirus Epidemic Affected the Tourism Industry]*. Available at: <https://www.biletik.aero/handbook/blog/kak-epidemiya-koronavirusa-povliyala-na-sferu-turizma/> (In Russian)
2. “Vazhno ponyat’ sut’”: Putin rasskazal o proiskhozhdenii koronavirusa [“It is Important to Understand the Essence”: Putin Spoke About the Origin of the Coronavirus]. Available at: <https://news.rambler.ru/politics/44415297-vazhno-ponyat-sut-putin-rasskazal-o-proishozhdenii-koronavirusa/> (In Russian)
3. Ivanova A. *Kak izmenitsya turizm v Turtsii iz-za koronavirusa [How Tourism in Turkey Will Change Due to Coronavirus]*. Available at: <https://profi.travel/articles/45690/details> (In Russian)
4. *Italiya pochti polnost’yu snyala vse ogranicheniya dlya turistov i grazhdan strany [Italy has Almost Completely Removed All Restrictions for Tourists and Citizens of the Country]*. Available at: <https://tourism.interfax.ru/news/articles/70549/> (In Russian)
5. *Kakim putem poydet turindustriya Kitaya posle pandemii [How China’s Tourism Industry Will Go After the Pandemic]*. Available at: <https://visit-russia.ru/news/kakim-putempoydet-turindustriya-kitaya-posle-pandemii/> (In Russian)
6. *Kak kompanii mogut sokratit’ ubytki [How Companies Can Cut Losses]*. Available at: <https://rbc.ru/business/13/03/2020/5e6a5f039a7947302d6e5ae4> (In Russian)

7. *Koronavirus mozhет lishit' raboty 50 millionov chelovek v sfere turizma [Coronavirus Could Take 50 Million Jobs out of Tourism]*. Available at: <https://ria.ru/20200313/1568575417.html> (In Russian)
8. Linging Guo *The world economy and the impact of a new coronavirus infection on it. Young Scientist*. 2020, no. 16 (306), pp. 258–263. Available at: <https://moluch.ru/archive/306/69015/> (In Russian)
9. *Mery Pravitel'stva RF po bor'be s koronavirusnoy infektsii i podgotovke ekonomiki [Measures of the Government of the Russian Federation to Combat Coronavirus Infection and Prepare the Economy]*. Available at: http://government.ru/support_measures/ (In Russian)
10. *Mishustin zayavil o gotovnosti Rossii k otkrytiyu turisticheskogo sezona [Mishustin Announced Russia's Readiness to Open the Tourist Season]*. Available at: <https://www.rbc.ru/society/08/06/2020/5eddf30b9a7947e7bb3e37ab> (In Russian)
11. *Osnovnye rezul'taty deyatel'nosti dorozhno-transportnogo kompleksa Respubliki Khakasiya v 2017 godu [Main Results of the Road Transport Complex of the Republic of Khakassia in 2017]*. Available at: <https://r-19/ru/authorities/ministry-of-transport-and-roads-of-the-republic-of-khakassia/docs/5949/55319.html> (In Russian)
12. Prokopenko I. S. *Koronavirus. Virus-ubiytsa [Coronavirus. Killer virus]*. Moscow, Publishing House "Eksmo", 2020. 224 p. (In Russian)
13. *Ptichiy, svinoy i novyy. Chemu nauchila proshlaya pandemiya [Avian, Pork and New. What the Past Pandemic Taught]*. Available at: <https://ria.ru/20200312/1568487650.html> (In Russian)
14. Smirnova Yu. *Ideal'nyy shtorm na turisticheskom rynke [Ideal Storm in the Tourist Market]*. Available at: <https://www.msk.kp.ru/daily/27109/4185114> (In Russian)
15. Soldatova S. S., Pivkina K. R. *Economic Consequences of the Pandemic "Covid-19" for Russia. StudNet*. 2020, no. 2. (In Russian)
16. Toynbee A. J. *Postizhenie istorii [Comprehension of History]*. Moscow, Publishing house "Academic Project", 2019. 802 p. (In Russian)
17. *Turisticheskij biznes i koronavirus [Travel Business and Coronavirus]*. Available at: <https://blooster.online/stati/turisticheskij-biznes-i-koronavirus.html> (In Russian)
18. *IATA: ubytki mirovykh aviakompaniy v 2020 godu sostavyat rekordnye \$ 84,3 mlrd. [IATA: Losses of Global Airlines in 2020 Will Reach a Record \$ 84.3 Billion]*. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/8688099> (In Russian)
19. Fukuyama F. *Gosudarstvo, sotsial'noye doveriye i liderstvo – Rossiya v global'noy politike [State, Social Trust and Leadership – Russia in Global Affairs]*. Available at: <https://hvylyya.net/analytics/210203-gosudarstvo-socialnoe-doverie-i-liderstvo> (In Russian)
20. *Frantsiya snyala ocherednuyu seriyu ogranicheniy, nachav tret'yu fazu otmeny karantina [France Lifts another Series of Restrictions, Starting the Third Phase of Quarantine Abolition]*. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/8783907> (In Russian)
21. *Khakasiya uluchshila svoi pozitsii v Natsional'nom reytinge v"ezdnoy turizma [Khakassia Improved Its Position in the National Rating of Inbound Tourism]*. Available at: <https://pulse19-ru.turbopages.org/s/pulse19.ru/21216-hakasija-uluchshila-svoi-pozicii-v-nacionalnom-rejtinge-vezdnogo-turizma/> (In Russian)
22. *Khakasiya voshla v troyku samykh neblagopoluchnykh regionov v antinarkoticheskom reytinge [Khakassia Entered the Top Three Most Disadvantaged Regions in The Anti-Drug Rating]*. Available at: <https://pulse19-ru.turbopages.org/s/pulse19.ru/20822-hakasija-voshla-v-trojku-samyh-neblagopoluchnyh-regionov-v-antinarkoticheskom-rejtinge/> (In Russian)
23. *Chernyshenko: rossiyanе sovershayut v srednem meneye odnoy turpoyezdki v god [Chernyshenko: Russians Make Less Than One Tourist Trip a Year on Average]*. Available at: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/70632/> (In Russian)
24. Shklyarov V., Belovranin A. *Mir, postavlenyy na pauzu. Strakhi, nadezhdy i real'nost' epokhi koronavirusa [The World Put on Pause. The Fears, Hopes and Reality of the Coronavirus Era]*. Moscow, Publishing House "Corpus", 2020. 224 p. (In Russian)
25. Yakovenko A. V. *"Myagkaya sila" i koronavirus: kto v plyuse i kto v minuse ["Soft Power" and Coronavirus: Who Is in the Positive and Who Is in the Negative]*. Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/25962> (In Russian)

26. Kissinger H. A. (2020) The Coronavirus Pandemic Will Forever Alter The World Oder. *The Wall Street Journal*. April 3. (In English)
27. *Trump Administration Draws Up Plans to Punish China Over Coronavirus As President Trump Fumes*. Available at: <https://edition.cnn.com/2020/04/30/politics/us-china-coronavirus-diplomacy-intelligence-donald-trump/index.html> (In English)
28. *Trump Threatens to Permanently Cut WHO Funding Leave Body if Changes Are't Made Within 30 Days*. Available at: <https://www.washingtonpost.com/nation/2020/05/19/who-funding-trump/> (In English)

*

И НДУСТРИЯ ДОСУГА КАК СОЦИАЛЬНО- КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

УДК 379.8(001.1)

DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10213

Н. В. Шарковская

Московский государственный институт культуры

Статья посвящена рассмотрению сущности индустрии досуга как фактора социально-культурной действительности. Представлено авторское определение понятия «индустрия досуга», показано его соотношение с понятиями «книжная индустрия», «индустрия компьютерных игр», «музыкальная индустрия», «индустрия моды». Выявлены признаки моделей поведения активно-адаптационной и пассивно-адаптационной категорий потребителей культурной продукции. Определён формат детерминант содержания современного состояния индустрии досуга, обусловленный структурными трансформациями сегментов её системы; реалистическим целеобразованием социально-культурной деятельности; мониторингом социально-культурной активности потребителей культурных услуг; степенью распространённости контактных/дистантных взаимодействий на основе социокультурных технологий. Делается вывод о том, что каждый сегмент индустрии досуга сориентирован на внесение конструктивного вклада в решение гуманистических целей досуга, прежде всего развитие базовой культуры личности потребителя культурных услуг и личности специалиста социокультурной сферы.

Ключевые слова: индустрия досуга, культурные услуги, детерминанты содержания индустрии досуга, потребительские практики, социально-культурные технологии.

Nataliya V. Sharkovskaya

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotechnaya Str., 7, 141406, Khimki City, Moscow Region, Russian Federation

LEISURE INDUSTRY AS A SOCIAL AND CULTURAL PHENOMENON

The article is devoted to the consideration of the essence of the leisure industry as a factor in social and cultural reality. The author's definition of "leisure industry" is presented, its relationship with the concepts of "book industry", "computer game industry", "music industry", and "fashion industry" is shown. The signs of behavior patterns of actively adaptive and passively adaptive categories of consumers of cultural products. The format of determinants of the content of the current state of the leisure industry is determined, due to the structural transformations of segments of the leisure industry system; realistic

ШАРКОВСКАЯ НАТАЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА – доктор педагогических наук, профессор кафедры менеджмента и технологий социально-культурной деятельности факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

SHARKOVSKAYA NATALIYA VLADIMIROVNA – D.Sc. in Pedagogic Sciences, Professor at the Departments of Management and Technologies of Social and Cultural Activity, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: 7948493@mail.ru
© Шарковская Н. В., 2020

goal-setting of social and cultural activity; monitoring of social and cultural activity of consumers of cultural services; the prevalence of contact / distant effects. It is concluded that each segment of the leisure industry is focused on making a constructive contribution to the solution of the humanistic goals of leisure, primarily the development of the basic culture of the personality of the consumer of cultural services and the personality of a specialist in the social and cultural sphere.

Keywords: leisure industry, cultural services, determinants of the content of the leisure industry, consumer practices, social and cultural technologies.

Для цитирования: Шарковская Н. В. Индустрия досуга как социально-культурный феномен // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 2 (94). С. 126–134. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10213

Происходящие в мировом сообществе процессы глобализации, информатизации и активизации межкультурной коммуникации обуславливают векторы развития как российской экономики в целом, так и её отдельных отраслей. Влияние этих процессов прослеживается в индустрии досуга – динамично развивающемся секторе экономики, не только включающем организацию развлечений и активного отдыха, но и дающем возможность получения дополнительного художественного/профессионального образования, работы в институциях массовой культуры. Индустрия досуга – это система самостоятельных организаций, учреждений, сервисных и производственных предприятий, специализирующихся в сфере культуры, спорта, питания, а также торговых компаний и фирм, предназначенных для удовлетворения спроса потребителей на оказание разноплановых культурных услуг.

В качестве исследования общенаучных оснований индустрии досуга в виде фактора социально-культурной действительности нами учитывается возможность применения концептуальных теорий: социологических, социально-педагогических, а также конкретных методологических принципов, представленных в методологии социально-культурной деятельности. Одним из концептуальных положений, используемых в постижении сущности досуговой ин-

дустрии, является теория социального поля – автономного социального пространства, разработанная П. Бурдьё [1]. Так как индустрия досуга есть не что иное, как создание, реализация и популяризация культурных продуктов массового искусства с целью организации разумного развлечения аудитории, то при распределении символического капитала с учётом активной/пассивной позиции каждого потребителя, производителя, её можно понимать как поле социального производства. Возможность рассматривать современную индустрию досуга в виде переплетения множества полей: экономических, культурных, художественных, спортивных и т.д., имеющих свои значимые правила организации, которые определяют досуговые предпочтения субъектов и регламентируют выбор их стиля поведения в зависимости от тех или иных целей досуга (развивающих, самообразовательных, рекреационных), позволяет интерпретировать её как социокультурный феномен.

В разработанной Н. Н. Ярошенко концепции индустрии досуга, базирующейся на парадигмальном подходе, выделяются три кардинальных направления, суть которых обусловлена:

- спецификой воспитательного потенциала индустрии досуга как совокупности социально-педагогических возможностей, средств в сфере организованного досуга, на-

целенного на реализацию её ведущих функций, социально-культурных технологий, позволяющих в своей совокупности достигать значимых как для социума, так и для личности результатов [6];

- характеристикой специально организованных институций индустрии досуга, включающих следующие сегменты: сегмент аттракционов и игровых зон, сегмент природной рекреации, сегмент клубной рекреации, сегмент экстремальных развлечений, классифицируемых по совокупности признаков: тематических, демографических, географических и прочих [8];

- перспективностью развития индустрии досуга в пространстве современных культурных практик, коррелирующих с модернизацией образования в сфере творческих индустрий, принятием законодательных решений по поддержке индустрии досуга, развитием международного взаимодействия по поддержке инфраструктурных и сетевых проектов, специализированных онлайн-ресурсов и т.д. [7].

Содержательность данных направлений продвижения индустрии досуга в контексте текущих социокультурных изменений подтверждает значимость исследования соотношения организованных развлечений и общекультурного развития основных субъектов её институций как двух взаимосвязанных процессов, оказывающих влияние на их социализацию. В связи с этим нами формулируются константные составляющие методологических принципов, важные для исследования этой разновидности индустрии культуры. Среди них: *личностно ориентированный подход*, утверждающий право автономного выбора субъектом конкретного сегмента досуговой сферы, формирования личностной культуры подбора занятий для продуктивного/пассивного или смешанного вида отдыха, разви-

тия духовной потребности в самоактуализации, персонализации социокультурного взаимодействия; *деятельностный подход*, направленный на предметную организацию активной жизнедеятельности субъектов в свободное от основных занятий время в институциях индустрии досуга, возможность корреляции личностного смысла с возможностью изменения отношения к выбору сфер культурной деятельности; *полисубъектный подход*, нацеленный на регуляцию микросоциальных отношений между участниками диалога/полилога как основы продуктивного неформального общения в подсистемах «менеджер индустрии досуга – потребитель культурной продукции», «посетитель – посетители институций досуговой индустрии»; *культурологический подход*, определяющий культуросозидательную направленность того или иного сегмента индустрии досуга, весомость принятия во внимание ценностных типологических особенностей посетителей, их культурных традиций.

Исходя из компонентной сочетаемости методологических принципов, можно сделать вывод о том, что индустрия досуга – это социальное поле создания и распределения произведений общедоступной культуры, в основе которого находится деятельность по изготовлению продуктов художественного творчества, реализации культурных услуг, профессиональных компетенций, предназначенных для рационального извлечения дохода и организации разумного развлечения отдельных субъектов и массовой аудитории. Представленное определение понятия индустрии досуга, на наш взгляд, не противоречит общему пониманию его сущностного смысла при теоретическом и прикладном исследовании многоаспектной выраженности в виде социально-культурного феномена.

Являясь центральным понятием, обозначающим всю изучаемую область организованного досуга, отличающим её от других сфер культурной индустрии, понятие «индустрия досуга» соотносимо с понятиями «книжная индустрия», «индустрия компьютерных игр», «музыкальная индустрия», «индустрия моды», которые отражают наиболее важные параметры его реального предназначения в контексте социокультурной действительности, а также последствия дифференциации в разных методологических подходах. Это имеет существенное значение для решения многих практико-ориентированных задач, прежде всего связанных с развитием социально-культурной активности субъектов индустрии досуга, выявлением детерминантов её содержания, организационно-процессуальных принципов, а также социально-культурных технологий [4].

Исследования показывают, что социально-культурная активность основных субъектов индустрии досуга по отношению к инновационным преобразованиям, происходящим в её сегментах, напрямую связана с особенностями выполняемого ими вида деятельности. Так, творческим трудом автора создаётся художественное произведение, а потребность в его изготовлении реализуется при определённых социокультурных, в том числе организационных условиях: наличие компаний, физических лиц, способных заняться по поручению конкретного автора реализацией его готовой культурной продукции с учётом обоюдных интересов. *Распространители культурной продукции* – юридические лица, предоставляющее принадлежащее им пространство для размещения конкретной культурной продукции, а также распространители социальной информации о ней. К ним отнесены средства массовой коммуникации, в том

числе интернет-средства массовой информации, а также специализированные магазины, стриминговые сервисы (музыкальные, видеоигр), разные типы сотовых телефонов и пр. Профессиональные компетенции *менеджеров индустрии досуга* нацелены на создание комплекса разных типов стандартных/нестандартных процедур, связанных с проектированием и проведением общекультурных мероприятий по созданию и продвижению произведений художественного/технического творчества и т.д.; консультированием посетителей, заказчиков по широкому спектру вопросов, касающихся организации досуга; управлением процессом продажи рекреационных услуг, взаимодействием с партнёрами и компаниями смежных видов индустрий. *Потребители культурной продукции* – субъекты, до которых доводятся культурные блага общества; своеобразие их социального поведения в том или ином секторе индустрии досуга обусловлено системой предметных поступков (индивидуальных, массовых), касающихся выбора, приобретения культурных услуг для удовлетворения личных, групповых или корпоративных потребностей.

Следует отметить, что первоосновой моделей поведения потребителей культурной продукции в досуговой индустрии, по мнению учёных, выступают идентификационные потребительские практики: активно-адаптационная и пассивно-адаптационная. Стремление к формированию новых общекультурных компетенций, востребованных для творческой самореализации, заинтересованность в расширении сфер приобретаемых товаров и культурных услуг, потребность в достоверной информации, в том числе видеоинформации, относящейся к индустрии досуга, являются признаками модели поведения активно-адаптационной категории потребителей. Их социальная

желательность инициативно проявлять себя в тех или иных сегментах индустрии досуга обусловлена готовностью наполнять досуг впечатлениями как одной из граней развлечений [2, с. 24]. Им свойственна реальная рефлексия динамики эмоционального опыта на оценивание объективных событий, происходящих в досуговый период времени [5, с. 157]. Нацеленность данной категории посетителей на обогащение впечатлениями через развлечение, активное участие в эдьютейнменте, апробирование разных форм виртуальной реальности, вариативной эстетизации досугового пространства базируется, по убеждению Джозера Пайна, на погружении в атмосферу конкретного события, явления [2, с. 62–63]. Пассивно-адаптационная стратегия досугового поведения потребителей культурных услуг характеризуется заниженным уровнем личностного самоопределения (шаблонность избрания форм развлечений, заданность рамок принятия решений о посещении того или иного сектора индустрии досуга), а также низкой степенью вовлечённости в систему рыночных отношений. Основным показателем выбора этой стратегии досугового поведения потребителями культурных услуг – конформный жизненный статус, обусловленный нежеланием выхода за пределы исходных прагматических целей, связанных с инициативным поиском приемлемых моделей досугового поведения и как результат этого – ориентация на рутинные формы проведения досуга, вызывающая закрытость для нового эмоционального опыта, отсутствие стремления к преобразованию системно повторяющихся пассивных форм досуга в активные формы [5, с. 158].

В связи с этим функции социально-культурной деятельности: гедонистическая, развлекательная, коммуникативная, познавательная, функция отдыха, «выражающие

её основные свойства, раскрывающие социальное и личностное предназначение, суть которого определяется обеспечением возможностей удовлетворения культурных потребностей общества и личности в ситуации организованного отдыха» [6, с. 30], позволяют оптимизировать потребительские практики в досуговой индустрии, а ей самой – выступать одним из самостоятельных звеньев регулируемых рыночных отношений на государственном, региональном и локальном уровнях. В качестве элементов цепочки этих звеньев следует указать на новые типы государственно-частного партнёрства, культурного потребления, связанные с использованием социальных инноваций, активизацией разнообразных направлений частных инициатив и общественных движений [3, с. 170]. Их характерная особенность состоит в том, что, несмотря на разные базисные уровни: а) разработки новых социокультурных проектов с применением информационно-технических средств управления; б) создания, продвижения продуктов художественного/технического творчества; в) стимулирования поисковой активности менеджеров, продюсеров общекультурных программ, они направлены на достижение как духовного благополучия, в том числе культурного самовыражения посетителей, так и экономического роста предприятий индустрии досуга.

Соответственно, основной смысл определения формата детерминант содержания современного состояния индустрии досуга как самоорганизующейся системы, в которой реализуются те или иные модели потребления культурной продукции, предопределённые разными социальными ролями субъектов (зрителей, слушателей, посетителей, участников), состоит:

- в структурных трансформациях сегментов системы индустрии досуга, опреде-

ляющихся её ведущими функциями и подфункциями, связанными с информационной открытостью самой индустрии, а также управленческими установками её институций на предоставление субъектам – потребителям культурных услуг – возможности разнообразного выбора моделей социокультурных программ и проектов в зависимости от их материальных и духовных запросов в культурно-типовых ситуациях: ситуациях нерегулярности, противоречивости, единства;

- *в реалистическом целеобразовании социально-культурной деятельности* – одного из видов деятельности индустрии досуга, обеспечивающего развитие тех качеств, способностей субъектов – потребителей культурных услуг, которые востребованы в разных сферах организованного досуга; утверждая значимость формирования не только культуры межличностных коммуникаций в ситуациях социального взаимодействия, но и экономической культуры, такая цель усиливает лично ориентированную направленность деятельности и наглядных образов её будущих результатов;

- *в мониторинге социально-культурной активности потребителей культурных услуг* с учётом динамики: а) побудительных мотивов (доминирующих эмоций, стремлений, целевых установок), стимулирующих к избранию и последующему осуществлению конкретного типа социального поведения в том или ином сегменте досуговой индустрии; б) социального опыта, дифференцируемого по признаку уровней творчества/репродукции в проектировании социально-культурной деятельности;

- *в степени распространённости контактных или дистантных взаимодействий* – адресного переноса достоверной информации от одного субъекта социокультурного воздействия к другому, выходящих за

рамки норм конкретной социальной среды, в которой функционируют те или иные предприятия досуговой индустрии; объективными критериями целесообразности данного процесса служат как корпоративные/личностные интересы, так и культурные ценности.

Названные детерминанты содержания индустрии досуга способствуют выделению основных положений её продуктивной динамичности, на которые можно опираться при обосновании значимости её исследования в качестве социокультурного макроявления. Правомерными в этом отношении представляются такие организационно-процессуальные принципы, как: *принцип функциональной полноты содержания индустрии досуга*, вытекающий из того, что её система, ориентированная на развитие социально обусловленного комплекса сегментов не может продуктивно функционировать, если набор этих сегментов не является функционально полным, ибо невнимание к учёту креативных возможностей как потребителя культурных услуг, так и менеджера, аниматора, технолога оборачивается дезорганизацией всей системы; при этом в качестве единого основания, из которого развёртываются сегменты системы, выступает совместная культурная деятельность; *принцип локальной вариативности*, характеризующийся использованием в ведущих секторах индустрии досуга не однотипных для всех посетителей, а разных моделей организации досуга в зависимости от экономико-географических, демографических и прочих факторов; ответственность за информирование, популяризацию предлагаемых моделей продуктивного досуга, в которых заложена возможность выбора тех или иных форм, а также собственной модели досуговой организации, полностью возлагается на её культурные инсти-

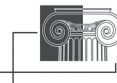
туции; *принцип приоритетного старта*, предполагающий вовлечение субъектов в такие сферы социально-культурной деятельности, представленные в постоянно модернизирующихся сегментах индустрии досуга, которые им комфортны, предпочтительнее; принцип позволяет учитывать то, что является самоценным для них самих в регуляции социального поведения как одного из источников культурной мотивации активного досуга, а также выделять приоритетные действия, способные определять порядок организации свободного времени.

Реализация названных принципов актуализирует проблему интенсивного внедрения социально-культурных технологий в индустрию досуга – связующего звена между теорией социально-культурной деятельности, с одной стороны, и конкретного вида потребительских практик – с другой. Их специфика заключается не только в оптимизации координационного процесса в институциях индустрии досуга за счёт выявления и применения скрытых потенциалов их систем, достижения социального результата при наименьших управленческих издержках, но и в развитии творческой индивидуальности, духовно-нравственной свободы субъектов, их личностного культурного роста. На это нацелены event-технологии, рекреативные, культуротворческие, арт-маркетинговые, информационно-коммуникационные, бренд-креативные, фандрайзинговые, проектные и другие технологии. При их разработке учитываются возрастные параметры субъектов культурного досуга, особенности социального и культурного контекстов мероприятий, способы апробирующего целеобразования, так как их содержательный аспект тесно связан с двумя группами функций. Если первая из них обусловлена целями культурного досуга, в которых находят концентрированное

выражение как профессиональные интересы культурных институций, так и любительские интересы субъектов (аксиологическая, воспитательная, просветительская, рекреационно-оздоровительная функции), то вторая группа объединяет управленческие функции социально-культурных технологий – стимулирующую, прогностическую, контрольно-диагностическую.

Социально-культурные технологии позволяют вычлениить критерии отбора условий, существенных для повышения качества оказания культурных услуг, предоставляемых в индустрии досуга:

- обеспечение открытого доступа потребителей культурных услуг к массивам информации как общечеловеческого культурного блага, значимого для поощрения культурного разнообразия, создания инновационных возможностей и постоянного возобновления ресурсов, способных использоваться в досуговой индустрии через призму программ ЮНЕСКО «Информация для всех», «Защита цифрового наследия» и Международной программы развития коммуникаций;
- достижение динамического равновесия между параметрами социально-культурной деятельности, базирующимися на приоритетности общечеловеческих ценностей, учитывающими эстетические предпочтения потребителей культурных услуг, и аналогичными параметрами организованного досугового пространства, способствующими развитию у них установки на позитивность образа собственного «Я» – предпосылки и следствия межличностного взаимодействия в разных обстоятельствах организованного досуга;
- ориентированность на формирование продолжительных/кратковременных межкультурных коммуникативных действий потребителей культурных услуг на том или

ином уровне их социального взаимодействия, в том числе на уровне популяризации форм культурной деятельности, передачи социального опыта с целью достижения реально функционирующей их культурной общности, создания креативной атмосферы досуговой коммуникации в целом и мажорного тона в частности.

Соответственно, изменяются требования к повышению качества профессиональной подготовки будущих специалистов индустрии досуга, призванных обладать высоким уровнем общекультурных и профессиональных компетенций, прежде всего: аналитических, рефлексивных, мобилизационных, перцептивных, ориентационных, базирующихся на развитой культуре мышления и межличностной коммуникации, способности к антиципации и принятию рациональных решений в разных типах социокультурных ситуаций, в том числе ситуаций неопределённости, умениях активизации личности потребителя

культурных услуг, развития его досуговой инициативности.

Предпринятое в статье осмысление сущности индустрии досуга как социально-культурного феномена позволяет сделать вывод о её направленности на разностороннее, гармоничное развитие личности потребителя культурных услуг и личности специалиста социокультурной сферы, которое есть назначение и призвание каждого из них. Каждый её сегмент в определённой мере сориентирован на внесение конструктивного вклада в решение гуманистических целей досуга, прежде всего развитие базовой культуры, включающей культуру жизненного самоопределения и культуру досуга, духовно-нравственную и физическую культуру, культуру неформального общения. Без наличия системы компетенций, составляющих содержание базовой культуры, сложно осмыслить тенденции современных цивилизационных процессов, отражающихся в индустрии досуга.

Примечания

1. *Бурдье П.* Социальное пространство: поля и практики : перевод с французского / сост., общ. ред. пер. и послесловие Н. А. Шматко. Санкт-Петербург : Алетей, 2014. 576 с. (Историческая книга).
2. *Пайн Б. Джозеф П.* Экономика впечатлений : работа – это театр, а каждый бизнес – сцена. Москва : Сбербанк, 2011. 329 с. : ил., портр. (Библиотека Сбербанка).
3. *Финкелевич С.* Новый тип культурного потребления: изменения культуры в информационном обществе силами граждан // Интернет и социокультурные трансформации в информационном обществе : сборник материалов международной конференции (Южно-Сахалинск, 8–12 сентября 2013 года) / Министерство культуры Российской Федерации, Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, Правительство Сахалинской области, Российский комитет Программы ЮНЕСКО «Информация для всех», Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества ; [сост. Е. И. Кузьмин, А. В. Паршакова]. Москва : МЦБС, 2014. С. 157–174.
4. *Шарковская Н. В.* Модусы глобализации в социально-культурной деятельности: антропологический аспект // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 5 (91). С. 102–110.
5. *Шарковская Н. В.* Личностный смысл отношения молодёжи к активному досугу как фактору творческой самореализации аспект // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 3 (89). С. 153–159.
6. *Ярошенко Н. Н.* Воспитательный потенциал современной индустрии досуга // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2015. № 4 (44). С. 28–35.
7. *Ярошенко Н. Н.* Индустрия развлечений в пространстве современных культурных практик // Международный журнал исследований культуры. 2017. № 1 (26). С. 112–122.

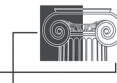

8. Ярошенко Н. Н. Индустрия развлечений в современном культурном пространстве России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 3 (71). С. 122–132.

References

1. Burdye P. [Bourdieu P.] *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki [Social Space: Fields and Practices]*. St. Petersburg, Aletheia Publishing House, 2014. 576 p. (In Russian)
2. Pine B. Joseph II *The Experience economy*. Boston, Massachusetts: Harvard business school press, 1999. (In Rus. ed.: Payn B. Dzhozef II *Ekonomika vpechatleniy: rabota – eto teatr, a kazhdy biznes – stsena [The Experience Economy: Work is Theater, Every Business is a Stage]*. Moscow, Published by Sberbank, 2011. 329 p. (In Russian)
3. Finkelevich S. Novyy tip kul'turnogo potrebleniya: izmeneniya kul'tury v informatsionnom obshchestve silami grazhdan [A New Type of Cultural Consumption: Changes in Culture in the Information Society by the Forces of Citizens]. In: Kuzmin E. I., Parshakova A. V., comp. *Internet i sotsiokul'turnye transformatsii v informatsionnom obshchestve. Sbornik materialov mezhdunarodnoy konferentsii (Yuzhno-Sakhalinsk, 8–12 sentyabrya 2013 goda) [Internet and Social and Cultural Transformations in the Information Society. An Collection of Materials of the International Conference (Yuzhno-Sakhalinsk, September 8–12, 2013)]*. Moscow, Published by Interregional Center for Library Cooperation, 2014. Pp. 157–174. (In Russian)
4. Sharkovskaya N. V. Social and Cultural Activity in the Context Globalizations: Anthropological Aspect. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2019, no. 5 (91), pp. 102–110. (In Russian)
5. Sharkovskaya N. V. Personal Meaning of Youth Relations to Active Leisure as a Creative Factor Self-Realization. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2019, no. 3 (89), pp. 153–159. (In Russian)
6. Yaroshenko N. N. Educational Potential of Modern Leisure Industry. *Vestnik of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. 2015, no. 4 (44), pp. 28–35. (In Russian)
7. Yaroshenko N. N. The Entertainment Industry in the Field of Contemporary Cultural Practices. *International Journal of Cultural Research*. 2017, no. 1 (26), pp. 112–122. (In Russian)
8. Yaroshenko N. N. Entertainment Industry in Modern Cultural Space of Russia. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2017, no. 3 (71), pp. 122–132. (In Russian)

*

ПАРК В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 379.8(001.1)

DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10214

Т. Н. Сумина

Московский государственный институт культуры

В статье представлен философско-культурологический анализ парка как сложного организма урбосферы в контексте системы современной культуры. Раскрывается сущность и специфика культуры, городов и культуры городов в условиях рыночной экономики впечатлений, развития креативных индустрий. Обозначается социальная миссия Культуры, состоящая в трансляции сегодняшним и последующим поколениям классических ценностей – Истины, Добра, Красоты, Любви, Гармонии, что находит воплощение в образах городов. Отражается позитивное и негативное влияние урбанизма на психосоматическое состояние горожанина в условиях культуры повседневности. Констатируется значимость антропологического подхода при ревитализации общественных пространств в целях рекреации, в том числе сознания реципиентов/горожан, посредством генерации новых смыслов/символов/кодов. Например, Парк «Зарядье» трактуется как значимая часть культурного семиотического/информационного пространства города, образец гармоничного синтеза природы и человека, креативный кластер с образовательной составляющей, способствующей продвижению природного урбанизма, выставочной деятельности и реализации эстетической, экологической и культурно-просветительской функций.

Ключевые слова: парк, урбосфера, культура города, культура повседневности, рыночная экономика впечатлений, креативные индустрии, смысловое пространство, символический капитал, менеджмент ресурсов культуры.

Tatyana N. Suminova

Moscow State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotchnaya Str., 7, 141406, Khimki City, Moscow Region, Russian Federation

PARK IN THE SYSTEM OF MODERN CULTURE

The article presents a philosophical and cultural analysis of the park as a complex organism of the urban sphere in the context of the modern culture system. The essence and specificity of culture, cities and city culture are revealed under the conditions of a market economy of impressions and the development of creative industries. The social mission of Culture, which consists in broadcasting to today's and subsequent generations of classical values – Truth, Good, Beauty, Love, Harmony, which

СУМИНОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – доктор философских наук, профессор кафедры менеджмента и технологий социально-культурной деятельности факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

SUMINOVA TATYANA NIKOLAEVNA – DPhil, Professor at the Department of Management and Technologies of Social and Cultural Activity, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: tsuminova@yandex.ru

© Сумина Т. Н., 2020

finds embodiment in the images of cities, is designated. The positive and negative impact of urbanism on the psychosomatic state of a city dweller in the context of everyday culture is reflected. The importance of the anthropological approach to the revitalization of public spaces for recreation, including the consciousness of recipients/citizens, by generating new meanings/symbols/codes is ascertained. For example, the Park “Zaryadye” is interpreted as an important part of the cultural semiotic / informational space of the city, an example of a harmonious synthesis of nature and man, a creative cluster with an educational component that contributes to the promotion of natural urbanism, exhibition activities and the implementation of aesthetic, environmental, cultural and educational functions.

Keywords: park, urban sphere, city culture, everyday culture, market economy of impressions, creative industries, semantic space, symbolic capital, cultural resource management.

Для цитирования: Суминова Т. Н. Парк в системе современной культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 2 (94). С. 135–142. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10214

В контексте инновационного развития социально-культурной реальности, рыночной экономики впечатлений, креативных индустрий значимым видится рассмотрение парка как уникального явления системы современной культуры.

Парк – это составляющая культуры повседневности, объект менеджмента, урбанистики, драйвер развития экономики города, сферы культуры и искусства, социально-культурной сферы.

Различные парки (собственно парк, многофункциональный, специализированный с разновидностями – детский, спортивный мемориальный, развлечений, исторический памятник садово-паркового искусства) и парки в структуре населённого пункта (городской парк, городской сад, парк жилого района, поселковый парк, парк сельского населённого пункта, сквер, лесопарк) – это уникальные историко-культурные, природные феномены, элементы инфраструктуры конкретной территории, ландшафтного дизайна, институты организованного досуга населения, центры развития индустрии развлечений, ресурсы здорового образа жизни.

Спектр функций парка как социокультурного феномена и объекта управления (просветительская, воспитательная, ин-

формационная, гедонистическая, развлекательная, духовно-нравственная, физкультурно-оздоровительная, художественная, экологическая, идеологическая/мировоззренческая, прогностическая и т.д.) [20] ориентирован на реализацию одной из целей государственной политики в сфере культуры и искусства, а именно – формирование гармонично развитой, в том числе нравственной, ответственной, самостоятельно мыслящей творческой личности.

Синергия науки, образования и искусства привела к осознанию социальной миссии Культуры, состоящей в трансляции сегодняшним и последующим поколениям классических ценностей, таких как Истина, Добро, Красота, Любовь, Гармония.

Культура – это система ценностей, источник вдохновения, креативности, форма самоактуализации, ресурс генерации культурного пространства, креативных индустрий, реализации государственной политики в сфере культуры и искусства, составляющая экономического успеха, драйвер трансформации сознания реципиентов, способ структурирования пространства.

Культура – это «память Мира», интеллектуальная составляющая реальности, искусственно созданного мира человеком разумным в процессе динамики бытия.

Культура как синтез впечатлений/эмоций/знаний/информации/символов представителей социума с различными идентичностями, религиозными предпочтениями, языками и т.д. становится мозаичной, трудно воспринимаемой и трактуемой, но в своей эклектичности стремящейся к Гармонии как системообразующей составляющей Мироздания.

Культура отражается в «зеркале» «образа мира» конкретного потребителя информации, с синтезом бэкграунда, компетенций, восприятий, интерпретаций реальности, собственного стиля, эстетики жизни и возможностей самореализации.

От уровня «образа мира», «оснащённости» разума, индустрии культуры и сознания человека зависит его либо многогранность, либо «одномерность» (Герберт Маркузе) [12]. Последняя является результатом управления/манипулирования человеком как «социальным животным» (Аристотель), приводит к потере смысла жизни, прав, свободы, собственных вкусов, эстетики восприятия, делает его безразличным, угнетённым, ведомым и агрессивным.

«Общество изобилия» (Джон Кеннет Гэлбрейт) [2] с неограниченным количеством поливариативной продукции и индустрия культуры пагубно воздействуют как на собственно человека, делая из него «произрителя» (Элвин Тоффлер) [16], так и на культуру такового, уничтожая аксиологическую и гуманистическую составляющую.

Культура – это универсальная и уникальная энциклопедия динамичного мира социума и многочисленных жителей конкретного населённого пункта, например города.

Культуру среды/пространства/территории отражает город, который является результатом творческой деятельности представителей разных профессий.

Города, фундаментом которых является культура, имеют собственную душу (Освальд Шпенглер) [21], «звучащую» в каждом из созданных объектов (дом, театр и т.д.) и пространств (парки, кварталы, улицы и т.д.).

Современные города создают синергийный ураган смыслов/информации/кодов/символов/эмоций, важных для дешифровки Homo Socialis, то есть общественного человека, жизнь которого детерминируется определёнными коммуникациями и интересами.

В контексте креативной экономики именно культурные ресурсы, или ресурсы сферы культуры и искусства, – это значимые после угля, стали и золота (Чарльз Лэндри) [8] источники генерации знаковых ценностей города.

Ключевые участники современной креативной экономики (Джон Хокинс) [19] – это бизнес, учреждения сферы культуры и искусства (библиотеки, театры, музеи и т.д.) и посреднические структуры (агентства, которые поддерживают творческие/креативные индустрии, оказывают консультирование и поддержку стартапов [17]).

Культура города отражает материальный аспект культурного производства и культурных репрезентаций. Драйвером и двигателем переустройства города является искусство как таковое. Художественные мастерские, лофты – это стимулы рынка недвижимости и первый шаг к джентрификации (Рут Гласс) [24].

В качестве примеров влияния деятельности художников как творческих личностей на джентрификацию и политику «креативного города» назовём, например, такие районы городов США, как SoMa (South of Market, San Francisco, California), SoHo (South of Houston Street, Lower Manhattan, New York City) и другие.

Город – это синтез/синергия культуры, художественной культуры, культурных идентичностей, институций культуры, культуры архитекторов/дизайнеров/урбанистов, элемент/ресурс культуры повседневности.

Города – это ключевые «места силы» принятия решений, генерации коммуникативного пространства информационного общества (Мануэль Кастельс) [7], способствующие раскрытию творческого потенциала человека.

Человек, воспринимающий себя в качестве значимого элемента ноосферы, имеет право и способен генерировать значимую для сообщества информацию/символы/смыслы/коды, легендаризировать современный ему Мир.

Города – это котлы, в которых не только кипят новые экономические идеи и теории, но и выплавляется совершенно новая политика, в том числе в сфере культуры и искусства, парковой деятельности.

Количество учреждений культуры, например, музеев, парков, выставочных залов и т.д., влияет на уровень культуры как горожан/жителей – потребителей художественной информации, так и собственно конкретных городов.

Вот почему сегодня важен осознанный/разумный подход урбанистов, позволяющий воспринимать город, в том числе пространство такого, как целостную экосистему, воздействие на которую может иметь различные как негативные, так и позитивные последствия.

Пребывая в повседневности и поглощаясь культурой таковой, горожанин подвергается спектру психофизических проблем (агрессия, депрессия, аллергия, лишний вес и т.д.), объединяющихся под названием «эпидемия стресса». Без этих многочисленных негативных проблем не-

возможно рассматривать и воспринимать город/мегаполис.

Решить подобные проблемы может профессиональная деятельность проектировщиков городского пространства, на основе учёта системы духовных ценностей, историко-культурного контекста территории, создания и развития «зелёных» пространств, частью которых являются парки, а в целом – совпадения менталитета/ДНК горожанина с менталитетом/ДНК города (Адли Мазда) [9].

Территория, например, паркового пространства, когда таковую как микропространство (Уильям Вайт) [26; 27] создают горожане, позволяет активизировать те участки их мозга, которые способствуют контролю стрессовых ситуаций.

Город отражает повседневность и культуру повседневности горожанина, то есть «реальную жизнь», «здесь и сейчас», пункт столкновений социокультурного контекста, истории и человека (Анри Лефевр) [25].

Культура выступает сегодня в качестве посредника капитализма – основы частной собственности, формального юридического равенства и свободы предпринимательской деятельности.

Капитализм «производит» для потребителя «абстрактную» реальность посредством создания спектра поправок/ремарок пульсации повседневности, диктуя собственные ценности/смыслы/коды.

Человек становится «заложником» поливариативных технологий и знаний, значимых и генерируемых в условиях рыночной свободной экономики (Зигмунд Бауман) [1].

Города и их инфраструктура влияют на мысли, поведение и «образ мира» человека/гражданина, создавая «счастливый город» (Чарльз Монтгомери) [14].

На счастливое бытие человека в современном мегаполисе, на сохранение его индивидуальности позитивное влияние ока-

зывают открытые общественные пространства с развитой медийностью, диджитальными сетями, коммуникациями, рекламной информацией, генерирующими стиль жизни, моду архитектурных решений планировки городских территорий [см.: 10; 11; 13].

В контексте рассмотрения культуры города и культуры индивида важно обратить внимание на дилемму «окружающая среда и я» (Георг Зиммель) [3].

Город – это «масса кристаллизованного, обезличенного духа» [3]. Вот почему закономерен конфликт, связанный с культурой города, которая предлагает и диктует видение существования и культуры горожанина, и тем, какой могла бы быть его жизнь, согласно собственным предпочтениям и желаниям.

В контексте экономики культуры как научной дисциплины (Уильям Баумоль, Уильям Боуэн) [22] именно капитал/деньги, а не эстетическая составляющая отражает ценность материального носителя текста произведения, в данном случае – парка. Современная экономика не стремится решить проблему качества в культуре и результатов интеллектуальной деятельности творцов. О качестве конкретного продукта сферы культуры и искусства свидетельствует количество эмоционально потраченных потребителем денег (стоимость билета и т.д.).

В условиях массовой коммерческой культуры с развлечением в центре таковой, или «кокакультурализма» (Генри Льюис Гейтс-младший) [23], не платят за качество продукции, поскольку если создать качественный продукт, то это означает уйти от массового вкуса реципиентов. Качество продукции в сфере культуры и искусства не равно и даже не может быть тождественно количеству, например, купленных билетов. Ценность, полезность и наслаждение/удовольствие, получаемые от того или ино-

го текста произведения, не только не поддаются подсчёту, но и всегда различны.

В рыночной экономике впечатлений сфера культуры равна супермаркету (Джон Сибрук) [15], переполненному массой товаров на любой вкус и достаток реципиента.

Естественно, что потребитель должен платить и получать удовольствие от покупки художественной/символической информации и траты собственного значимого ресурса для расходования, то есть свободного времени/досуга равного капиталу/деньгам.

Сфера культуры и искусства, в том числе парковая деятельность, генерирует качественно проведённое свободное время / досуг потребителя. Вследствие этого цель управленцев данной сферы состоит в приращении символического капитала, создателем и носителем которого является творец/художник.

В диджитальной эпохе и современной экономике впечатлений сфера культуры и искусства – это информация/смысл/символ/код/симулякр/сила влияния/воздействия на психику мобильного реципиента для пробуждения желания получить определённый заряд экспрессии. Это отражается на культуре города, трансформации и транспонировании конструкции такового в иную «тональность» архитектуры, ландшафтного дизайна и т.д.

Культура – это искусственный мир, синтез языков различных видов искусства, мифов, религий. Искусство и наука являются символическими формами, способствующими упорядочению окружающего хаоса и созданию Хаосмоса.

Культура – это гармоничная система символов как неких образов предметов с конкретным контентом и глубинным смыслом. Цель символа как многослойного элемента семиосферы заключается в обнаружении неявного, непредсказуемого смысла,

который не столько дан, сколько задан автором для расшифровки в процессе коммуникации для создания и постижения реальности/образа мира.

В сфере культуры и искусства символ является универсальной эстетической категорией, которую создаёт человек (Эрнст Кассирер) [6].

Культура как власть и инструмент власти оказывает существенное влияние/воздействие на создание конкретной территории / пространства города и т.д.

Власть и «сексапильность» культуры (Шарон Зукин) [4] как драйвера экономического развития/роста, например, городов проявляется в привлекательности «звёзд», их образах/стилях жизни как ярчайших представителей креативной индустрии.

В общественных пространствах именно культура наполняет, концептуализирует и контролирует парки, музеи, улицы городов – магниты впечатлений/восприятий/эмоций/смыслов /идей/энергии/креатива/финансов.

«Park Fiction» в Гамбурге – это яркий пример синтеза волонтерства, совместных действий сообщества, создания пространства для регулярных контактов с носителями различных культур и практик с участием художников, местных жителей и их семей. Сообщество вокруг защиты сквера на берегу гавани разработало концепцию парка, которая была легализована со стороны

города в ходе выставки современного искусства «Documenta 11». Небольшой парк – это место отдыха, коммуникаций, релакса и, естественно, часть бренда города [18].

В связи с тем, что именно человек генерирует культуру в общественных пространствах, жители конкретного города, например Москвы, могут с уверенностью сказать: «Это НАШ город!».

Развитие московских парков – это воля властей города, усилия предпринимателей (прокат велосипедов, детские развивающие центры, выставки, организация музыкальных фестивалей и т.д.) для реализации антропологического подхода с учётом того, что для горожанина важна ревитализация пространств с новыми смыслами/символами/кодами.

Парк – это сложный организм урбосферы [5], значимая часть культурного семиотического пространства, например, города, генерирующий и отражающий смыслы сферы культуры и искусства, потребителя информации / реципиента. Ярким образцом гармоничного синтеза природы и человека является парк «Зарядье» в центре Москвы – оазис и объект культурного наследия, в котором, как в мощнейшем креативном кластере с образовательными программами по продвижению природного урбанизма, выставочной деятельности, успешно реализуются эстетическая, экологическая и культурно-просветительская функции.

Примечания

1. Бауман З. Мыслить социологически / пер. с англ. под ред. А. Ф. Филиппова. Москва : Аспект Пресс, 1996. 255 с.
2. Гэлбрейт Дж. К. Общество изобилия : пер. с англ. Москва : Олимп-Бизнес, 2018. 404 с.
3. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь : пер. с нем. Москва : Strelka Press, 2018. 112 с.
4. Зукин Ш. Культуры городов / [пер. с англ. Д. Симановского]. 2-е издание. Москва : Новое литературное обозрение, 2018. 420 с. : ил. (Studia urbanica).
5. Касаткина С. С. Урбосфера: системно-семиотический анализ : автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора философских наук : 09.00.11 / Касаткина Светлана Сергеевна. Архангельск, 2019. 37 с.

6. Кассирер Э. Философия символических форм : в 3 томах : пер. с нем. Москва ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2002.
7. Кастельс М. Информационная эпоха : Экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана ; Государственный университет «Высшая школа экономики». Москва, 2000. 606, [1] с. : ил., табл.
8. Лэндри Ч. Креативный город / [пер. с англ. В. Гнедовский, М. Хрусталева, М. Гнедовский]. Москва : Классика-XXI : Институт культурной политики, 2006. 397, [2] с.
9. Мазда А. Стресс в большом городе. Москва : МФК Точка Опоры, 2019. 392 с.
10. Маккуайр С. Геомедиа. Сетевые города и будущее общественного пространства : пер. с англ. Москва : Strelka Press, 2018. 268 с.
11. Маккуайр С. Медийный город. Медиа, архитектура и городское пространство : пер. с англ. Москва : Strelka Press, 2012. 440 с.
12. Маркузе Г. Одномерный человек : пер. с англ. Москва : АСТ, 2009. 331 с.
13. Митчелл У. Дж. Я++: Человек, город, сети : пер. с англ. Москва : Strelka Press, 2012. 370 с.
14. Монтгомери Ч. Счастливый город: как городское планирование меняет нашу жизнь / научный редактор Лев Гордон ; перевод с английского Юлии Константиновой. Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2019. 366 с. : ил.
15. Сибрук Дж. Nobrow. Культура маркетинга. Маркетинг культуры : пер. с англ. Москва : Ad Marginem, 2005. 304 с.
16. Тоффлер Э. Третья волна : пер. с англ. Москва : АСТ, 2010. 784 с.
17. Флорида Р. Креативный класс : Люди, которые меняют будущее : пер. с англ. Москва : Классика-XXI, 2011. 419 с.
18. Фрейдин Е. Капитализируя доверие // Urban Agenda. 2018. Лето. С. 43.
19. Хокинс Дж. Креативная экономика : как превратить идеи в деньги / [пер. с англ. И. Щербаковой]. Москва : Финансовая корпорация Открытие : Классика-XXI, 2011. 255 с. : ил.
20. Шарковская Н. В. Культуротворческие смыслы парка как общественного пространства активного досуга // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 5 (85). С. 104–110.
21. Шпенглер О. Закат Европы : пер. с нем. Москва : Искусство, 1993. 298 с.
22. Baumol W. J., Bowen W. G. (1966) *Performing Arts: The Economic Dilemma; a Study of Problems Common to Theater, Opera, Music, and Dance*. New York: Twentieth Century Fund. 582 p. (In English)
23. Gates H. L. Jr. (1993) Culture of Complaint: The Fraying of America. *The New Yorker*, April 19: pp. 113–117. (In English)
24. Glass R. L. (1964) *London: Aspects of Change*. London: UK: MacGibbon & Kee. 342 p. (In English)
25. Lefebvre H. (1971) *Everyday Life in the Modern World*. New York, etc.: Harper & Row. 206 p. (In English)
26. Whyte W. H. (1988) *The City: Rediscovering the Center*. New York: Doubleday: pp. 119–123. (In English)
27. Whyte W. H. (1980) *The Social Life of Small Urban Spaces*. Washington, DC: Conservation Foundation. 125 p. (In English)

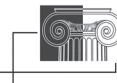
References

1. Bauman Z. [Bauman Zygmunt] *Mysl'it' sociologicheski [To think sociologically]*. Moscow, Publishing House "Aspect Press", 1996. 255 p. (In Russian)
2. Gelbreyt D. K. [Galbraith John Kenneth] *Obshchestvo izobiliya [Society of Abundance]*. Moscow, Publishing House "Olimp-Business", 2018. 404 p. (In Russian)
3. Zimmel' G. [Simmel Georg] *Bol'shie goroda i dukhovnaya zhizn' [Big Cities and Spiritual Life]*. Moscow, Publishing House "Strelka Press", 2018. 112 p. (In Russian)
4. Zukin Sharon *The Cultures of Cities* (In Rus. ed.: Zukin Sh. Kul'tury gorodov [The Culture of Cities]. 2nd edition. Moscow, Publishing House "New Literary Observer", 2018. 424 p.).
5. Kasatkina S. S. *Urbosfera: sistemno-semioticheskiy analiz. Avtoreferat diss. dok. filos. nauk [Urban Sphere: a System-semiotic Analysis. Synopsis dr. philos. sci. diss.]*. Arkhangelsk, 2019. 38 p. (In Russian)
6. Kassirer E. [Cassirer Ernst] *Filosofiya simvolicheskikh form. V 3 tomakh [The Philosophy of Symbolic Forms. In 3 volumes]*. Moscow, St. Petersburg, University Book Publishing House, 2002. (In Russian)

7. Kastel's M. [Castells Manuel] *Informatsionnaya epokha: Ekonomika, obshchestvo i kul'tura [The Information Age: Economy, Society and Culture]*. Moscow, Publishing House of the National Research University Higher School of Economics, 2000. 608 p. (In Russian)
8. Landr Ch. *The Creative City: A Toolkit for Urban Innovators*. London: Earthscan Publications LTD, 2000. (In Rus. ed.: Lendri Ch. *Kreativnyy gorod [Creative city]*. Moscow, Publishing House "Classica 21", 2006. 397 p.)
9. Mazda A. *Stress and the City*, 2017 (In Rus. ed.: Mazda A. *Stress v bol'shom gorode [Stress in a Big City]*. Moscow, 2019. 392 p.)
10. Makkuayr S. [McQuire Scott] *Geomedia. Setevye goroda i budushchee obshchestvennogo prostranstva [GeoMedia. Network Cities and the Future of Public Space]*. Moscow, Publishing House "Strelka Press", 2018. 268 p. (In Russian)
11. Makkuayr S. [McQuire Scott] *Mediynnyy gorod. Media, arkhitektura i gorodskoe prostranstvo [Media City. Media, Architecture and Urban Space]*. Moscow, Publishing House "Strelka Press", 2012. 440 p. (In Russian)
12. Markuze Gt. [Marcuse Herbert] *Odnomernyy chelovek [One-dimensional Human]*. Moscow, Ast Press Publishing House, 2009. 331 p. (In Russian)
13. Mitchell U. Dzh. [Mitchell William John Thomas] *Ya++: Chelovek, gorod, seti [I ++: Man, City, Networks]*. Moscow, Publishing House "Strelka Press", 2012. 370 p. (In Russian)
14. Montgomeri Ch. *Schastlivyy gorod. Kak gorodskoe planirovanie menyaet nashu zhizn' [The Happy City. How Urban Planning Changes Our Lives]*. Moscow, Publishing House "Mann, Ivanov, Ferber", 2019. 366 p. (In Russian)
15. Seabrook John *Nobrow. The Culture of Marketing. The Marketing of Culture*. (In Rus. ed.: Sibruk Dz. *Nobrow. Kul'tura marketinga. Marketing kul'tury [Nobrow. The Culture of Marketing. The Marketing of Culture]*. Moscow, Ad Marginem Press, 2005. 304 p.)
16. Toffler E. [Toffler Alvin] *Tret'ya volna [The Third Wave]*. Moscow, Ast Press Publishing House, 2010. 784 p. (In Russian)
17. Florida R. *Kreativnyy klass: Lyudi, kotorye menyayut budushchee [Creative Class: People Who Change the Future]*. Moscow, Publishing House "Classica 21", 2011. 419 p. (In Russian)
18. Freydin E. Kapitaliziruya doverie [Capitalizing the Trust]. *Urban Agenda*. 2018. Summer. P. 43. (In Russian)
19. Howkins John *The creative economy*, 978-0-140287-94-3. (In Rus. ed.: Hokins Dz. *Kreativnaya ekonomika: kak prevratit' idei v den'gi [Creative Economy: How to Turn Ideas into Money]*. Moscow, Publishing House "Classica 21", 2011. 255 p.)
20. Sharkovskaya N. V. Cultural Sense of the Park as a Public Space of Active Leisure. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2018, no. 5 (85), pp. 104–110. (In Russian)
21. Shpengler O. [Spengler Oswald Arnold Gottfried] *Zakat Evropy [The Decline of Europe]*. Moscow, Art Publishing House, 1993. 298 p. (In Russian)
22. Baumol W. J., Bowen W. G. (1966) *Performing Arts: The Economic Dilemma; a Study of Problems Common to Theater, Opera, Music, and Dance*. New York: Twentieth Century Fund. 582 p. (In English)
23. Gates H. L. Jr. (1993) Culture of Complaint: The Fraying of America. *The New Yorker*, April 19: pp. 113–117. (In English)
24. Glass R. L. (1964) *London: Aspects of Change*. London: UK: MacGibbon & Kee. 342 p. (In English)
25. Lefebvre H. (1971) *Everyday Life in the Modern World*. New York, etc.: Harper & Row. 206 p. (In English)
26. Whyte W. H. (1988) *The City: Rediscovering the Center*. New York: Doubleday: pp. 119–123. (In English)
27. Whyte W. H. (1980) *The Social Life of Small Urban Spaces*. Washington, DC: Conservation Foundation. 125 p. (In English)

*

РАЗВИТИЕ АРТ-ИНИЦИАТИВ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ И ИХ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ

УДК 008:061.4

DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10215

Е. А. Карцева

Российский государственный гуманитарный университет
Московский международный университет

Статья систематизирует развитие культурного потенциала в российской провинции через наиболее заметные локальные художественные проекты, которые обрели институциональный статус, имеют многолетнюю историю, чёткую структуру и внутренние правила, играют значимую роль в жизни своего города, при этом изначально преследовали цель преодоления локальной замкнутости в сторону глобальных художественных процессов. Новизна статьи заключается в систематизации опыта наиболее интересных региональных проектов и демонстрации интенсивности событий в области современного искусства вдали от условных «центров» Москвы и Санкт-Петербурга. Отдельное внимание уделяется глокальности региональных проектов, сквозь призму того, как интеграция в международное биеннальное движение позволяет сохранять локальные традиции. Для раскрытия избранной темы автор использует материал, собранный в течение нескольких лет посредством интервью с кураторами региональных проектов. В качестве выводов в статье систематизируются те специфические черты региональных арт-проектов, которые отличают их от традиционных институций и которые могут быть использованы в социокультурном проектировании других подобных мероприятий.

Ключевые слова: биеннале, российские региональные арт-проекты, глокальность российских арт-проектов в регионах.

Ekaterina A. Kartseva

Russian State University for the Humanities, The Ministry of Education and Science of the Russian Federation,
Миусская Sq., 6, 125993, Moscow, Russian Federation

Moscow International University, Leningradsky Prospect, 17, 125040, Moscow, Russian Federation

THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN REGIONAL ART PROJECTS AND THEIR INSTITUTIONALIZATION

The article systematizes the cultural potential growth in the Russian province through the most prominent local art projects that have gained institutional status. That is, those projects that have a

КАРЦЕВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат культурологии, доцент кафедры кино и современного искусства Российского государственного гуманитарного университета; доцент факультета рекламы и связей с общественностью Московского международного университета, главный редактор портала об искусстве artandyou.ru, куратор, ORCID ID: 0000-0002-3517-5551

KARTSEVA EKATERINA ALEKSANDROVNA – PhD in Cultural Studies, Associate Professor at the Department of the Cinema and Contemporary Art Studies, the Russian State University for the Humanities; Associate Professor at the Faculty of the Advertising and Public Relations, Moscow International University, Chief Editor of artandyou.ru art portal, curator, ORCID ID: 0000-0002-3517-5551

e-mail: katyakartseva@gmail.com

© Карцева Е. А., 2020

long history, a clear structure and internal rules, playing a significant role in the life of their city, while initially having the goal of overcoming local isolation in the direction of global artistic processes. The novelty of the article is in systematizing the experience of the most interesting regional Russian art-projects and demonstrating the intensity of events in the field of contemporary art away from the conditional “centers” like Moscow and St. Petersburg. Author draws attention to the specifics of the format of the Biennale and its relevance in the context of the contemporary artistic situation with an emphasis on Russian experience. Special attention is paid to the global nature of regional projects, through the prism of how integration into the international biennial movement allows preserving local traditions. To reveal the chosen topic, the author uses material collected over several years through interviews with curators of regional projects. As conclusions, the article systematizes those specific features of regional art projects that distinguish them from traditional institutions and which can be used in the social and cultural management of other similar events.

Keywords: biennale, Russian regional art projects, the glocality of Russian regional art projects.

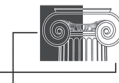
Для цитирования: Карцева Е. А. Развитие арт-инициатив в российских регионах и их институционализация // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 2 (94). С. 143–148. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-102015

Значимость развития регионального культурного потенциала декларируется в таких документах и программах Министерства культуры РФ, как «Об основных направлениях и результатах деятельности Министерства культуры Российской Федерации в 2018 году и задачах на 2019 год» [2], Государственная программа РФ «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 годы [9].

Бизнес, в условиях перехода к креативной экономике, проявляет интерес к изучению креативного потенциала территорий, потому что именно наличие развитой культурной инфраструктуры, повседневно доступных комфортных пространств, значимых культурных событий, образовательных программ является основным фактором экономического развития [3].

В рамках Культурного форума регионов России ведущими экспертами в области регионального культурного развития обращалось внимание на то, что культурный потенциал глубинной России неисчерпаем, поэтому необходимо активнее интегрировать его в стратегии развития локальных территорий, повышать инвестиционную привлекательность исторических поселений, рас-

полагающих культурно-историческим наследием [1, с. 679]. Биеннале в этом смысле являются не просто драйверами развития территорий, но и фактором сохранения и возрождения культурных традиций. Это может показаться парадоксальным, ведь биеннале – это проекты, которые сильно отличаются от традиционных представлений об искусстве. Но в действительности продвинутые арт-практики, как правило, тесно связаны с местной историей и культурой, их самобытностью и многообразием, что соотносится с концепцией глокальности, подразумевающей сохранение и усиление глобальных отличий вместо их исчезновения, но в то же время их развёрнутость в международный контекст, что также соответствует и лидирующему в современной культуре формату биеннале. Большинство проектов современного искусства стремится обрести международный статус, обозначить свой город или регион на международной арт-карте мира тем или иным способом. В результате происходит некое новое прочтение национальной или региональной идентичности в условиях глобальной культуры. Например, организаторы Новосибирской биеннале по-

зиционируют город как центр Сибири, которая сама по себе является брендом, загадочным и притягательным для художников и кураторов местом на планете.

В то же время исследовательская проблематика Уральской биеннале нацелена на рассмотрение перспектив индустриального города в современном мире. Исследование индустриальности как регионального наследия первоначально было запланировано организаторами как часть основной концепции. В то же время на месте Екатеринбурга может быть любой другой промышленный город. Изначально была ставка на локальность, но не как местную закрытую экзотику, а как явление, разомкнутое на самый широкий контекст [4].

Название Ханты-Мансийского фестиваля «Большая вода», проводимого с 2007 года в начале лета, отсылает к уровню воды в месте слияния Оби и Иртыша, на котором расположен город, и ассоциируется с важным для русского человека, в особенности сибиряка, ощущением простора и размаха, величия русской природы. «Большая вода», хоть и не имеет международного статуса, но в нём принимали участие представители ряда зарубежных государств.

В рамках биеннале кураторы и художники разыскивают идеи для своих проектов в региональных архивах, во время интервью с местными жителями, открывая регион заново, акцентируя его локальный культурный потенциал.

Кураторы Уральской биеннале перед тем, как формировать выставку, посещают мастерские художников, заводы. Иностранные художники живут и работают в арт-резиденциях, размещённых по всему Уральскому региону, а также имеют возможность посетить действующие промышленные предприятия, что и помогло привлечь художников со всего мира.

Одной из целей Арктического художественного форума является раскрытие значения культуры Севера, народного искусства, фольклора через современные арт-практики. Так, именно на Севере в XIX веке были обнаружены былины Киевской Руси. Сохранились богатейшее самобытное музыкальное наследие, визуальная культура (домовая роспись, росписи объектов, вышивки), архитектура Русского Севера. В 2016 году одно из произведений отсылало к древнеславянскому изображению богини плодородия и благоденствия Макоши, до сих пор встречающемуся в северной вышивке. Образ Макоши был представлен в виде мурала (настенной монументальной живописи). Понятия, которые, казалось бы, пришли к нам с Запада, на форуме обсуждались сквозь призму собственной истории: *female power* (женская сила) и матриархальные образы Макоши (единственного славянского божества женского рода), *sharing economy* (совместное потребление) и практика, когда в деревнях делили расходы на пивоварни, *mosumentary* (жанр псевдодокументалистики, в том числе популярный приём постмодернистских арт-практик) и *скоморошина* (сказки, основанные на традициях национального фольклора).

Нижний Новгород, являющийся одной из столиц российского стрит-арта (уличное искусство, зародившееся в США), также известен ярко выраженной локальной спецификой. Нижегородский край всегда был центром художественных промыслов. И это наложило отпечаток на современную ситуацию с уличным искусством. Арт-практика, зародившаяся в США, в Нижнем Новгороде приобрела уникальный национальный колорит. Нередко нижегородский стрит-арт представляет собой современное бытописание, когда художники рисуют на стене дома сюжеты, олицетворяющие род деятельности

его обитателей. Уличные художники очень много рисуют на дереве (чему располагают обилие деревянной архитектуры) или используют дерево в качестве основного материала для создания арт-объектов. Жители города часто обращаются к художникам с просьбой нарисовать что-то на их доме, так как надеются, что это поможет его сохранить, обратив внимание властей [5].

В 2015 году в рамках параллельного проекта Московской международной биеннале молодого искусства директор Австрийского культурного форума Симон Мраз¹ выступил куратором выставки НОРЕ/Надежда, в ходе которой двадцать иностранных художников из шести стран посетили семь российских городов, чтобы создавать на месте проекты, вдохновлённые этими промышленными центрами. Причём организаторы старались отправить художника в тот город, который бы корреспондировался с его творчеством. Например, в Иваново отправили тех, кто работает с текстильной темой [7]. В 2017 году выставка была показана в «Кунстхалле Вена».

Все вышеперечисленные достижения российских регионов и местного арт-сообщества не отменяют и огромных трудностей, с которыми приходится сталкиваться организаторам. В первую очередь речь идёт о хроническом недостатке финансирования. Поэтому каждый раз успех этих проектов – это уникальное стечение объективных и субъективных факторов, титанической работы оргкомитета и волонтёров.

В целом упомянутые биеннале и фестивали имеют свои особенности и специ-

фику, но мы выделим наиболее общие принципы:

- проектное видение, подразумевающее использование современных принципов управления для комплексного подхода к решению задач;
- кураторская ориентация, подразумевающая концептуальный характер экспозиций, объединённых определённой сквозной кураторской идеей, чья задача отразить происходящее в регионе;
- особые подходы для демонстрации продвинутых арт-практик на стыке искусства и неискусства;
- ориентация на интеграцию в международные арт-процессы, развитие горизонтальных связей со специалистами из других стран;
- выгодное позиционирование региона на мировой арт-карте.

На наш взгляд, именно такой подход наиболее эффективен с позиций регионального развития, потому что, помимо самих выставок, он подразумевает:

- активное взаимодействие с городом за счёт задействования необычных пространств;
- демонстрацию не только привезённых работ известных авторов, но и местных, созданных в культурном пространстве региона;
- образовательные программы, научные симпозиумы и мероприятия, спектакли, перформансы, литературные чтения, курсы, направленные на активизацию культурного потенциала местных жителей;
- организацию международных арт-резиденций;
- развитие института медиаторства и культурного волонтерства.

Региональные же музеи и профессиональные объединения в большинстве своём не соответствуют современному художе-

¹ Симон Мраз давно зарекомендовал себя в роли исследователя русской культуры на периферии. Его кураторские проекты проходили в обсерватории в Архызе, на ледоколе «Ленин». Сейчас он работает над проектом «На районе», посвящённом исследованию московских окраин.

ственному мышлению, морально устарели и играют малозначительную роль в развитии креативного капитала регионов. Зачастую они сталкиваются с проблемами как в финансировании, задействовании необычных и больших экспозиционных пространств, так и в реальном преобразении культурной среды своего региона. Казавшееся незыблемым для Российской Федерации преобладание культурного развития столиц над регио-

нальным сегодня активно подвергается пересмотру. И в этом процессе лидирующая роль отводится именно проектам уровня биеннале и международных арт-фестивалей. Международный статус важен, чтобы обозначить город или регион на международной карте мира, акцентировать его локальный культурный потенциал, а значит, сохранить локальные отличия, вместо их нивелирования.

Примечания

1. Астафьева О. Н., Коротева О. В., Шibaева Е. А. Образование и культура в социокультурном развитии регионов России // *Обсерватория культуры*. 2017. № 14 (6). С. 677–685.
2. Доклад «Об основных направлениях и результатах деятельности Министерства культуры Российской Федерации в 2018 году и задачах на 2019 год» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mkrf.ru/activities/reports/>
3. Индекс креативного капитала, подготовленный фондом Calvert 22 и компанией PwC [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pwc.ru/ru/publications/creative-capital-index.html>
4. Карцева Е. Алиса Прудникова: «Уральская Биеннале стала не проектом, а институцией» [Электронный ресурс] // *ArtAndYou* : независимое онлайн-издание об искусстве : [веб-сайт]. Электрон. дан. 29 апреля 2018 года. URL: http://artandyou.ru/category/news/post/uralskaya_biennale
5. Карцева Е. Анна Нистратова. Стрит-арт в Нижнем Новгороде [Электронный ресурс] // *ArtAndYou* : независимое онлайн-издание об искусстве : [веб-сайт]. Электрон. дан. 15 июня 2015 года. URL: http://artandyou.ru/category/history/post/nnovgorod_street_art
6. Карцева Е. Саша Обухова: «Локальная история искусства стала одной из важнейших директорий Триеннале в Гараже» [Электронный ресурс] // *ArtAndYou* : независимое онлайн-издание об искусстве : [веб-сайт]. Электрон. дан. 15 марта 2017 года. URL: http://artandyou.ru/category/events/post/sasha_obuhova_triennale
7. Карцева Е. Симон Мраз: «Русское искусство заслуживает быть среди лучших» [Электронный ресурс] // *ArtAndYou* : независимое онлайн-издание об искусстве : [веб-сайт]. Электрон. дан. 1 ноября 2015 года. URL: http://artandyou.ru/category/art/post/simon_mraz_russian_art_deserves_being_among_the_best_and_i_do_my_best_to_contribute
8. Назанский В. О. Феномен Новосибирской биеннале современной графики // *Кураторские проекты в области современного искусства: новые концепции, опыт осуществления : материалы научно-практического семинара, 12 сентября 2009 года : в рамках VI Международной биеннале современной графики / сост. С. П. Голикова. Новосибирск : [Вояж], 2009.*
9. Паспорт государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 годы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mkrf.ru/upload/iblock/8d5/8d5d8fed0dc2050c27d8c23ac50d110e.pdf>
10. Пятая Уральская индустриальная биеннале – диалог искусства и промышленности [Электронный ресурс] // *Культура.РФ. Екатеринбург* : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: <http://xn--80atdujec4e.xn--80acgfbsl1azdqg.xn--plai/news/562/i268173/>
11. Шлыкова О. В. Культурный диалог регионов России: механизмы партнёрства власти, общества и бизнеса // *Обсерватория культуры*. 2015. № 6. С. 28–35.

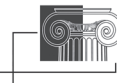
References

1. Astafyeva O. N., Koroteeva O. V., Shibaeva E. A. Education and Culture in the Socio-Cultural Development of Russian Regions. *Observatory of Culture*. 2017, no. 14 (6), pp. 677–685. (In Russian)

2. Doklad "Ob osnovnykh napravleniyakh i rezul'tatakh deyatelnosti Ministerstva kul'tury Rossiyskoy Federatsii v 2018 godu i zadachakh na 2019 god" [Report "On the Main Directions and Results of the Activity of the Ministry of Culture of the Russian Federation in 2018 and Tasks for 2019"]. Available at: <https://www.mkrf.ru/activities/reports/> (In Russian)
3. Indeks kreativnogo kapitala, podgotovlennyy fondom Calvert 22 i kompaniey PwC [Calvert 22 and PwC Creative Capital Index]. Available at: <https://www.pwc.ru/ru/publications/creative-capital-index.html> (In Russian)
4. Alisa Prudnikova: "Ural'skaya Biennale stala ne proektom, a institutsiey" [Alisa Prudnikova: "The Ural Biennale Has Become Not a Project, but an Institution"]. Available at: http://artandyou.ru/category/news/post/uralskaya_biennale (In Russian)
5. Anna Nistratova. Strit-art v Nizhnem Novgorode [Anna Nistratova. Street Art in Nizhny Novgorod]. Available at: http://artandyou.ru/category/history/post/nnovgorod_street_art (In Russian)
6. Sasha Obukhova: "Lokal'naya istoriya iskusstva stala odnoy iz vazhneyshikh direktoriy Triennale v Garazhe" [Sasha Obukhova: "Local Art History Has Become One of the Most Important Directories of the Garage Triennial"]. Available at: http://artandyou.ru/category/events/post/sasha_obuhova_triennale (In Russian)
7. Simon Mraz: "Russkoe iskusstvo zasluzhivaet byt' sredi luchshikh" [Simon Mraz: "Russian Art Deserves to be Among the Best"]. Available at: http://artandyou.ru/category/art/post/simon_mraz_russian_art_deserves_being_among_the_best_and_i_do_my_best_to_contribute (In Russian)
8. Nazansky V. O. Fenomen Novosibirskoy biennale sovremennoy grafiki [The Phenomenon of the Novosibirsk Biennale of Contemporary Graphics]. In: Golikova S. P., comp. Kuratorskie proekty v oblasti sovremennogo iskusstva: novye kontseptsii, opyt osushchestvleniya. Materialy nauchno-prakticheskogo seminar, 12 sentyabrya 2009 goda: v ramkakh VI Mezhdunarodnoy biennale sovremennoy grafiki [Curatorial Projects in the Field of contemporary art: new concepts, implementation experience. Materials of a Scientific and Practical Seminar, September 12, 2009: Within the Framework of the VI International Biennale of Contemporary Graphics]. Novosibirsk, 2009. (In Russian)
9. Pasport gosudarstvennoy programmy Rossiyskoy Federatsii "Razvitie kul'tury i turizma" na 2013–2020 gody [Passport of the state program of the Russian Federation "Development of culture and tourism" for 2013–2020]. Available at: <https://www.mkrf.ru/upload/iblock/8d5/8d5d8fed0dc2050c27d8c23ac50d110e.pdf> (In Russian)
10. Pyataya Ural'skaya industrial'naya biennale – dialog iskusstva i promyshlennosti [Fifth Ural Industrial Biennale – Dialogue between Art and Industry]. Available at: <http://xn--80atdujec4e.xn--80acgfbsl1azdq.xn--p1ai/news/562/i268173/> (In Russian)
11. Shlykova O. V. Cultural Dialogue of Russian Regions: Partnership Mechanisms of the Government, Society and Business. *Observatory of Culture*. 2015, no. 6, pp. 28–35. (In Russian)

*

Коллекционирование как выявление культурно-темпоральной ориентации личности

УДК 159.9.01:379.824

DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10216

В. Ю. Лебедев, Е. М. Перелыгина

Тверской государственной университет

Статья исследует осмысление времени и темпоральности как реализации различных способов выражения личной темпоральной ориентированности индивидуума, в частности через коллекционирование. Трансформация темпоральности для гармонизации личного пространства и личного ощущения времени путём фиксирования темпоральной ориентации осуществляется через коллекционирование. Статья рассматривает различные типы темпоральной ориентации личности и их выражение в коллекционировании и намечает роль коллекционирования в определении индивидуальных психологических типов личности, а также культурного портрета, что может быть результативным в разработке теории культурной типологизации. Коллекция выступает как предмет проекции личности, основание для самоидентификации и возможный мир, создаваемый человеком, несущим на себе черты коллекционера, включая отображение разных модусов внутреннего времени. Обосновываются свойства коллекции организовывать микромир отдельного индивидуума и фиксировать время в видимых и осязаемых образах, ослаблять темпоральную напряжённость, создавать видимость манипуляции или контроля над временем. Приводится примерная типологизация типов личности коллекционеров и их соотнесённость с типами коллекционирования и коллекций.

Ключевые слова: темпоральность, коллекционирование, психология времени, культура, консерватизм.

Vladimir Yu. Lebedev, Elena M. Perelygina

Tver State University, the Ministry of Education and Science of the Russian Federation,
Zhelyabova St., 33, 170100, Tver, Russian Federation

COLLECTIBLES AS AN ELICITATION OF THE PERSONAL CULTURAL TEMPORAL ORIENTATIONS

The article tries to understand time and temporality as the realization of various ways of expressing the personal temporal orientation of an individual through collecting, in particular. Collection accomplishes

¹ЛЕБЕДЕВ ВЛАДИМИР ЮРЬЕВИЧ – доктор философских наук, профессор кафедры теологии Института педагогического образования и социальных технологий Тверского государственного университета

LEBEDEV VLADIMIR YURYEVICH – DPhil, Professor at the Department of Theology, the Institute of Pedagogical Education and Social Technologies, the Tver State University

²ПЕРЕЛЫГИНА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов отделения общеуниверситетских кафедр Тверского государственного университета

PERELYGINA ELENA MIKHAYLOVNA – PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Foreign Languages of Humanitarian Faculties, the Interfaculty Department of Foreign Languages, the Tver State University

e-mail: Lebedev.VY@tversu.ru¹, Perelygina.EM@tversu.ru²

© Лебедев В. Ю., Перелыгина Е. М., 2020

the transformation of temporality to harmonize personal space and personal sense of time by fixing the temporal orientation. The article examines the different types of personality temporal orientation and their expression in collectibles and outlines the role of collectibles in defining individual psychological personality types as well as cultural portraits, which can be useful in developing the theory of cultural typology. The collection acts as a subject of personality projection, a basis for self-identification, and a possible world created by a person bearing the features of a collector, including the display of different modi of inner time. The article explains how the properties of the collection can organize the micro world of an individual and to record time in visible and tangible images, to ease temporal tension, to create the hint of manipulation or control over time. An approximate typology of the personality types of collectors and their relationship to the types of collectibles and collections is given.

Keywords: temperance, collection, psychology of time, culture, conservatism.

Для цитирования: Лебедев В. Ю., Перелыгина Е. М. Коллекционирование как выявление культурно-темпоральной ориентации личности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 2 (94). С. 149–156. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10216

Исследования времени, активно начавшиеся с последней трети XIX века в парадигмах разных наук, привели не только к новому, нетрадиционному осмыслению темпоральности (хрестоматийным примером чего стала теория относительности), но и к выделению разных, хотя и взаимодополняющих видов времени. Фундаментальными стали работы А. Бергсона, Г. Зиммеля, М. Хайдеггера. Время исследовалось и в специальной литературе по патопсихологии, но эти результаты долго не выходили за узкие рамки этой исследовательской области. На настоящий момент виды времени можно сгруппировать следующим образом.

Время физическое, признаваемое как «основное», описательный аппарат которого в значительной мере сформировал и понятийную область описания иных видов времени (физические понятия постоянно экстраполируются в иные виды научного знания, включая и гуманитарное, часто становясь метафорами, например, «поле» в физике и «семантическое поле» в лингвистике).

Психологическое время, связанное со сферой психологических явлений, выступающих коррелятом психологического времени самого по себе, выявляющих его и даю-

щих возможность описания. Сюда относятся не только эффекты вроде субъективного убыстрения или замедления времени, но и эмоциональная окраска переживания движения времени, реакция на это движение, принятие жизненных решений, планов и программ, исходя из соображений «успею», «не успею», причём эти расчёты могут, очевидно, не совпадать с резервами физического времени, так как речь идёт о возможностях субъекта освоить время физическое через медиацию его временем психологическим. Отсюда проистекают и случаи различия в работоспособности, связанные с оценкой временных возможностей, отчётливо переживаемых субъектом, но недоступных окружающим, которые могут только проецировать ситуацию на себя самих, и т.д.

Свой вариант психологического времени предложил А. Бергсон. «Если я хочу приготовить себе стакан подслащённой воды, то, что бы я ни делал, мне придётся ждать, пока сахар растает. Этот незначительный факт очень поучителен. Ибо время, которое я трачу на ожидание, – уже не то математическое время, которое могло бы быть приложено ко всей истории материального мира, если бы оно вдруг развернулось в пространстве. Оно совпадает с моим нетерпением, то

есть с известной частью моей длительности, которую нельзя произвольно удлинить или сократить. Это уже не область мысли, но область переживания. Это уже не отношение; это принадлежит к абсолютному» [1, с. 46]. А. Ф. Лосев рассматривал психологическое время как вполне самостоятельное явление.

Биологическое время, составляемое точными и иными циклами, связанными с бытованием индивида как биологического организма, и осуществляющимися благодаря биохимическим процессам, также обладающим определённой цикличностью и регулярностью. Сюда относятся и биологически мотивированные спады активности, что проявляется в накоплении невыполненных дел, упущении полезных возможностей (легко заметные маркеры времени). Биологическое время зависит от ряда чисто биологических внешних факторов.

Историческое (культурное, социальное) время определяется чередованием эпох, культурных укладов и стилей, скоростью этого чередования и периодами как замедления чередования, так и стремительного ускорения, что характерно, например, для эпох конца века. Большой вклад в его концептуализацию внёс Г. Зиммель.

Эсхатологическое время, актуальное для религиозного мировоззрения, описывающее движение и наступление тех или иных событий, входящих в божественный замысел. Размышления над представлением эсхатологического времени в посланиях апостола Павла помогли Хайдеггеру развить экзистенциалистскую концепцию времени.

Второй, третий и четвёртый вариант можно объединить гиперпонятиями «витальное время» или «витальная темпоральность». При этом между психологическим и биологическим временем, как преимущественно внутренним, и историческим, внешним, устанавливается связь: внешнее

время способно влиять на внутреннюю темпоральность порой с такой же силой, с какой это может делать и время физическое. Изменения жизненного обихода, связанные, например, с экономическими циклами, способны менять активность индивида, его оценку собственных перспектив и т. п. Отчуждение времени от субъекта является проблемным и даже болезненным, а прекращение чаще всего сопряжено с гибелью субъекта или радикальным разрывом со средой существования (например, длительное бессознательное состояние).

Несмотря на всю сложность описания психологической темпоральности, что видно уже из работ Бергсона, конструировавшего необходимый понятийный аппарат, традиционные модусы «прошлое», «настоящее», «будущее» всё ещё остаются удобными для описания темпоральных феноменов. Несмотря на кажущуюся трудноуловимость времени, оно настолько тесно связано с биофизиологическими основами существования человека, что играет очень заметную роль в возникновении стрессов, так что сейчас, когда видов стресса выделяют неопределённо много, в том числе и в зависимости от типа стрессора, можно говорить о темпоральном стрессе. Как и в случае иных видов стресса, разные индивиды демонстрируют разную степень чувствительности. Темпоральным стрессом объясняются негативные переживания чьей-то непунктуальности, отмены запланированных мероприятий, нарушение горизонта ожиданий. Более того, феномен консерватизма, начиная с консерватизма обыденного, бытового, каждодневного, имеет выраженный стрессовый компонент. Консерватизм состоит не только в нежелании, выраженном более или менее сильно, принимать новое, но и в негативных переживаниях, имеющих отчётливый психофизиологический компонент и могу-

щих быть охарактеризованными как стрессовые. Поэтому понуждать консервативного индивида расставаться со старыми привычками и осваиваться с новым означает причинять ему сильный дискомфорт в смысле буквальном, а дискомфорт будет вполне объективным. Не случайно консерватизм обычно возрастает с возрастом (Т. Рибо), обретает особенно яркие формы в пожилом и старческом возрасте, когда и сама динамика стресса меняется из-за совершенно объективных перемен в организме. В западной медицине 1980-х годов был распространён термин «депрессия смены квартиры», причём это расстройство связывалось с пожилым возрастом, когда консервативность нарастает в целом.

Стресс времени связан со стрессом движения, точнее, движения в будущее, с факторами, которые это движение порождает и которые становятся в результате стрессорами. Разумеется, мы видим широкий спектр индивидуальных различий боязни и непереносимости такого движения, что вписывается в разнообразие индивидуальных психофизиологических укладов и конституций в целом. Ряд индивидов демонстрирует как раз интерес к переменам, то есть не только переживает движение вперёд без дискомфорта, но стремится к такому движению и не боится наращивать его темпы. Таким образом, «неуловимое» время порождает вполне ощутимую и материальную реакцию.

Человек часто стремится выскочить из неприятного для него времени или, наоборот, задержаться в той темпоральности, которая его устраивает. Нередки попытки задать собственные ритмы бытия и сгладить действие иных. Например, крайние формы эскапизма, отшельничества (вроде семьи Лыковых) позволяют ослабить связь даже с историческим временем, зато задать свою

темпоральность через выбор ритмов ведения хозяйства и повседневной жизни в целом. Как писал Т. Рибо, «всякая господствующая мысль поддерживается какою-нибудь потребностью, стремлением или желанием, то есть аффективным элементом. Всякое господствующее чувство должно сосредоточиться в идею или образ, который дал бы ему плоть, систему, без чего оно остаётся в расплывчатом состоянии» [8, с. 63]. Вариации темпоральности могут определяться различием профессий и должностей, уровнем жизни, здоровьем и болезнью и т. д.

Способом смягчения переживаний, связанных с темпоральным стрессом, выступает зона приватного, где человек осваивает, семантизирует и закрепляет за собой не только пространство, что описывается чаще, но и время: приёмное время для гостей, часы для телефонных звонков, наконец, сам факт возможности лично устанавливать всё это. Приватность времени существует наряду с приватностью пространства, признанной всеми, иное дело – как к ней относятся.

В пределах самой приватности существуют как зоны, расширяющиеся в концентрическом порядке (они соотносятся, хотя и не совпадают с психологическими зонами приватности), так и структурные кластеры, связанные с определённым видом осознанной деятельности и специфической семиотизацией. Если зоны обычно иллюстрируют концентрическими окружностями, то указанные кластеры – это некоторые фрагменты, возникающие при пересечении окружностей лучами, расходящимися из предполагаемого центра. При этом в одних зонах их предсказуемо больше, в других – меньше. Быт как часть повседневности ассоциирован с домом, жилищем и располагает заметными возможностями уменьшить дискомфорт, связанный с особенностями и

коллизиями субъективной витальной темпоральности. Дом – это не просто освоенное и стабильное, повторяющееся и самовоспроизводящееся пространство, но и семиосфера, позволяющая семиотически моделировать все витальные временные модусы: стремление вперёд, стремление к остановке (то, что мы приблизительно именуем настоящим) и консервативное стремление в прошлое. Определённые кластеры повседневности дают возможность смягчать коллизии индивидуальной темпоральности. Это могут быть особенности интерьера, декорирования дома, манеры одеваться, так как само тело, сома является центром повседневности, и т.д. Особенный кластер такого рода, выявляющий темпоральные тенденции индивида и выполняющий компенсирующую функцию, вплоть до создания обособленного «мира», – коллекционирование.

Коллекция, её структура, тематика, жанровый отбор, предметное наполнение, пространственная локализация, количество потраченных ресурсов, режим хранения (общедоступный или закрытый), семантизация, в том числе и индивидуальная, когда семантический ключ недоступен окружающим, являются в значительной мере перевыражением и общих личностных черт, и темпоральных предпочтений и установок индивида. Коллекция, помимо проекции личностных качеств и предпочтений на предметы собирания, является стабильной (нарушение порядка в собираемых предметах переносится обычно тяжело) и самоценной (помимо случаев коллекционирования с целью вложения средств), что минимизирует необходимость отчитываться о её существовании, поскольку самоценность частично выводит самоценный объект из потока времени, ведь по отношению к нему снимается вопрос «зачем», что осла-

бляет темпоральную напряжённость по отношению к модусу «будущее». Существованию коллекции присущи собственные ритмы, во многом задаваемые самим собирателем (конечно, они не всегда зависят от него: длительные поиски нужного предмета, неудачная попытка приобретения). Наряду с другими особенностями личности человек проецирует на коллекцию и своё отношение ко времени, конфликты с ним, проблемы, имеющие темпоральную природу. «Ничто ... не мешает нам приписывать длительность, а следовательно, и форму существования, аналогичную нашей, изолируемым наукой системам, если вновь ввести их в Целое, куда они и должны быть введены. То же самое ... можно сказать и о предметах, выделяемых нашим восприятием. Чёткие контуры, приписываемые нами какому-нибудь предмету и придающие ему индивидуальность, очерчивают лишь известного рода влияние, которое мы могли бы оказать на данную точку пространства: это план наших возможных действий, отражаемый, словно в зеркале, в наших глазах, когда мы замечаем поверхности и грани вещей. Уберите эти действия, а следовательно, и широкие пути, прокладываемые с их помощью восприятия в переплетениях реальности, и индивидуальность предмета поглотится всеобщим взаимодействием, которое и есть сама реальность» [1, с. 48–49].

Коллекция как микромир может быть объектом для организации не только отдельного пространства, но и отдельного времени, начиная с отсылок к эпохе, которую представляют собираемые предметы. В этом мире человек получает определённые возможности, что хотя бы частично компенсирует его подчинённость времени в других секторах бытия. Коллекционирование – прекрасная возможность зафиксировать время в видимых и осязаемых образах, объ-

активировать его и сделать его, таким образом, манипулируемым, в крайнем случае создать хотя бы видимость такой манипуляции, видимость, сохраняющуюся в узком и строго локализованном пространстве коллекции. Уход за предметами собрания – не только возможность самому строить и перестраивать мир, но и установления отдельных темпоральных ритмов, в зависимости от своего желания и/или от свойств самой коллекции (например, коллекцию растений нужно поливать, пересаживать с определённой регулярностью, коллекция мягкой игрушки и любых предметов, где присутствует ткань, требует регулярного контроля за возможным появлением моли, серебряные предметы чаще всего чистят при появлении тёмного налёта). В ряде случаев вся обитаемая сфера может становиться коллекцией, в результате артизации частного пространства, которое позволяет хоть как-то выскочить из жизни, её временных ритмов, идущих вразрез с темпоральной ориентацией, темпоральным стремлением индивида. Сходство коллекционирования как деятельности разных индивидов с большой долей вероятности говорит об общих чертах их субъективной темпоральности, с другой же стороны, масса тонких и не сразу заметных различий в такой деятельности делает частное коллекционирование предметом для тщательного семиотического и герменевтического анализа.

В соответствии с темпоральными предпочтениями можно выделить три основных типа коллекций.

Регрессивные – закрепляющие темпоральную ориентацию в прошлое. Собираемые предметы воссоздают семантический ореол прошедшего (предметы интерьера, статуэтки, даже изготовленные недавно, но изображающие типажи прошлого), реферируют к ситуациям, имевшим место в ушед-

шем физическом времени, физически старые, изготовленные в другой временной период. Сюда можно отнести всех тех, кто коллекционирует старые и антикварные вещи, независимо от характера этих вещей, а также небольшое сообщество собирателей гербариев, анатомических муляжей и законсервированных препаратов, коллекционеров-таксидермистов. Порой их чисто научные интересы перетекают в собирательские.

Среди коллекционеров регрессивного типа часто встречаются люди, в принципе консервативные, тяжело адаптирующиеся к любым переменам, «ненавистники прогресса», тревожные, подчас невротизированные личности или пережившие травмирующий импринтинг, прямо или косвенно связанный с переживанием течения времени. В культурном плане это также консерваторы, старающиеся ухватиться даже за уходящий тип культуры. Сохранение привычного порядка вещей символически осуществляется через процесс управления миром коллекции. Их деятельность становится особенно активной в периоды смены культурных эпох – как реакция на эту смену и стремление затормозить её. Частным примером является распространение коллекционирования в период Серебряного века, что не может объясняться только культивированием эстетизма, столь характерного для этого отрезка истории культуры.

Презентивные – соответствующие темпоральному стремлению закрепитесь, остаться в настоящем. Коллекционирование марок в значительной мере относится к этому типу, выпуск и гашение марки – событие всегда актуальное, кроме того, тематика марки часто привязана к событиям новым, хотя после они и отодвигаются в прошлое. Сюда же можно отнести коллекционирование новых открыток, но с той же оговоркой. К этому типу относится коллекционирова-

ние растений, существующих в актуальных и типичных биологических ритмах, если не считать редко встречающихся собирателей растительных культур, огородных или чисто декоративных, вытесненных из употребления, ставших редкостью. Совсем редким видом являются коллекции медиков, например, извлечённые инородные предметы, хотя в этом случае, особенно если эта коллекция публична и используется как пособие, в ней присутствует явный семантический момент будущего, поскольку людей предупреждают о возможных повторах обнаружения таких предметов. Вообще, все коллекции презентивного типа неизбежно стареют, наращивают регрессивную семантику, однако это происходит помимо желания собирателя, этот эффект невозможно исключить, даже если хочется наполнять коллекцию только предметами, актуальными в той среде, в которой течёт время, наиболее естественное и комфортное для собирателя.

Прогрессивные – соответствующие согласию двигаться сообразно общему социальному, культурному движению в будущее. В этом случае коллекция может быть «открытой», семантически и синтаксически рассчитанной на пополнение предметами, не входившими ранее в тематический контур. В качестве примера можно привести коллекции сборников фантастики (научной фантастики), регулярно пополняющиеся новыми экземплярами, или коллекции, рассказывающие о развитии того

или иного предмета быта (по принципу: «одежда от такой-то эпохи и до современности»). Иной случай представляет коллекционирование вещей, намекающих на будущее, несущих семантический компонент динамичности, например, техники (постоянно совершенствующегося объекта) или даже машин, летательных аппаратов с фантастическими чертами, предвосхищающими возможный прогресс.

Для двух последних групп характерно преобладание личностей синтонных, менее озабоченных переменами (то есть течением времени!), легко адаптирующихся к переменам. Для последнего типа может быть характерно стремление в будущее, как романтическое, более характерное для не достигших порога взрослости или даже сохранивших инфантильные черты, так и конструктивное – деловая активность, для успешности которой важны умения прогнозирования и опережающего планирования. Культурные преобразования для таких личностей не только вполне приемлемы, они сами готовы принять в этих трансформациях активное участие.

Исходя из сказанного, можно утверждать, что коллекционирование может, помимо его теоретического интереса, использоваться в психологии деятельности и личности, психологической экспертизе, составлении портрета личности через выявление предпочтений и конструировании личностных портретов в рамках описания культур разных типов.

Примечания

1. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания. Москва : Директ-Медиа, 2002. 290 с.
2. Бергсон А. Творческая эволюция : монография. Москва : Директ-Медиа, 2009. 608 с.
3. Биологические часы : [сборник статей] : пер. с англ. / под ред. и предисл. С. Э. Шноля. Москва : Мир, 1964. 694 с. : ил.
4. Блауберг И. И. «Философская интуиция» А. Бергсона – размышления о сущности философского творчества // Философский журнал. P2016. № 9. С. 24–36.
5. Бурно М. Е. Терапия творческим самовыражением. Москва : Медицина, 1989. 304 с.

6. Головашина О. В. Темпоральность в исследованиях социального: конструирование времени и временем // *Философия и общество*. 2016. № 3 (80). С. 42–56.
7. Зиммель Г. Избранное : [в 2 томах] / [сост.: С. Я. Левит, Л. В. Скворцов ; отв. ред. Л. Т. Мильская]. Москва : Юристъ, 1996. (Лики культуры: ЛК). Том 2: Созерцание жизни / [пер.: М. И. Левина и др.]. 1996. 607 с.
8. Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос : [сборник] / [вступ. ст. А. А. Тахо-Годи, с. 5–30; послесловия В. П. Троицкого, Л. А. Гогтишвили, с. 882–923; комментарии И. И. Маханькова]. Москва : Мысль : Российский открытый университет, 1993. 958 с. : портр.
9. Лосев А. Ф. Личность и Абсолют / сост. А. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкий. Москва : Мысль, 1999. 719 с.
10. Рибо Т. Творческое воображение / пер. с фр. Е. Предтеченского и В. Ранцева. Санкт-Петербург : тип. Ю. Н. Эрлих, 1901. 318 с.
11. Хайдеггер М. Бытие и время / [пер. с нем. В. В. Бибихина]. [5-е издание]. Москва : Академический проект, 2015. 448 с.
12. Фромм Э. Психоанализ и религия. Искусство любить. Иметь или быть? : пер. с англ. Киев : Ника-Центр, 1998. 400 с.
13. Adam B. (2004) *Time*. Cambridge: Polity Press. 200 p.
14. Brose H.-G. (2004) Towards a Culture of Non-simultaneity? *Time and Society*. №No. 13 (1): 5–26.
15. Knights D., Yakhlef A. (2005) Time, Self and Reified Artefacts. *Time and Society*. №No. 2–3: 283–302.

References

1. Bergson A. [Bergson Henri] *Opyt o neposredstvennykh dannyykh soznaniya [Experience About the Direct Data of Consciousness]*. Moscow, Publishing House “Direct-Media”, 2002. 290 p. (In Russian)
2. Bergson A. [Bergson Henri] *Tvorcheskaya evolyutsiya [Creative Evolution]*. Moscow, Publishing House “Direct-Media”, 2009. 608 p. (In Russian)
3. Shnol S. E., ed. *Biologicheskie chasy [The Biological Clock]*. Moscow, Publishing House “Mir”, 1964. 694 p. (In Russian)
4. Blauberg I. I. Henri Bergson’s Philosophical Intuition as Reflexions on the Nature of Philosophical Creativity. *Philosophy Journal*. 2016, no. 9, pp. 24–36. (In Russian)
5. Burno M. E. *Terapiya tvorcheskim samovyrazheniem [Creative Expression Therapy]*. Moscow, Publishing House “Medicina”, 1989. 304 p. (In Russian)
6. Golovashkina O. V. Temporality in Studies of Social Phenomena: Constructing of Time and by Time. *Philosophy and Society*. 2016, no 3 (80), pp. 42–56. (In Russian)
7. Zimmel’ G. [Simmel Georg] *Izbrannoe. V 2 tomakh. Tom 2: Sozertsanie zhizni [Favorites. In 2 volumes. Volume 2: Contemplation of Life]*. Moscow, The Publishing Group “Jurist”, 1996. 607 p. (In Russian)
8. Losev A. F. *Bytie. Imya. Kosmos [Being. Name. Space]*. Moscow, Mysl Publishers, 1993. 958 p. (In Russian)
9. Losev A. F. *Lichnost’ i Absolyut [Personality and the Absolute]*. Moscow, Mysl Publishers, 1999. 719 p. (In Russian)
10. Ribo T. *Tvorcheskoe voobrazhenie [Creative Imagination]*. St. Petersburg, 1901. 318 p. (In Russian)
11. Heidegger Martin *Sein und Zeit Tübingen*. Max Niemeyer Verlag, 1993. (In Rus. ed.: Khaydegger M. *Bytie i vremya [Being and Time]*. Moscow, Publishing house “Academic Project”, 2015. 448 p.).
12. Fromm E. *Psikhoanaliz i religiya. Iskusstvo lyubit’. Imet’ ili byt’? [Psychoanalysis and Religion. The Art of Loving. To Have or to De?]*. Kiev, Publishing house “Nika-Center”, 1998. 400 p. (In Russian)
13. Adam B. (2004) *Time*. Cambridge: Polity Press. 200 p. (In English)
14. Brose H.-G. (2004) Towards a Culture of Non-simultaneity? *Time and Society*. No. 13 (1): 5–26. (In English)
15. Knights D., Yakhlef A. (2005) Time, Self and Reified Artefacts. *Time and Society*. No. 2–3: 283–302. (In English)

*

СОВРЕМЕННЫЕ БИБЛИОТЕЧНО- ИНФОРМАЦИОННЫЕ НАУКИ – ОРГАНИЗАТОРАМ ДЕТСКОГО И ЮНОШЕСКОГО ЧТЕНИЯ

УДК 021.2

DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10217

Н. В. Лопатина

Московский государственный институт культуры

Обосновываются позиции теории и методологии библиотечной работы с детьми и юношеством как самостоятельной дисциплины в системе библиотечно-информационных наук. Актуальные задачи теоретико-методологического обеспечения библиотечной работы с детьми и юношеством связываются с опережающим реагированием науки на потребности развития подрастающего поколения. Раскрывается необходимость новых теоретических изысканий, учитывающих влияние информатизации на детское чтение. Выявляются противоречия между информационными практиками детей и взрослых, характер их реагирования на современную информационную среду. Анализируются риски современного информационного пространства детства и юношества, трансформации приоритетов отношений «библиотекарь – читатель», последствия отказа от дифференцированного обслуживания детей и юношества. Определяются позиции и значение детского чтения в информационной инфраструктуре общества. Ставится задача обеспечения непрерывности детских и юношеских читательских практик.

Ключевые слова: чтение, детское чтение, библиотечное обслуживание детей и юношества, библиотечная работа с детьми, информатизация, библиотечно-информационные науки, информационная инфраструктура общества.

Nataliya V. Lopatina

Moscow State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotekhnaya Str., 7, 141406, Khimki City, Moscow Region, Russian Federation

MODERN LIBRARY AND INFORMATION SCIENCE – ORGANIZERS OF CHILDREN'S AND YOUTH READING

The article substantiates the positions of the theory and methodology of library work with children and youth as an independent discipline in the system of library and information sciences. Current problems of theoretical and methodological support of library work with children are associated with

ЛОПАТИНА НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой библиотечно-информационных наук факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

LOPATINA NATALYA VIKTOROVNA – D.Sc. in Pedagogic Sciences, Full Professor, Head of the Department of Library and Information Sciences, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: lis.mgik@yandex.ru

© Лопатина Н. В., 2020

the advanced response of science to the development needs of the younger generation. The article reveals the need for new theoretical research that takes into account the impact of Informatization on children's reading. Contradictions between information practices of children and adults, the nature of their response to the modern information environment are revealed. The article analyzes the risks of the modern information space of childhood and youth, the transformation of the priorities of the "librarian – reader" relationship, and the rejection of differentiated services for children and youth. The positions and significance of children's reading in the information infrastructure of society are determined. The goal is to ensure continuity of children's and youth reading practices.

Keywords: reading, children's reading, library services for children and youth, library work with children, Informatization, library and information science, information infrastructure of society.

Для цитирования: Лопатина Н. В. Современные библиотечно-информационные науки – организаторам детского и юношеского чтения // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 2 (94). С. 157–162. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10217

Библиотечная работа с детьми и юношеством всегда является одним из наиболее социально значимых направлений информационно-библиотечной деятельности и одним из наиболее интересных и важных направлений библиотечных исследований. Существовая на стыке библиотечно-информационных наук (включающих библиотечное, общую теорию чтения [4], библиографоведение, в особенности – теорию рекомендательной библиографии, документологию [7] и книговедение, социальную информатику и теорию социальных коммуникаций и другие), педагогики и психологии, **теория и методология библиотечной работы с детьми и юношеством** формирует очень сильную самостоятельную научную дисциплину с ярко выраженной практической и социально-управленческой ориентацией, с огромным потенциалом социокультурного проектирования. Очень сложно найти аналогичную сферу деятельности, столь значимую для формирования будущего общества, для построения и реализации программ направленного и бескризисного развития государства.

В этих условиях одной из актуальных и важных задач библиотечно-информационных наук становится теоретико-методологическое обеспечение библиотечной рабо-

ты с детьми самым новым научным и научно-практическим знанием, которое не просто анализирует онтологию современной информационной и культурной среды, но и предлагает разработки, направленные в будущее. Именно новационное строительство информационной и культурной среды является основой научно-экспертной поддержки библиотечной работы с детьми и юношеством, а опережающее реагирование науки на потребности развития подрастающего поколения выступает магистральным направлением развития теории и методологии информационно-библиотечной деятельности. В связи с этим хотелось бы вспомнить и дополнить понимаемый и разделяемый всеми лозунг, лежащий в основе отечественной культуры: «Всё лучшее и новое – детям!».

Современные библиотечно-информационные науки переживают последствия методологического кризиса [2]. Социокультурные трансформации последней четверти века затронули понимание функций библиотеки как социального института. Информатизация потребовала от библиотечного дела настолько мощных онтологических изменений, что и для адекватной оценки их самих и их следствий необходимы определённого рода теоретико-методологические новации. Оценивая качество на-

учной деятельности в области библиотековедения, библиографоведения и книговедения, можно говорить о различных трактовках эффективности науки: не только экономической, но и социальной, эпистемологической и гносеологической. Современное общество практикует утилизацию научного знания как важнейшего показателя его значимости, в этом мы видим и шлейф постмодернистских парадигм, и атавизм индустриального общества. В связи с этим хотелось бы обратиться ко всем библиотекарям, в первую очередь – к библиотекарям, работающим с детьми и юношеством, с просьбой не отрицать значимость серьёзных научных изысканий и требовать от библиотечной науки только чётких практических рекомендаций, методичек, регламентов, алгоритмов.

Информатизация обнаружила существенные противоречия между теорией и практикой библиотечного дела, связанные не только с новой онтологией, но и с тем, что многие явления в библиотечных практиках стали более «выпуклыми», раскрылись причины многих явлений и проблем, появилась возможность их изучения и управления. В данном случае не требуется трансформация библиотековедения, пересмотр базовых категорий, чего опасаются многие.

Основным эпистемологическим противоречием в научном осмыслении информатизации в рамках этого проблемного поля выступает фактическое игнорирование антропогенных факторов данного глобального тренда, непонимание рядом специалистов идеи преемственности в развитии библиотеки, отсутствие преобразовательной и социально конструирующей направленности в большинстве библиотеческих исследований информатизации.

Не стоит акцентировать внимание на том, как изменяются форматы представления знания, культурного наследия, духов-

ных ценностей, важно видеть, как изменяется наш читатель, в первую очередь ребёнок, молодой человек. Для него мир новых информационных технологий также дорог и привычен, как для нас Мир книг. Сегодня он живёт в этом мире, но мы, взрослые – родители, педагоги, библиотекари, очень медленно и неохотно наполняем его мир добром, знанием, духовностью, лучшими образцами мировой и отечественной культуры и литературы.

Стремление к профессиональной идентичности в данном случае не позволяет нам выйти за рамки методологического централизма и проследить целевое, концептуальное, структурно-функциональное единство новых явлений и привычных форм в информационном поведении маленького человека. Мы вступаем в противоречие с ним, доказываем приоритет того вида документа, того информационно-коммуникативного формата, который дорог и привычен для нас – взрослых.

Сосредоточившись, замкнувшись на этом, мы утрачиваем былое влияние на ум и душу подрастающего поколения, а наше место занимают те, кто быстрее нас проник в новое информационное пространство детства и юношества. Кто же занимает наше место? Наша научная школа раскрыла профессиональному сообществу риски внедрения в процесс руководства чтением молодёжи «третьих» сил, инициатива которых в лучшем случае соседствует с пустой болтовнёй или коммерческими задачами, а в худшем – с экстремизмом, межнациональной и религиозной враждой, насаждением негативных моделей поведения [1; 5].

Современное информационное пространство детства и юношества, отличающееся высокой степенью проницаемости со стороны всех социальных сил, – явление, требующее не только изучения в пред-

метном поле библиотековедения и теории и методологии библиотечной работы с детьми и юношеством, но и социального конструирования.

Для решения актуальных проблем практики библиотечной работы с детьми и юношеством мы должны осуществлять социально-культурное проектирование, опираясь на современные исследования наук об обществе и культуре, с проекцией новых фундаментальных тем, обладающих не только теоретическим значением, но и прикладной ориентацией. Эта задача сложна, но она по силам нам, если и практики возьмут ориентир на гармонизацию традиций и новаций библиотечного дела, на стратегический характер принимаемых решений и отказ от дилетантизма, примитивизации. Необходимо помнить о том, что именно библиотекарь, благодаря своей деятельности, профессионализму, социальной активности, сохраняет современную библиотеку, а не наоборот. Именно в этом заключается неинституциональный подход в библиотековедении – новый и эвристичный для решения актуальных задач теории и практики [3]. Он позволяет нам понять суть многих проблем, с которыми сталкивается современный библиотекарь, найти пути их преодоления.

Одним из ключевых вызовов современной культурной среды выступает изменение паттерна, лежащего в основе базового для системы социального отношения «библиотекарь – читатель». От патернализма, который имел много вариативных оттенков на разных витках спирали социально-информационного развития, осуществляется переход к возможности взаимодействия особого рода, которое способно в случае количественного скачка (некоего пользовательского максимума) вызвать такие серьёзные качественные изменения связей между элементами системы, которые приведут к се-

рьёзной дисфункции библиотеки как социального института.

Между тем, говоря об оттенках патернализма в цепочке «библиотекарь – читатель», необходимо отметить, что клиентоориентированный подход оставляет приоритет запроса над потребностью – осознанной или неосознаваемой потребностью личности и потребности общества в личности, обладающей определёнными компетенциями и личностными качествами.

Понимание библиотечного дела, библиографии как мощных социально-информационных технологий [6] обязывает библиотечную теорию и практику работы с детьми и юношеством развиваться в мейнстриме «воспитание – развитие – формирование», несмотря на то, что современное отраслевое управление искусственными планками снижает разнообразие социальных отношений и социальных функций библиотеки. К сожалению, мы наблюдаем тенденцию к отказу от дифференцированного обслуживания детей и юношества как особой социальной группы, библиотечно-информационное обслуживание которых требует специально созданных условий, в том числе – особой информационно-ресурсной и материально-технической базы, особых компетенций профессионалов и инструментов их деятельности. Речь идёт не о консолидации бюджетов библиотек или создании универсальных региональных библиотечных комплексов (как экономических решениях), а о микшировании инструментария – педагогического и андрогогического, об отказе от понимания специфики возрастной психологии в социокультурном конструировании, от понимания принципиальной значимости детского и юношеского чтения для социализации. Официальный приоритет культурно-досуговой деятельности библиотеки усиливает вытеснение чтения из повседневных

культурных и образовательных практик ребёнка, размывая границы между библиотекой и детским клубом, библиотекой и развлекательным центром, между библиотекарем и аниматором.

Каким будет общество будущего, если мы не готовим целенаправленно ребёнка к разнообразию жизненных ситуаций, не знакомим с типовыми моделями поведения в них, не занимаемся его эмоциональным развитием, в том числе развитием его эмоционального интеллекта? Современная информационная инфраструктура находится на этапе коренных изменений позиций библиотеки в информационной и культурной среде, однако потребность общества в институте, который руководит детским и юношеским чтением фундаментальна для социального развития. В этом контексте перед библиотечно-информационными науками стоит две ключевые задачи: 1) содействовать на этапе лага непрерывности детских и юношеских читательских практик – и в традиционном, и в электронном формате – путём создания механизмов доступа к книге,

оптимальных для трансформационного периода; 2) адаптировать богатейший и уникальный багаж научного и практико-ориентированного знания в области детского и юношеского чтения к трансферу в новые институциональные рамки.

В создавшихся условиях необходим особый уровень отраслевого междисциплинарного знания – уровень стратегической аналитики, который представляет собой социокультурное проектирование только на научной основе, на основе многофакторного изучения и прогнозирования. Речь идёт о новом векторе библиотечно-информационной методологии – методологии макроуровневой социальной деятельности, формирующей новые механизмы взаимодействия науки и практики, а именно – быстрого восхождения практики к научным исследованиям, с одной стороны, и интеграции научных исследований в социальные практики – с другой. На макроуровнях выше степень социальной ответственности, что принципиально важно, когда дело касается человеческого капитала будущего.

Примечания

1. Дорохина С. В. Интернет-руководство чтением молодёжи как средство развития и поддержки чтения в информационном обществе : диссертация на соискание учёной степени кандидата педагогических наук : 05.25.03 / Дорохина Светлана Владимировна. Москва, 2014. 196 с. : ил.
2. Лопатина Н. В. Библиотечно-информационные науки в цифровую эпоху // Библиография и книговедение : научный журнал по библиографии и книговедению. 2018. № 5. С. 60–69.
3. Лопатина Н. В. Современные теоретико-методологические проблемы библиотековедения : учебное пособие. Москва : ЦНСХБ, МГИК, 2016. 114 с.
4. Мелентьева Ю. П. Общая теория чтения. Москва : Наука, 2015. 230 с.
5. Сляднева Н. А. Социальная киберпедагогика // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 3. С. 148–153.
6. Сляднева Н. А. Социально-кибернетические механизмы гомеостатического регулирования социума // Социальная философия и проблемы современного общества : (Материалы «круглого стола»). Часть 1 / [науч. ред.: И. Н. Романов и др.]. Москва : МГУКИ, 2003. С. 49–56.
7. Столяров Ю. Н. Документология : учебное пособие. Орёл : Горизонт, 2013. 369 с.

References

1. Dorokhina S. V. *Internet-rukovodstvo chteniev molodezhi kak sredstvo razvitiya i podderzhki chteniya v infirmatsionnom obshchestve. Diss. kand. ped. nauk [Internet guide to reading for young people as a means of development and support of reading in the information society. Cand. ped. sci. diss.]*. Moscow, 2014. 196 p. (In Russian)

2. Lopatina N. V. Library and Information Science in the Digital Age. *Bibliography and Book Studies*. 2018, no. 5, pp. 60–69. (In Russian)
3. Lopatina N. V. *Sovremennye teoretiko-methodologicheskie problemy bibliotekovedeniya [Modern Theoretical and Methodological Problems of Library Science]*. Moscow, Publishing House of the Moscow State Institute of Culture, 2016. 114 p. (In Russian)
4. Melentyeva Yu. P. *Obshchaya teoriya chteniya. [General Theory of Reading]*. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 2015. 230 p. (In Russian)
5. Slyadneva N. A. Social'naya kiberpedagogika [Social Cyberpedagogy]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2012, no. 3, pp. 148–153. (In Russian)
6. Slyadneva N. A. Sotsial'no-kiberneticheskie mekhanizmy gomeostaticheskogo regulirovaniya sotsiuma [Social and Cybernetic Mechanisms of Homeostatic Regulation of Society]. In: Romanov I. N., etc. eds. *Sotsial'naya filosofiya i problemy sovremennogo obshchestva. (Materialy “kruglogo stola”). Chast' 1 [Social Philosophy and Problems of Modern Society (“Round Table” Materials). Part 1]*. Moscow, Publishing House of the Moscow State University of Culture and Arts, 2003. Pp. 49–56. (In Russian)
7. Stolyarov Yu. N. *Documentologiya [Documentology]*. Orel, Publishing House “Horizon”, 2013. 369 p. (In Russian)

*

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНАЯ СРЕДА»

УДК 004.5:001.5

DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10218

Д. А. Фурсова

Московский государственный лингвистический университет

Информационно-коммуникативная среда – одно из часто используемых понятий в современном научном и общественном дискурсе. Однако использование этого термина сопряжено с определёнными проблемами терминологического характера, в частности, наблюдается дублирование синонимичных терминов (*информационная реальность*, *информационно-коммуникативное поле*, *виртуальная реальность* и пр.) и недостаточность, неполнота имеющихся дефиниций данного понятия. Рассмотрев существующие определения понятия *информационно-коммуникативная среда*, как словарные, так и предлагаемые в научных публикациях, а также опираясь на определение самого понятия *среда*, автор выводит собственное определение. В данной статье *информационно-коммуникативную среду* предлагается рассматривать как синтез онлайн- и офлайн-сред, в котором основообразующим «веществом» можно считать информацию; Интернет и множество цифровых устройств – совокупностью условий; а социальным окружением, детерминирующим социокультурные условия, – субъектов информационно-коммуникативной среды, которые представлены как людьми, так и различными андроид-программами. Сосуществование в информационно-коммуникативном пространстве цифровых субъектов человеческой и нечеловеческой природы является, по мнению автора, принципиальным моментом. Автору представляется крайне важным прийти к единому, максимально полному определению понятия *информационно-коммуникативная среда*, так как данный феномен, без сомнения, трансформирует существующие социокультурные институты и практики.

Ключевые слова: информационно-коммуникативная среда, информационная реальность, виртуальная реальность, определение информационно-коммуникативной среды.

Darya A. Fursova

Moscow State Linguistic University, the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Ostozhenka Str., 38/1, 119034, Moscow, Russian Federation

TOWARDS THE PROBLEM OF THE DEFINITION “INFORMATION AND COMMUNICATION ENVIRONMENT”

Information and communication environment is one of the common, often used terms in modern scientific and social discourse. However, using of this term is connected with certain terminological problems, such as its polysemy (information reality, information and communication field, virtual reality) and incompleteness of the existing definitions of this term. Having analyzed the existing definitions of this term information and communication environment in the dictionaries as well as

ФУРЦОВА ДАРЬЯ АВЕТИСОВНА – преподаватель кафедры второго иностранного языка Института иностранных языков имени М. Тореза Московского государственного лингвистического университета

FURSOVA DARYA AVETISOVNA – teacher, the Maurice Thorez Institute of Foreign Languages, the Moscow State Linguistic University

e-mail: da_fursova@mail.ru
© Фурсова Д. А., 2020

in several studies, and basing on the definition of the term environment the author suggests her own definition of this term. In this article the information and communication environment is considered to be a synthesis of online and offline environments. The base (foundation) matter is information. The Internet is the amount of conditions. Social environment determine the social and cultural conditions are the subjects of information and communication environment – humans and non-humans. Co-existence of the subjects of human and non-human nature in the information and communication environment is, according to the author, the main and specific characteristic of information and communication environment. Author believes that's very important to work out a common and specific definition, which will reflect all the aspects of this phenomena as soon as the information and communication environment undoubtedly changes the existing social and cultural institutions and practices.

Keywords: informational and communication environment, informational reality, virtual reality, definition of the term informational and communication environment.

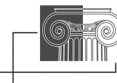
Для цитирования: Фурсова Д. А. К проблеме определения понятия «информационно-коммуникативная среда» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 2 (94). С. 163–168. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10218

Информационно-коммуникативная среда – одно из понятий, часто используемых в современном научном и общественном дискурсе. Однако, несмотря на частотность его употребления, с его использованием, на наш взгляд, связано несколько проблем, которые можно назвать терминологическими. Во-первых, во многих научных работах термин *информационно-коммуникативная среда* используется по умолчанию, без его определения (М. В. Бештоков, Т. А. Головина, И. В. Беспалова). Во-вторых, те немногие существующие определения, на наш взгляд, не в полной мере отражают сущность и свойства информационно-коммуникативной среды на настоящем этапе её развития. В-третьих, многие исследователи зачастую, с нашей точки зрения, не вполне корректно используют в качестве синонимов данного термина целый ряд других.

Эти терминологические проблемы, очевидно, прежде всего можно объяснить трудностями, естественно возникающими у исследователей, живущих непосредственно в информационно-коммуникативной среде, а не наблюдающих её отстранённо.

Для того чтобы разобраться в проблеме, обратимся к словарным определениям данного понятия. Прежде всего следует отметить, что, несмотря на высокий дискурсивный рейтинг данного понятия, оно практически не отражено в словарях. Нам удалось найти дефиницию понятия *информационно-коммуникативная среда* только в «Словаре по технологиям обучения». В данном словаре под информационно-коммуникативной средой понимается «совокупность условий, обеспечивающих осуществление деятельности пользователя с информационным ресурсом с помощью интерактивных средств информационно-коммуникативных технологий» [9].

Стоит обратить внимание на то, что в данном словарном определении отмечается только такой параметр, как «деятельность пользователя с информационным ресурсом», при этом игнорируется взаимодействие программ, основанных на искусственном интеллекте, с человеком. Между тем коммуникация искусственного интеллекта с человеком является важнейшим условием экзистирования человека в новой среде – информационно-коммуникативной, специ-

фика которой состоит в возможности такого типа коммуникации, где человеку предлагается выступать в роли объекта.

Можно отметить также недостаточность и даже определённую противоречивость данного определения, которая состоит в том, что, с одной стороны, в нём отражён только технологический компонент; а с другой – используется слово «среда», которое, согласно толковому словарю, означает не только совокупность условий, но и «вещество, заполняющее пространство, окружение, социально-бытовые условия» [3]. То есть в представленном определении рассматриваемого нами термина акцент смещён в сторону технологий, а гуманитарный аспект среды игнорируется. Между тем информационно-коммуникативная среда содержит в себе как гуманитарный, так и технологический аспекты [7]. Именно поэтому использование слова «среда» в данном контексте оправданно, так как термин «информационно-коммуникативная среда» описывает процессы, действительно происходящие в среде, причём не в одной, а в двух: офлайн и онлайн. Это проявляется в том, что, с одной стороны, происходит активное внедрение информационно-коммуникативных технологий в реальную, так называемую офлайн-среду (появление новых средств коммуникации, хранения и передачи информации). Это и есть технологическая составляющая, которая отражена в приведённом выше определении. С другой стороны, наблюдается активная цифровизация традиционных социокультурных практик. То есть происходит трансформация социокультурных и социально-бытовых условий жизни человека, его жизненной среды. При этом происходит взаимовлияние и взаимопроникновение двух сред, в результате чего и появляется то, что можно назвать информационно-коммуникативной средой.

Таким образом, на наш взгляд, информационно-коммуникативную среду можно определить как синтез онлайн- и офлайн-сред, в котором основообразующим «веществом» можно считать информацию; Интернет и множество цифровых устройств – совокупностью условий; а социальным окружением, детерминирующим социокультурные условия, – субъектов информационно-коммуникативной среды, которые представлены как людьми, так и различными андроид-программами.

При этом важно отметить, что в информационно-коммуникативной среде человек выступает одновременно как субъект информационного общения (цифровой субъект информационно-коммуникативной среды) и как личность. Его личность, с одной стороны, может не совпадать с его цифровым субъектом, а с другой – одна личность может быть представлена несколькими цифровыми субъектами.

Рассмотрим ещё одно определение, представленное в работах В. В. Зотова. Под информационно-коммуникативной средой он понимает «сетевое распределение информационно-коммуникативных субъектов, удовлетворяющих информационно-коммуникативные потребности с помощью информационно-телекоммуникационных технологий» [4]. Раскрывая данное определение, В. В. Зотов называет информационно-коммуникативную среду одной из детерминант развития современного российского общества, отмечая встраивание информационно-коммуникативной среды в социальные отношения на правах нового социального института, трансформирующего существующий социальный порядок, формирующего новые социальные практики в рамках существующих институтов. В. В. Зотов отмечает, что информационно-коммуникативная среда является также

средством удовлетворения информационно-коммуникативных потребностей субъектов. К информационно-коммуникативным потребностям он прежде всего относит потребности в общении и познании, а также в социальном признании, развлечении, эмоциональной разрядке. Помимо этого, согласно В. В. Зотову, информационно-коммуникативная среда является сетью для осуществления коммуникации между отдельными субъектами посредством информационных технологий, а также хранилищем массивов знания и информации.

Таким образом, В. В. Зотов в своём определении информационно-коммуникативной среды отмечает следующие компоненты значения слова «среда»: социальное окружение и совокупность условий. И хотя остаётся не очевидным, что имеется в виду под информационно-коммуникативными субъектами: только люди или также программы искусственного интеллекта, в целом можно отметить, что определение, данное В. В. Зотовым, значительно более чёткое, чем словарное определение, которое мы рассмотрели выше, так как оно даёт достаточно полное и релевантное представление об информационно-коммуникативной среде.

Обратимся к третьей проблеме, которую можно назвать терминологической избыточностью или терминологической «разбалансировкой». Так, в ряде работ используются такие термины, как *информационно-коммуникативное поле* (Д. Ю. Астапенко), *информационно-коммуникативное пространство* (Е. В. Чиликина, Д. Ю. Кутюгин, А. А. Копытов, Д. А. Журавлёв), *информационно-коммуникативная система* (Е. Н. Юхвид), *инфосфера* (С. А. Дятлов), *виртуальная социально-коммуникативная среда* (Р. В. Леушкин), *информационная реальность* (В. М. Розин), *digital-среда* (термин, принятый в англоязычном научном дискурсе). Терминологиче-

ская разрозненность, с одной стороны, свидетельствует о многомерности исследуемого явления, о разнообразии подходов к его изучению, а с другой стороны, о несформированности в научном сознании единого представления о сущности и свойствах информационно-коммуникативной среды.

В работах В. М. Розина упоминается об использовании также таких терминов, как *Интернет-вселенная* или *Планета Интернет*, под которыми понимается «интеллектуальная техногенная система, в которой реализуются интерактивные функции коммуникации как людей, так и интернет-роботов и смарт-устройств» [8]. Комментируя эти термины, В. М. Розин предлагает говорить об «урбанистике Интернета», так как «вселенная» или «планета» имеют нерукотворный характер, они не созданы человеком, в то время как Интернет – продукт человеческой мысли [8]. Соглашаясь с В. М. Розиным в том, что критикуемые им термины излишне метафоричны, отметим, что предлагаемый им термин «урбанистика», в свою очередь, представляется нам понятием, слишком ограниченным в силу акцентирования идеи «рукотворности». Информационно-коммуникативная среда всё же представляет собой синтез рукотворного и нерукотворного. Кроме того, введение В. М. Розиным в научный дискурс нового термина, по сути, не решает проблемы терминологической избыточности.

В работах некоторых исследователей под информационно-коммуникативной средой понимается просто Интернет (Б. М. Кузнецов, Т. А. Головина, С. И. Бобовникова), что также не является, на наш взгляд, вполне корректным. Тем более что Интернет сам по себе, как глобальная информационная система, объединяющая компьютерные сети [10], является в большей степени инструментом, чем средой.

Своеобразный взгляд на информационно-коммуникативную среду предложен в работе М. В. Бештокова. Он полагает, что информационно-коммуникативная среда – это результат функционирования *компьютерно-интерактивной социальной системы* (КИСС), под которой он понимает «опосредованную техническими устройствами систему взаимодействия социальных акторов, обеспечивающую создание, функционирование и воспроизводство высокотехнологичной информационно-коммуникативной среды» [1]. Хотелось бы отметить основное противоречие определения, предлагаемого М. В. Бештоковым: согласно его определению, система порождает среду, тогда как система существует внутри среды и неразрывно связана с ней, проявляя свою целостность именно во взаимоотношениях со средой [13]. Кроме того, при редуцировании определения понятия *компьютерно-интерактивная социальная система* становится очевидным, что оно сводится к формуле «Интернет + люди», а между тем взаимодействие людей и Интернета реализуется внутри информационно-коммуникативной среды.

Для номинирования информационно-коммуникативной среды в ряде исследований можно встретить ещё и такие понятия, как *виртуальная реальность* или *виртуальная среда* (Н. С. Черноярова, Т. А. Жданова). Термин *виртуальная реальность* связан с именем Д. Ланьера, который подразумевает под ним искусственно созданную компьютерными средствами среду, в которую можно проникать и изменять её, испытывая реальные ощущения, при помощи специальной экипировки (очки, шлем виртуальной реальности и т.п.) [5]. Термин *виртуальная реальность* Д. Ланьера соответствует термину *киберпространство*, введённому У. Гибсоном в романе «Нейромант» [2]. Та-

ким образом, использование термина *виртуальная реальность/среда* в значении *информационно-коммуникативная среда* представляется не вполне корректным. Впрочем, использование этого термина в работах, посвящённых информационно-коммуникативной среде, можно объяснить принадлежностью исследователей к школе виртуалистики Н. А. Носова. Так, например, Р. В. Леушкин рассматривает *виртуальное социальное пространство* (*виртуальную социально-коммуникативную среду*) как эволюционно новую форму социальной коммуникации [6].

Упоминание о *компьютерной, виртуальной и информационной реальностях*, а также о *виртуальных состояниях человека-пользователя* встречается также в работах В. М. Розина [8]. Он рассматривает *информационную реальность*, выделяя четыре плана: специфическую технологию, семиозис, широкий спектр средств решения социальных и индивидуальных задач, а также фактор и аспект современной среды обитания человека. Таким образом, информационная реальность, по В. М. Розину, на наш взгляд, совпадает с понятием *информационно-коммуникативная среда*.

Подводя итог, отметим, что использование термина *информационно-коммуникативная среда* сопряжено с определёнными проблемами терминологического характера, в частности, недостаточностью, неполнотой имеющихся дефиниций данного понятия, терминологической избыточностью. Нам представляется крайне важным прийти к единому, максимально полному и точному определению понятия *информационно-коммуникативная среда*. Мы не настаиваем на предлагаемом нами определении как на единственно возможном, однако считаем, что в качестве рабочего определения оно имеет право на существование в научном дискурсе.

Примечания

1. Бештоков М. В. Компьютерно-интерактивная социальная система как среда социализации российской молодёжи: структура, потенциал и социализационные риски : автореферат дис. на соискание учёной степени кандидата социологических наук : 22.00.04 / Бештоков Магомед Владимирович. Ростов-на-Дону, 2018. 38 с.
2. Гибсон У. Нейромант / пер. с англ. [М. Пчелинцев]. Санкт-Петербург : Азбука, 2015. 480 с.
3. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка Ефремовой [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/249351>
4. Зотов В. В. Становление информационно-коммуникативной среды как основание общественных трансформаций // Общество: политика, экономика, право. 2008. № 2.
5. Ланьер Д. Вы не гаджет. Манифест [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/lanir_dgaron/vi_ne_gadget_manifest.html#707006
6. Леушкин Р. В. Виртуальная социальная коммуникация: социально-онтологические условия существования : автореферат дис. на соискание учёной степени кандидата философских наук : 09.00.11 / Леушкин Руслан Викторович. Ульяновск, 2015. 20 с.
7. Мороз О. В. Как цифровые технологии изменили среду обитания человека? [Электронный ресурс]. URL: <https://postnauka.ru/video/75092>
8. Розин В. М. Интернет – новая информационная технология, семиозис, виртуальная среда. [Электронный ресурс]. URL: <https://iphras.ru/page48296943.htm>
9. Словарь по технологиям обучения [Электронный ресурс]. URL: www.ndce.edu.ru
10. Социологическая энциклопедия : в 2 томах / Национальный общественно-научный фонд ; [науч. ред. В. Н. Иванов (гл. ред.) и др.]. Москва : Мысль, 2003.
11. Философский словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://ksana-k.narod.ru/Book/Filosof/main.html>

References

1. Beshtokov M. V. *Komp'yuterno-interaktivnaya sistema kak sreda sotsializatsii sovremennoy molodezhi: struktura, potentsial i sotsializatsionnye riski. Avtoreferat diss. kand. sotsiolog. nauk [Interactive Computer System as Social Environment for Modern Youth: Structure, Potential and Socialization Risks. Synopsis cand. sociolog. sci. diss.]*. Rostov-on-Don, 2018. 38 p. (In Russian)
2. Gibson W. *Neyromant [Neuromancer]*. St. Petersburg, "Azbooka" Publishing House, 2015. 480 p. (In English)
3. Efremova T. F. *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka Efremovoy [The Modern Russian Dictionary by T. Efremova]*. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/249351> (In Russian)
4. Zotov V. V. Formation of Information and Communication Medium as Basis of Social Transformation. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo [Society: Politics, Economics, Law]*. 2008, no. 2. (In Russian)
5. Lanyer D. *Vy ne gadzhet. Manifest [You are not a gadget. Manifestation]*. Available at: https://royallib.com/read/lanir_dgaron/vi_ne_gadget_manifest.html#707006 (In English)
6. Leushkin R. V. *Virtual'naya sotsial'naya kommunikatsiya: sotsial'no-ontologicheskie usloviya sushchestvovaniya. Avtoreferat diss. kand. fil. nauk [Virtual Social Communication: Social and Ontological Conditions of Existence. Synopsis cand. philos. sci. diss.]*. Ulyanovsk, 2015. 20 p. (In Russian)
7. Moroz O. V. *Kak tsifrovye tekhnologii izmenili sredu obitaniya cheloveka? [How Have the Digital-Technologies Impacted the Human Environment?]*. Available at: <https://postnauka.ru/video/75092> (In Russian)
8. Rozin V. M. *Internet – novaya informatsionnaya tekhnologiya, semiozis, virtual'naya sreda [The Internet as a New Informational Technology, Semiosis and Virtual Environment]*. Available at: <https://iphras.ru/page48296943.htm> (In Russian)
9. *Slovar' po tekhnologiyam obucheniya [Dictionary in Learning Technologies]*. Available at: www.ndce.edu.ru (In Russian)
10. *Sotsiologicheskaya entsyclopediya [Encyclopedia of Sociology]*. Moscow, Mysl Publishers, 2003. (In Russian)
11. *Philosofskiy slovar' [Philosophy Dictionary]*. Available at: <http://ksana-k.narod.ru/Book/Filosof/main.html> (In Russian)